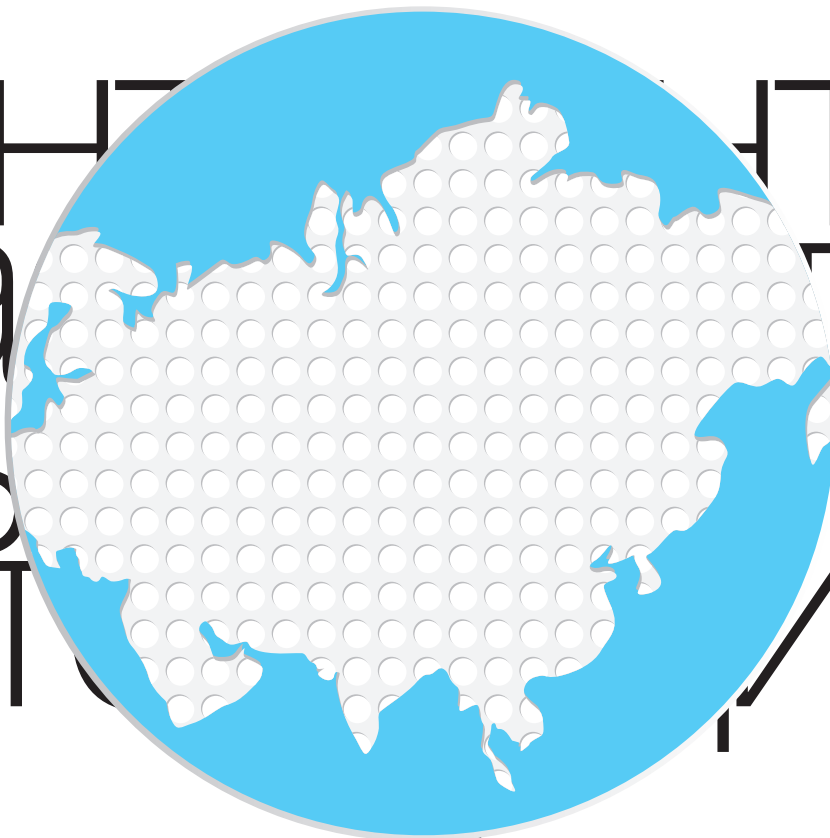

Евразийский Банк Развития

Евразийская
континентальная
интеграция

Евгений Винокуров
Александр Либман

ЕВРАЗИЙСКАЯ
КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ

Евгений Винокуров
Александр Либман

Центр интеграционных исследований
Санкт-Петербург
2012

УДК 339.94
ББК 65.7. 65.012.3. 66.4(4/8)
В 49

Выпускающий редактор
Литературный редактор:
Художественный редактор:
Верстка:

К.В. Онищенко
О.В. Яхонтов
А.Б. Жданов
А.А. Имамгалиев

Винокуров Евгений Юрьевич
Либман Александр Михайлович

В 49 Евразийская континентальная интеграция – Санкт-Петербург, 2012. – с. 224
ISBN 978-5-9903368-4-1

Монография содержит анализ многочисленных межгосударственных связей на евразийском континенте – торговых, инвестиционных, миграционных, социальных. Их развитие может иметь значительный эффект, способствующий экономическому процветанию и континентальной безопасности. Для Евразии актуальна тема континентальной интеграции, направленной на взаимопроникновение и взаимопереплетение регионов – Европы, Северной и Центральной Евразии (постсоветского пространства), Западной, Восточной и Южной Азии. Евразийская континентальная интеграция могла бы стать ключевой силой развития в области торговли энергоресурсами и другими товарами, в сферах транспорта, движения капитала и рабочей силы, туризма, борьбы с наркоторговлей и предупреждения трансграничных санитарно-эпидемиологических угроз.

Ключевые слова: региональная интеграция, евразийская интеграция, Евразия, постсоветское пространство, трансграничная инфраструктура.

УДК 339.94
ББК 65.7. 65.012.3. 66.4(4/8)

ISBN 978-5-9903368-4-1

© Евразийский банк развития, 2012

Электронная версия монографии «Евразийская континентальная интеграция» доступна на сайте ЕАБР – <http://www.eabr.org/r/research/centre/monographs/>

Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития
191014, Россия, Санкт-Петербург, ул. Парадная, 7
Тел. +7 (812) 320-44-41, факс +7 (812) 329-40-41, e-mail: centre@eabr.org, www.eabr.org
Дизайн, верстка и подготовка к печати: Дизайн-студия «Аэроплан». Санкт-Петербург, Средний пр., 77/2, www.aioplan.ru

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования обзора ссылка на публикацию обязательна. Точка зрения авторов не обязательно отражает официальную позицию Евразийского банка развития.
Подписано в печать 27.08.2012.
Гарнитура Petersburg, Pragmatica. Формат 70x100/16, п.л. 14. Тираж 900 экз.
Заказ № 475. Отпечатано в ГП ИПК «Вести».
191311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ	6
Интеграция «суперконтинента»	6
Терминология	8
Об авторах	9
Благодарность	10
Структура книги	11
ЧАСТЬ I. ПРОСТРАНСТВО И ИГРОКИ	12
2. ПРОСТРАНСТВО ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	12
Что такое Евразия?	12
Границы Евразии	23
3. ВОЛНЫ «ЕВРАЗИЙСКОГО ОБМЕНА»	29
Эволюция евразийского обмена	30
Экономический баланс в Евразии	34
Евразийский обмен и политическая интеграция Евразии	38
ЧАСТЬ II. ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС	41
4. ИНТЕГРАЦИЯ СНИЗУ: ТОРГОВЛЯ И ИНВЕСТИЦИИ	41
Трансграничная торговля	41
Прямые иностранные инвестиции и евразийские ТНК	49
Трудовая миграция	56
5. ИНТЕГРАЦИЯ СВЕРХУ: СОГЛАШЕНИЯ И ИНСТИТУТЫ	59
Межгосударственное сотрудничество	59
Межрегиональные проекты в Евразии	62
Проблемы и противоречия	68
6. СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	77
Субнациональное сотрудничество в Евразии	77
Проблемы и возможности	85

ЧАСТЬ III. ИНФРАСТРУКТУРА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	90
7. ОТ ТРАНСЪЕВРОПЕЙСКОГО И ТРАНСАЗИАТСКОГО К ТРАНСЪЕВРАЗИЙСКОМУ ВИДЕНИЮ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ	90
Перевозки между Китаем и ЕС через Центральную Азию и Россию	94
Море против суши	96
Координация инфраструктурных планов евразийских стран	100
8. ЭНЕРГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ: ОБЩИЕ РЫНКИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ	103
Международный опыт создания региональных энергетических рынков	104
Региональные и субрегиональные общие электроэнергетические рынки в евразийской интеграции.	108
9. ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ В ЕВРАЗИИ	113
Взаимные инвестиции в телекоммуникационном секторе.	114
Континентальная передача данных	116
Спутниковая связь: перспективы сотрудничества.	120
ЧАСТЬ IV. ЭКОЛОГИЯ И «ТЕНЕВАЯ» ИНТЕГРАЦИЯ.	124
10. ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ НА КОНТИНЕНТЕ	124
Трансграничный характер экологических вопросов	124
Типы трансграничных экологических проблем.	126
Трансграничное взаимодействие и решение экологических проблем: субрегиональные и двусторонние подходы	131
11. ТЕНЕВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ	133
Торговля наркотиками	133
Торговля людьми и оружием	137
«Общий рынок микробов»	139

ЧАСТЬ V. СЕВЕРНАЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ	141
12. ОТ ПОСТСОВЕТСКОЙ К ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	141
ЕС и постсоветская интеграция: трудное партнерство.	143
Восточный фланг постсоветского пространства: осторожность и надежды.	147
13. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ЛАБОРАТОРИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	149
Россия: старая зависимость и новые связи	150
Китай: неформальная торговля и энергетика.	154
Многополярность Центральной Азии.	157
Препятствия: «Евразия в миниатюре»	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
ПРИМЕЧАНИЯ	169
ПРИЛОЖЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН И РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ	175
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	179
СОКРАЩЕНИЯ	200
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	205

1. ВВЕДЕНИЕ

Интеграция «суперконтинента»

Евразия — обширнейший «суперконтинент», простирающийся на 8232 километра от мыса Дежнева на востоке до мыса Кабо да Рока на западе и на 8505 километров от мыса Челюскина на севере до мыса Пиай на юге. Евразия является родиной наиболее древних цивилизаций мира, где в настоящее время проживает две трети населения планеты (4,8 млрд человек) и производится более половины мирового ВВП (порядка \$40 трлн). Значение Евразии огромно и в ближайшие десятилетия продолжит возрастать.

Возможно, это будет одним из следствий развивающейся интеграции между государствами и регионами этого гигантского и крайне разнородного континента. Об этом свидетельствует анализ многочисленных межгосударственных связей — торговых, инвестиционных, миграционных, социальных. Причем их развитие может иметь значительный экономический и политический эффект, способствующий процветанию экономик и континентальной безопасности.

Сейчас для Евразии актуальна новая тема — тема *евразийской континентальной интеграции*, направленной на взаимопроникновение и взаимопереплетение ранее обособленных регионов — Европы, постсоветского пространства, Центральной, Восточной и Южной Азии.

По нашему мнению, евразийская континентальная интеграция могла бы стать ключевой силой развития в области торговли энергоресурсами и другими товарами, в сферах транспорта, движения капитала и рабочей силы, туризма, борьбы с наркоторговлей и предупреждения трансграничных санитарно-эпидемиологических угроз. Важнейший вопрос XXI века — позволят ли державы, доминирующие на континенте, уверенно развиваться этому интеграционному процессу? Или же соперничество за ресурсы и влияние, территориальные споры, ценностные и политические

разногласия приведут к новым глубоким расколам между странами и субрегионами внутри Евразии, как это происходило в прошлом? Мы попытаемся рассмотреть факторы, свидетельствующие как о растущих возможностях для интеграции континента, так и об угрозах этому процессу.

В России термины «Евразия» и «евразийство» используются очень часто. Нередко они применяются или как синоним постсоветского пространства, или как агрессивная антизападная идеология, подчеркивающая исключительность российского пути. Настоящая книга призвана предложить альтернативу этому пониманию Евразии. Для нас Евразия — это пространство для взаимодействия широкого спектра стран на континенте, включающее в себя Европу и «западный мир», а также страны Азии. При этом, как мы попытаемся показать, в основе этого взаимодействия лежит не ведущая роль государств, а спонтанная активность «снизу», продиктованная законами рынка, а не инициативами правительств. При этом Россия и страны СНГ — в числе игроков, в наибольшей степени выигрывающих от подобного формата интеграции. При этом, если исследований интеграции в отдельных регионах Евразии (например, на постсоветском пространстве) существует множество, то взаимосвязи стран в «континентальном масштабе» практически не рассматривались.

Основные положения книги могут быть сформулированы следующим образом:

- Процессы интеграции между государствами в отдельных макрорегионах Евразии все больше дополняются *континентальной интеграцией*.
- Континентальная интеграция в основном связана с «интеграцией снизу», так как межправительственное сотрудничество отстает от развития экономических связей.
- Формирование некоей всеобъемлющей евразийской интеграционной структуры маловероятно. Для нее нет оснований, и в ней нет необходимости. Сотрудничество государств евразийского континента должно строиться по принципу пересекающихся по своему членству организаций, блоков, «клубов», ориентированных на решение конкретных задач.
- Евразийская интеграция могла бы стать ключевой силой экономического развития на континенте за счет взаимодействия в области торговли энергоресурсами и другими товарами, сотрудниче-

ства в транспортной сфере, интеграции потоков капитала и рабочей силы, туризма, борьбы с торговлей наркотиками и эпидемиологическими угрозами.

- Ключевую роль в континентальной интеграции в Евразии играют проекты общей инфраструктуры, создающие возможности для перемещения товаров, услуг и рабочей силы.
- Одной из ключевых предпосылок евразийской интеграции является понимание того, что региональные проекты сотрудничества должны носить не взаимоисключающий, а взаимодополняющий характер. Этот принцип очень важно применить и по отношению к интеграции на постсоветском пространстве.

Мы попытались придать этой книге популярный характер, включив, по возможности, сложные для восприятия экономические материи. Если по прочтении книги вам понадобится получить больше специализированной и технической информации, обращаем ваше внимание на ряд академических книг и статей авторов на русском и английском языках, которые могут в этом помочь.¹ Мы также будем рады ответить на ваши вопросы по электронной почте.

Терминология

Прежде чем мы приступим к самому анализу евразийской интеграции, стоит коротко остановиться на терминах, используемых в этой книге, чтобы избежать разночтений.

Когда мы говорим о «региональной интеграции», то имеем в виду два важных процесса. Первый — *регионализм*, основанный на межгосударственных отношениях и приводящий к созданию международных союзов, объединений и, возможно, наднациональных институтов. Второй — *регионализация*, основанная на неформальном взаимодействии между компаниями, общественными группами и людьми в отдельных странах и возникновении торговых и инвестиционных связей, которые зачастую существуют без государственной поддержки, а иногда даже вопреки препятствиям, создаваемым правительствами. Эти два процесса можно также называть *интеграцией «сверху»* и *интеграцией «снизу»*. Связь между регионализмом и регионализацией не является однозначной, о

чем лучше всего свидетельствует опыт евразийской региональной интеграции. Причем, если в случае интеграции снизу степень интегрированности Евразии с каждым годом увеличивается, то в случае интеграции сверху ситуация выглядит значительно хуже.

Кроме того, мы разграничиваем и две «евразийские интеграции». Во-первых, *постсоветскую евразийскую интеграцию* — резко активизировавшийся в последние годы процесс экономической (прежде всего) интеграции на постсоветском пространстве. Во-вторых, реальностью в последнее десятилетие стали и процессы сближения на всем континенте. Основной темой этой книги является *континентальная евразийская интеграция*. Под ней мы понимаем качественный рост экономических, политических и социальных взаимосвязей между субрегионами евразийского суперконтинента²: Европой, Северной и Центральной Евразией (постсоветским миром), Восточной, Южной и Западной Азией.

Об авторах

Оба автора являются специалистами по экономической интеграции. В своих предыдущих работах уделяли основное внимание постсоветскому пространству. Они также достаточно хорошо знакомы с Европейским союзом и Восточной Азией. В значительно меньшей степени — с Западной и Южной Азией. Один из соавторов — Евгений Винокуров — является сотрудником Евразийского банка развития, международного финансового института, призванного содействовать процессам региональной экономической интеграции. В качестве директора Центра интеграционных исследований ЕАБР он отвечает за обширную программу исследований в области региональной интеграции и развития. Евгений является автором и редактором ряда монографий и работ по региональной интеграции, таких как «СНГ, ЕС и Россия: вызовы интеграции» (*The CIS, the EU and Russia: Challenges of Integration*, 2007, Palgrave Macmillan). Он также руководит авторским коллективом, реализующим долгосрочный проект «Система индикаторов евразийской интеграции» (СИЕИ). Первый доклад по СИЕИ был опубликован ЕАБР в 2010 году. Кроме того, Евгений является редактором цикла отраслевых обзоров, посвященных экономическому сотруд-

ничеству на постсоветском пространстве (с 2008 по 2011 годы вышло в свет 12 обзоров), ежеквартального журнала «Евразийская экономическая интеграция» и пяти выпусков ежегодника *EDB Eurasian Integration Yearbook*, выходящего с 2008 года.

Интерес Александра Либмана к евразийской интеграции был в некотором смысле обусловлен его научной карьерой. Александр в настоящее время делит время между работой в Германии (в качестве профессора Франкфуртской школы финансов и управления), в России (в качестве старшего научного сотрудника Института экономики Российской академии наук) и Китае (в качестве научного сотрудника Восточно-Китайского педагогического университета). Он также читает лекции студентам этих трех стран. Его главным научным приоритетом в области сравнительного анализа интеграции являются роль внутренних институциональных и политических факторов в развитии регионализма и взаимодействие между внутренней децентрализацией и международной интеграцией. Обе эти темы актуальны в исследовании евразийской континентальной интеграции.

Кроме того, хотелось бы обратить ваше внимание на две большие монографии: *Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism* и *Holding-Together Integration: 20 Years of Post-Soviet Integration*, выходящие в издательстве Palgrave Macmillan в 2012 году, также написанные ими в соавторстве.³ Первая из них представляет собой расширенную версию книги, которую вы сейчас читаете. Вторая посвящена интеграционным процессам на постсоветском пространстве и развивает теорию удерживающего регионализма, объясняющую специфику постсоветской интеграции в последние двадцать лет.

Благодарность

Мы благодарим Кирилла Онищенко и Олега Яхонтова, а также издательство «Аэроплан» за неоценимую помощь в технической и стилистической работе над книгой.

Мы благодарны многочисленным коллегам, комментарии которых усилили аргументацию и логику этой монографии. Многие

идеи книги шлифовались и подпитывались информацией в ходе дискуссий с нашими коллегами в Евразийском банке развития, Институте экономики РАН, Восточно-Китайском педагогическом университете (Шанхай), Институте Брукинга, Центре изучения европейской политики (Брюссель), Франкфуртской школе финансов и управления, Марбургском, Гейдельбергском и Мангеймском университетах. Выражаем нашу сердечную признательность Карстену Херманну-Пиллату, Борису Хейфецу, Леону Зевину, Анастасии Обыденковой, Йоханнесу Линну, Майклу Эмерсону, Владимиру Ясинскому, Эльвире Курманалиевой, Александру МIRONENKOVУ, Айгуль Абсаметовой, Ян Чэну, Лидии Косиковой, Леониду Вардомскому, Руслану Гринбергу, Йоахиму Аренсу и Михаилу Головнину. Все фактические и логические ошибки остаются на нашей совести.

Монография издана на средства Евразийского банка развития и под эгидой Центра интеграционных исследований ЕАБР. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание, что позиция авторов может не совпадать с официальной позицией ЕАБР.

Структура книги

Структура данной книги отражает ее логику. В первой части мы вводим само понятие евразийской континентальной интеграции, а также пытаемся вписать его в общую логику исторического развития Евразии — так называемые «волны евразийского обмена». Вторая часть посвящена детальному описанию возникающих взаимосвязей на уровне государств и экономик. Третья часть обсуждает вопросы развития инфраструктуры континентальной интеграции, составляющей саму ее основу (транспорт, электроэнергетика и телекоммуникации). Четвертая часть посвящена теневой стороне евразийской интеграции — проблемам, связанным с экономическим развитием евразийских стран и растущей открытостью границ, а также возможностям решения этих проблем. Последняя часть монографии еще раз подводит итоги и вписывает постсоветское пространство в общую логику нашей дискуссии.

2. Пространство евразийской интеграции

Что такое Евразия?

Ответ на вопрос «что такое Евразия?» дать не так просто. С точки зрения географии границы Евразийского континента очерчены достаточно четко. Однако в мире общественных наук «Евразия» и «евразийство» — довольно расплывчатые понятия: под термином «Евразия» порой скрываются прямо противоречащие друг другу представления. В общих чертах, в общественных науках сегодня сосуществуют три «Евразии»: «Евразия как постсоветское пространство», «Евразия как основа евразийской идеологии» и «Евразия как Европа и Азия». Каждая из этих «Евразий» имеет своих приверженцев, как сделавших осознанный выбор, так и просто привыкших к тому или иному термину.

«Евразия» как постсоветское пространство. В данном случае речь идет о синониме термина «постсоветское пространство» или «регион СНГ» — то есть одиннадцати республиках бывшего СССР, являющихся сейчас участниками Содружества Независимых Государств (по традиции в регион часто включают и Грузию). Это обозначение «Евразии» появилось на свет в силу двух обстоятельств. Во-первых, после распада СССР появилась необходимость использовать какой-то общий термин для описания новых независимых государств. Термин «постсоветский» со временем утрачивает свою привлекательность по мере того, как советское наследие уходит в прошлое. Еще хуже обстоят дела с термином «регион СНГ». Во-первых, Содружество является сравнительно малоэффективной организацией, называть ее именем целый регион нет достаточных причин. Во-вторых, само по себе название СНГ не содержит никакой географической привязки (откуда, кстати сказать, и возникает проблема с Грузией, да и с Абхазией

и Южной Осетией — относить их к региону СНГ, строго говоря, невозможно). До создания СССР большинство республик были частью Российской империи, но называть этот регион «построссийским» пространством еще более проблематично, чем «постсоветским».

Столкнувшись с аналогичной ситуацией для стран бывшей Югославии и Албании, исследователи достаточно быстро договорились называть их «Западными Балканами». Но как быть в этой связи с постсоветским пространством?

Поиски термина для описания постсоветского региона естественным образом привели к слову «Евразия». Подобное понимание этого термина распространено как на постсоветском пространстве, так и за его пределами. Андрей Сахаров в составленном им проекте конституции для обновленного СССР предлагал называть новое государство «Союзом Советских Республик Европы и Азии». Нурсултан Назарбаев еще в первой половине 1990-х годов выступил с инициативой Евразийского союза. В 2000 году возникло Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в 2006 году был создан Евразийский банк развития (ЕАБР), а в 2015 году Россия, Беларусь и Казахстан планируют создать Евразийский экономический союз.

Не меньше энтузиазма в использовании термина «евразийский» как синонима слову «постсоветский» проявляют и ученые. Издаваемый ИМЭМО с конца 2000-х годов журнал не случайно получил название «Россия и новые государства Евразии». Посвященный преимущественно постсоветской интеграции журнал ЕАБР называется «Евразийская экономическая интеграция». Межпарламентской ассамблеей ЕврАзЭС издается журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Схожим образом реагирует и научное сообщество за пределами России. В Европе и в США за прошедшие десятилетия большая часть специализировавшихся ранее на России исследовательских центров сменила название, включив в него слово «Евразия» (такие структуры функционируют теперь, например, в Гарварде, Стэнфорде, Колумбийском университете, Калифорнийском университете в Беркли, Торонто, Кембридже, Оксфорде или Упсале). Точно так же термин «евразийский»

появился в названии многих ведущих журналов (Europe-Asia Studies, Eurasian Geography and Economics, Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History) и новых изданий, посвященных региону (Eurasian Review, Journal of Eurasian Studies). Американская ассоциация развития славянских исследований (AAASS), ведущее сообщество специалистов по России в США, с недавних времен переименована в Ассоциацию славянских, восточно-европейских и евразийских исследований (ASEEES). Термин «Евразия» в этом значении не редок как в статьях российских, так и западных ученых — при этом лишь немногие из них включают в свои работы явную оговорку, согласно которой предметом рассмотрения является постсоветское пространство⁴.

Среди неакадемических структур Госдепартамент США стал одной из первых, создавших «европейское и евразийское» бюро для бывших советских республик. Примечательно, что этот отдел не занимается пятью центральноазиатскими республиками, так как для этого есть Бюро по делам Южной и Центральной Азии. Еще один пример — Фонд «Евразия», который был основан в 1993 году на средства, предоставленные Агентством США по международному развитию (USAID). Примечательно, что эта организация в качестве зоны своей деятельности называет главным образом постсоветское пространство (Россия, Южный Кавказ, Украина и Молдова). Различные банки следуют этой же логике при определении географических рамок деятельности для своих отделов. В качестве примера можно привести департамент кредитования Европы и Евразии Инвестиционного банка стран Северной Европы (СИБ). В СИБ Евразия определяется как 12 стран бывшего Советского Союза; похоже, никаких колебаний по поводу «отделения» Европы от Евразии руководство банка не испытывало.

Среди трех «Евразий», о которых идет речь, «постсоветская Евразия» самая молодая — данной концепции меньше 20 лет. Можно выделить две причины ее возникновения. Во-первых, постсоветские страны до сих пор очень часто воспринимаются исследователями и практиками в качестве единого целого — такого же цельного по своим характеристикам региона, как Европа. Насколько устойчивым окажется единство этой Евразии,

покажет будущее. Немало наблюдателей указывают на неизбежность дезинтеграции стран бывшего СССР, фрагментации постсоветского пространства — и, как следствие, «конца Евразии»⁵. Другие исследователи, напротив, отмечают центростремительную динамику хотя бы в отдельных субрегионах постсоветского пространства⁶. Иначе говоря, само существование «Евразии» с этой точки зрения является спорным. Во-вторых, возникновение «Евразии» является результатом внутренней динамики научного сообщества: наличием достаточно большого числа исследователей (и в России, и на Западе), занимающихся анализом именно стран региона СНГ и нуждающихся в приемлемом ярлыке для своего объекта исследований.

«Евразия» как *антизападная идеология*. Очертить географические границы второй «Евразии» заметно сложнее — речь идет уже не о регионе, а о наборе идеологических конструкций и принципов, обычно называемых «евразийством». В отличие от первой ценностно-нейтральной Евразии, просто «описывающей» определенное пространство, вторая Евразия, наоборот, имеет очень жесткую идеологическую окраску — Евразия воспринимается как *альтернатива* как минимум европейской ориентации России и постсоветских стран, а как максимум — синоним «особого пути», по которому должна идти Россия. Идеи евразийства, как известно, зародились около ста лет назад среди русских эмигрантов, хотя их корни можно увидеть еще в поиске самоопределения российских интеллектуалов XIX века (по словам Достоевского в «Дневнике писателя», «в Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы»). Квинтэссенцией евразийских идей во многом можно считать слова Трубецкого 1925 года:

«Территория России... (является) особым материком, особой частью света, которую, в отличие от Европы и Азии, можно назвать Евразией... Евразия... представляет собой географически и антропологически некое единое целое... Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства. Государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью. Но в то же время сама природа Евразии указывала и на способ этого объединения»⁷.

Современное евразийство в России (как, впрочем, и на всем протяжении своей интеллектуальной истории) имеет множество аспектов и разновидностей, сильно отличающихся друг от друга⁸. Некоторые указывают на особый «славянский» и «православный» мир, который призвана возглавить Россия. Другие (как Лев Гумилев) воспринимают Россию как «синтез», включающий в себя кочевые народы Великой степи. Третьи (как Александр Дугин) рассматривают Россию как особую «континентальную» державу, которая противопоставляется «островным» государствам типа США. Четвертые указывают на общность исторических судеб России и стран Азии (в самых разных сочетаниях — Индии, Китая, Японии и других), а пятые — на единство славянских и исламских народов. Определенной вариацией евразийства можно считать представление о Евразии как об особом типа «географическом мире», то есть природном и ландшафтном единстве, сопряженном с общностью исторических судеб. Эта концепция играла немаловажную роль для первоначального евразийства — скорее культурного и географического, чем экономического по своему происхождению учения⁹.

Исходя из этого, можно выделить две группы евразийцев в современной России. Первые используют термин «Евразия» просто как «маркер» миссии России, не сводимой к границам обычного государства и претендующей на особую роль в мире. Евразийцев этой группы собственно Евразия интересует очень мало — их основное внимание сосредоточено на взаимодействии России с другими великими державами¹⁰. Постсоветское же пространство воспринимается, прежде всего, как «зона привилегированных интересов России» во взаимодействии, например, с США или с ЕС. Представители второй группы, в соответствии с традициями еще дореволюционных евразийцев, подчеркивают значимость азиатского вектора для России (речь реже идет о Великой степи и наследии Монгольской империи или чаще — о Китае). С этой точки зрения забавным представляется то обстоятельство, что, скажем, в глазах китайцев Россия без сомнения воспринимается как *европейская* держава, а вовсе не как особая «евразийская» страна, более близкая к азиатским культурам, чем, например, Германия или Франция.

В любом случае, идеологическое евразийство крайне популярно как в России, так и на постсоветском пространстве. Многие приверженцы этой концепции получили признание в научном сообществе. Например, идеи Льва Гумилева, несмотря на спорный характер с точки зрения строгих критериев исторической науки¹¹, преподаются в сотнях университетов и даже в школах, цитируются в диссертациях и рассматриваются как заслуживающая уважения научная теория. В исследованиях международных отношений многие авторы предпочитают описывать современное состояние дисциплины в России как противостояние «евразийцев» и «атлантистов», правда, само существование последних является сомнительным¹². В какой-то степени идеи евразийцев совпадают и с самоощущением многих россиян: согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в 2001 году, 71% респондентов заявили, что они считают Россию единственной в своем роде «евразийской или православной» цивилизацией, как это было сформулировано в анкете. И только 13% согласились с мнением, что Россия принадлежит западной цивилизации¹³. Другое дело, что подобное «евразийство» в массовом сознании не обязательно предполагает стремление к партнерству и открытости странам Азии или постсоветского пространства — напротив, оно вполне может сочетаться с призывом ограничить приток мигрантов из Центральной Азии или даже ввести барьеры для жителей «внутреннего зарубежья»¹⁴ — Северного Кавказа.

Восприятие Евразии как «антизападной силы» признается не только сторонниками евразийства, но и их противниками. Например, Януш Бугайски воспринимает евразийское пространство как регион российского доминирования: расширение Евразии связано с усилением империалистических амбиций и влияния России¹⁵. Некоторые украинские интеллектуалы, как, например, Микола Рябчук,¹⁶ категорически против описания Украины как «евразийской» страны, поскольку это несовместимо с «европейским» вектором в ее развитии.

В любом случае, и сторонники «идеологического евразийства», и противники российской экспансии, по всей видимости, считают три первые буквы в слове «Евразия» совершенно случайными. На вопрос, заданный одним из авторов книги известному россий-

скому гуманитариио на конференции в Сеуле, «является ли Европа частью Евразии», последовал жесткий и недвусмысленный ответ — «нет»! Ирония состоит в том, что при подобном последовательном антиевропейском подходе используется евроцентричный по своей природе термин. Если исходить из численности населения и размеров «Европы» и «Азии», корректнее было бы говорить об «Азиопе» (как бы неблагозвучно ни звучал этот термин); с точки зрения политической, демографической и экономической истории, а также антропологии, правильным был бы термин «Афразия». Впрочем, даже сама концепция «Азии» была придумана европейцами. Наиболее четко это описывает Чэз Фриман: «В течение тысячелетий после того, как греческие стратеги выступили с этой евроцентрической концепцией (Азии — Е. В. и А. Л.), многочисленные неевропейские народы, населявшие евразийский материк, не знали, что им предписывается считать себя азиатами»¹⁷. Тем не менее во влиянии «идеологического евразийства» на умы и сердца в России и некоторых других постсоветских странах сомневаться не приходится.

«Евразия» как *Европа* и *Азия*. Третье понятие Евразии ясно определяет ее как пространство, *включающее и Европу, и Азию*. Данная трактовка Евразии имеет целый ряд особенностей. Во-первых, описываемая таким образом Евразия, по определению, не может быть антизападной. Наоборот, именно присутствие в Евразии активных западных игроков и делает ее, строго говоря, Евразией. Во-вторых, Евразия в этом случае значительно ближе к своему «географическому» понятию — хотя и представляет собой пространство, куда более разнородное в культурном и экономическом отношении. В-третьих, в отличие от «идеологической» версии «евразийства», рассматривать Евразию как органичное единство *Европы и Азии* можно лишь с прагматичной точки зрения экономики. То есть экономические взаимосвязи должны превалировать над геополитическими целями, а идеология отступает на второй план по сравнению с конкретными интересами — просто в силу разнородности игроков.

Найти конкретные воплощения такого «*прагматичного*» или «*экономического*» евразийства в дискуссии российских исследователей и практиков не так просто, как примеры «идеоло-

гического евразийства», которое, как уже было показано выше, во многих случаях опирается на стереотипы, укорененные в головах и жителей, и представителей элит постсоветских стран. Тем не менее работы, в которых «евразийский» формат связывается именно с активным участием Европы, постсоветских и азиатских стран в интеграционном взаимодействии, появляются все чаще. На русском языке исследования такого рода принадлежат перу, например, Александра Быкова, Сергея Чернышева и Андрея Спартака¹⁸, а на английском — Йоханнеса Линна, «либеральное евразийство» которого связано именно с формированием спонтанных экономических связей между странами континента¹⁹, и Маркуса Кайзера, исследующего формирование неформальных сетей, связывающих Евразию²⁰. Во внеакадемической сфере такое восприятие Евразии чаще можно найти на постсоветском пространстве за пределами России, в первую очередь в Казахстане.

Ссылки на Евразию нередки в риторике руководства Казахстана и особенно президента Нурсултана Назарбаева²¹. При этом речь идет о евразийстве, отличающемся от российских аналогов²². Во-первых, если российское евразийство (и в самой России, и в эмиграционных кругах) всегда трактуется как философия, идеология или даже научная школа, евразийство по Назарбаеву — это, скорее, система внешнеполитических и внешнеэкономических идей и приоритетов международного сотрудничества. Во-вторых, для Казахстана евразийство подразумевает недвусмысленную открытость Европе. Евразийство в Казахстане ни при каких условиях не является враждебным модернизации, напротив, полностью совместимо с экономической либерализацией, осуществляемой в этой стране в последние двадцать лет. В-третьих, это евразийство нельзя назвать «российско-центричным». Цитируя знаменитого казахского этнографа XIX века Чокана Валиханова, казахстанские историки отмечают, что «Евразия не является синонимом России»²³.

Краткая характеристика трех концепций представлена в таблице 2.1.

Следует подчеркнуть, что три понятия «Евразии» редко полностью обособлены друг от друга. Поэтому иногда непонятно, какую именно концепцию авторы имеют в виду. Например,

Табл. 2.1.
Три понятия
Евразии

	Евразия как постсоветское пространство	Евразийство как идеология	Прагматичное (или экономическое) евразийство
Причины формирования Евразии	Общее прошлое	Культурная, историческая и геополитическая общность	Возникающие экономические и социально-культурные связи
Восприятие Европы	Не включается (возможно, за исключением посткоммунистических стран)	Не включается (и трактуется как регион, отличный от Евразии или враждебный Евразии)	Включается
Восприятие Азии	Не включается (возможно, за исключением Монголии)	Частично включается (в зависимости от подхода: Китай, Япония, «Великая степь»)	Включается
Восприятие вестернизации и модернизации Евразии	Ограниченная вероятность того, что СНГ станет неотъемлемой частью западного мира (поэтому необходимо специальное название на длительную перспективу)	Неприятие модернизации через вестернизацию; поиск «другого пути»	Вестернизация (с учетом национальной специфики) как единственная стратегия модернизации; ограниченное внимание к идеологии, фокус на экономические аспекты
Природа понятия	Географическое понятие, определение предмета исследования, определение политического курса, бизнес-целей	Наука или идеология	Комплекс внешнеполитических и экономических идей без идеологических претензий

«прагматический евразиец» Нурсултан Назарбаев время от времени ссылается на идеи «идеологических евразийцев», в частности Льва Гумилева, хотя вряд ли можно обнаружить реальное влияние идей последнего на внешнюю политику Казахстана.

Кроме того, зачастую слово «Евразия» употребляется, по сути, произвольно, вне всякого отношения к трем концепциям, приведенным выше. Это слово охотно используется представителями деловых кругов. Например, крупная казахская

горнодобывающая компания получила название «Евразийская корпорация природных ресурсов»; в Казахстане функционирует банк под названием «Евразийский банк», являющийся частью «Евразийской группы»; казахстанская девелоперская компания с основными интересами в России называлась Eurasia Logistics. В Казахстане имеется бесчисленное количество торговых организаций, в названиях которых используется слово «Евразия»; а в России даже есть сеть ресторанов японской (!) кухни под этим названием. Постоянно появляются многочисленные торговые и деловые центры и бизнес-ассоциации, использующие в названии слово «евразийский», такие как «Евразийский клуб банкиров». В США существует «Группа «Евразия» со штаб-квартирой в Нью-Йорке, оказывающая консультации по вопросам политического риска (вне зависимости от конкретных географических границ континентов).

О какой же Евразии пойдет речь в данной книге? Дискуссия, приведенная выше, достаточно четко показывает, что нам чужды принципы «идеологического евразийства» в том виде, в котором оно воспринимается в России. Эта концепция вполне может стать *объектом* исследования, но не его теоретической и методологической основой, если цель состоит в том, чтобы понять, как реально развиваются процессы экономического и политического взаимодействия на евразийском континенте. На самом деле Евразия даже в большей степени, чем, например, Европа является примером *интеграции снизу*, связанной со спонтанными экономическими связями, возникающими между хозяйствующими субъектами. То, что в Европе было реализовано за счет сотрудничества государств, а в Северной Америке — взаимодействия национальных правительств и лоббистов, — в Евразии развивается при достаточно ограниченной государственной поддержке — и развивается, как мы покажем далее, вполне успешно. Недвусмысленные выводы можно сделать и при обсуждении стратегии модернизации, используемой евразийскими странами. Как отмечает Дмитрий Тренин, ее итогом является появление своего рода «нового Запада» — то есть происходит восприятие западных принципов хозяйствования и частично организации общества «восточными» странами²⁴. В этой связи

модернизация с *неизбежностью* ведет к «вестернизации», конечно, с учетом того обстоятельства, что и Запад весьма неоднороден и предлагает огромное число вариантов развития и уроков (как успехов, так и провалов). Подчеркнем, единственной общей чертой между позицией большинства идеологических евразийцев и позицией, представленной в этой книге, является использование слова «Евразия».

«Постсоветская» концепция Евразии более важна для нашего исследования. Фактически, авторы этой книги как члены редколлекции журнала «Евразийская экономическая интеграция» и сами время от времени грешат заменой слова «постсоветский» словом «евразийский». Однако цель нашего исследования как раз и состоит в том, чтобы понять, как складывается структура экономических взаимосвязей, не ограничивая себя с самого начала географическими рамками бывшего СССР. Поэтому «постсоветская» концепция Евразии не очень удобна для нас с исследовательской точки зрения.

Есть и содержательные проблемы. «Постсоветская» Евразия точно так же основана на «неизбежности» пропасти между Европой и постсоветским миром, как и Евразия «идеологическая». Но если для последней этот водораздел был желателен и был основан на критическом отношении к Западу, то для первой он вводится как «эмпирическая реальность». Ведь если допустить, что те или иные страны региона СНГ в обозримой перспективе станут частью европейского интеграционного процесса, то особый термин для описания постсоветского пространства не требуется. В настоящей монографии мы попытаемся найти возможные формы и условия «взаимопроникновения» европейского и постсоветского интеграционного процесса, поэтому называть постсоветское пространство «Евразией» нам не хотелось бы. Нередко мы будем называть постсоветский регион «Северной и Центральной Евразией», акцентируя внимание на его географическом положении на карте континента.

Тем не менее терминологические проблемы ведут к тому, что в современном мире сосуществуют *две евразийские интеграции*. Первая — *евразийская постсоветская интеграция* — это взаимодействие государств Северной и Центральной Евразии,

как формальное (в рамках разнообразных региональных структур), так и неформальное (за счет бизнес-процессов, торговли и миграции). Вторая — *евразийская континентальная интеграция* — это переплетение экономик и обществ Европы, Азии и Северной и Центральной Евразии в масштабах всего евразийского континента. В следующих разделах книги мы попытаемся доказать, что евразийская континентальная интеграция развивается *снизу*, при минимальной поддержке государств (во всяком случае, до недавнего времени). Поэтому увидеть четкие географические границы этой континентальной интеграции крайне сложно. Мы же ограничимся перечислением основных «ядер», взаимодействие между которыми и может рассматриваться как пример континентальной интеграции. Суть нашей книги — попытка целостного и последовательного обсуждения именно *евразийской континентальной интеграции*.

Границы Евразии

В предыдущем разделе мы попытались очертить не только географические, но и временные границы «трех Евразий». Постсоветская Евразия возникла в 1991 году (до этого момента она была попросту частью единого государства). Идеологическая Евразия была сконструирована в 1920-е годы, хотя корни ее восходят еще к XIX веку. Что же касается третьей Евразии, о которой мы и будем говорить, обсуждая евразийскую континентальную интеграцию, то ее временные рамки оценить сложнее, поскольку возникла она не как идеологический конструкт или следствие политических решений, а за счет спонтанного взаимопереплетения экономик (впрочем, политика и здесь сыграла немаловажную роль). Современный этап развития континентальной интеграции в Евразии восходит к 1970–1980 годам.

Процессы экономической глобализации в современном мире, как известно, являются неравномерными. В то время как отдельные страны быстрее движутся по пути интеграции в глобальную экономику, другие, напротив, остаются на периферии глобальных процес-

сов. В результате в паутине связей, составляющей суть глобализации, возникают своего рода «разрывы». Одним из них до недавнего времени была Африка, связь которой с глобальной экономикой была ограниченной и односторонней. Другой «разрыв» был до недавнего времени связан с Китаем и со странами социалистического лагеря, придерживавшихся или курса на максимально возможную автаркию, или сотрудничества, прежде всего, между собой (например, в рамках СЭВ).

Развитие глобальной экономики включает в себя, во-первых, углубление взаимозависимости внутри основных узлов (прежде всего, Северной Америки, Европы и Восточной Азии), во-вторых, расширение связей между узлами и, в-третьих, расширение «охвата» узлов за счет включения в них первоначально находившихся на периферии стран и регионов. Две последние тенденции четко проявились на евразийском континенте. С одной стороны, открытость Китая и превращение его в «мастерскую мира» устранили существовавший ранее разрыв, более того, сделали КНР одним из центров новых глобальных взаимосвязей, превратив торговлю между Китаем, Европой и США в один из ключевых товарных потоков в современном мире. С другой стороны, распад социалистического лагеря привел к активизации поиска бывшими соцстранами своего места в системе международного разделения труда. Для большинства из них главным следствием изменений стала интенсификация торговых и экономических связей с европейскими странами, для некоторых (в Центральной и Восточной Европе) — активное участие в европейском интеграционном процессе. При этом экономические связи постсоветских стран, хотя и сократились в количественном выражении, все же остаются довольно устойчивыми. Многие исследования показывают, что торговля между странами СНГ существенно превышает ее «теоретический потенциал», основанный на масштабе их экономик²⁵. Однако далеко не все связи между странами Евразии, сформировавшиеся за последние десятилетия, связаны с распадом социалистической системы. Например, система трубопроводов, превратившая постсоветские страны в важный источник нефти и газа для Европы, начала формироваться еще в 1970-е годы.

Рис. 2.1.
Макрорегионы
Евразии

Иначе говоря, за прошедшие двадцать лет разрыв в паутине экономических взаимосвязей, существовавший между европейским и азиатско-тихоокеанским «полюсами» экономического развития во многом был заполнен новой «тканью глобализации», формирование которой и составило суть евразийской континентальной интеграции. Сеть экономических связей дополняется растущим количеством политических и институциональных структур, охватывающих страны Евразии. Если первоначально европейский и азиатско-тихоокеанский полюса экономического развития на евразийском континенте были географически четко разделены между собой, то появление Центральной и Северной Евразии делает границу между ними менее различимой. Россия — по крайней мере, потенциально — могла бы принадлежать каждому из этих регионов. Проблемы стран СНГ, Европы и Восточной Азии все больше переплетаются между собой, что зачастую требует проведения скоординированной политики. Хотя

Табл. 2.2.
Основные макроэкономические показатели по регионам и макрорегионам Евразии, 2011 г.

	Население, млн чел.	ВВП, \$ млрд
Европа	534	18863
Европейский союз	500	17582
Страны, не входящие в ЕС	34	1280
Северная и Центральная Евразия (СНГ)	277	2412
Центральная Азия	64	261
Восточная Азия	1558	15002
Юго-Восточная Азия	512	2235
Южная Азия	1629	2097
Западная Азия	268	3107
Евразия, итого:	4786	43732

Источник: МВФ, расчеты авторов.

Примечание: более полная таблица в разрезе 85 стран приведена в приложении 1.

речь идет не о формировании некоего всеобъемлющего и однородного пространства, а о множестве пересекающихся региональных пространств, накладывающихся и взаимодействующих друг с другом.

В дальнейшем мы будем рассматривать евразийскую интеграцию как процесс взаимодействия пяти макрорегионов: Европы, Северной и Центральной Евразии, Восточной Азии, Южной Азии и Западной Азии (см. рисунок 2.1; в таблице 2.2 приводится краткая характеристика этих макрорегионов с точки зрения численности населения и ВВП). Мы сосредоточимся на первых трех регионах. Южная Азия и Западная Азия (которая неотъемлемо связана с Северной Африкой) будут рассматриваться лишь косвенно. Причины такого ограничения носят скорее прагматичный, чем концептуальный характер: они позволяют нам сосредоточиться на менее изученных и более интересных процессах. По этой же причине мы будем больше внимания уделять *наземным* связям на континенте, чем *морским* связям (например, уже упомянутой торговле Китая и ЕС, идущей в основном по морю). Однако стоит признать, что акцент на трех из пяти макрорегионов может быть связан и с исследовательским фокусом авторов, в большей степени знакомых именно с Северной и Центральной Евразией, Европой и Восточной Азией. Однако не следует забы-

вать, что нечеткие границы евразийской интеграции делают ее открытой и для других игроков. Поэтому, рассматривая отдельные аспекты евразийской континентальной интеграции, мы будем частично учитывать страны, находящиеся за пределами этих трех регионов, если роль этих стран в формирующихся взаимосвязях является значительной.

В результате выбранный географический фокус приводит к тому, что из поля нашего зрения частично выпадают две безусловно важные для евразийской континентальной интеграции страны — Индия и Турция. Достаточно сказать, что термин «Евразийский союз» для описания потенциальной интеграционной группировки использовался министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу летом 2010 года²⁶ (существующее в Турции «евразийство» вызывает ряд интересных параллелей с евразийством российским и казахстанским)²⁷. Но речь идет не только о терминах: Турция тесно связана и с ЕС, и с тюркскими постсоветскими государствами, и, несмотря на относительно низкую результативность ее попыток занять доминирующую позицию среди последних в начале 1990-х годов, пренебрегать культурным и экономическим влиянием Турции на Кавказе и в Центральной Азии не следует. Индия также является важным игроком в нарождающихся евразийских связях, особенно в сфере транспорта.

Евразийская континентальная интеграция неизбежно «размывает» границы макрорегионов, все в большей степени переплетающихся между собой.

Проще всего дела обстоят с Европой: границы ЕС и стран Европейского экономического пространства могут использоваться как «приблизительная» характеристика этого региона. Конечно, при этом остаются вне внимания страны «новой Восточной Европы»: Украина, Беларусь, Молдова и Россия, где границы Европы и Северной и Центральной Евразии накладываются друг на друга, а также страны Западных Балкан. Для характеристики Северной и Центральной Евразии мы будем использовать традиционные границы региона СНГ — все бывшие советские республики, за исключением балтийских государств. Если до выхода из СНГ Грузии и признания Россией Абхазии и Южной Осетии этот регион мог быть определен, как и ЕС, по членству в Содру-

жестве Независимых Государств, — сейчас основным фактором, определяющим его границы, становится исторический — границы бывшего СССР (кроме балтийских государств, вошедших в ЕС). Подчеркнем, что необходимость введения в анализ особого макрорегиона «Северной и Центральной Евразии» связана не только со сложной позицией России, не вписывающейся в другие регионы Евразии по чисто географическим характеристикам, но и с важной ролью Казахстана, которую он играет в динамике экономического взаимодействия в этом макрорегионе. Сложнее всего дела обстоят с Восточной Азией, где нет ни одной международной структуры, которая объединяла бы все страны. Мы будем использовать широкое определение региона, включающее Китай, Японию, Корею, Монголию, а также страны АСЕАН.

Подведем итоги и еще раз дадим краткую характеристику нашего подхода. В центре анализа настоящей монографии — *евразийская континентальная интеграция*, связанная с ростом экономических и социальных взаимосвязей между макрорегионами Евразии. «Евразия» для нас не ограничивается постсоветским пространством — прежде всего потому, что границы постсоветского пространства нельзя считать раз и навсегда заданными советским прошлым (если в некоторых аспектах постсоветское пространство действительно может оказаться «оптимальным» регионом для интеграции, то в других, возможно, «оптимальными» будут другие сочетания стран).

Для нас также важно показать возможную взаимодополняемость и внутреннюю непротиворечивость постсоветских интеграционных группировок и интеграции в других макрорегионах Евразии, прежде всего в Европе. В этой связи наша работа в чем-то близка исследованиям «континентальных» зон свободной торговли и взаимодействия интеграционных структур (так называемого интеррегионализма), обсуждающихся в экономической литературе²⁸. Еще раз подчеркнем — мы признаем, сколь спорным и неоднозначным является термин «Евразия» для нашего исследования. Однако если мы действительно пытаемся понять, как могут выглядеть новые экономические взаимосвязи между Европой, постсоветским регионом и Восточной Азией, альтернативы использованию термина «Евразия» нет.

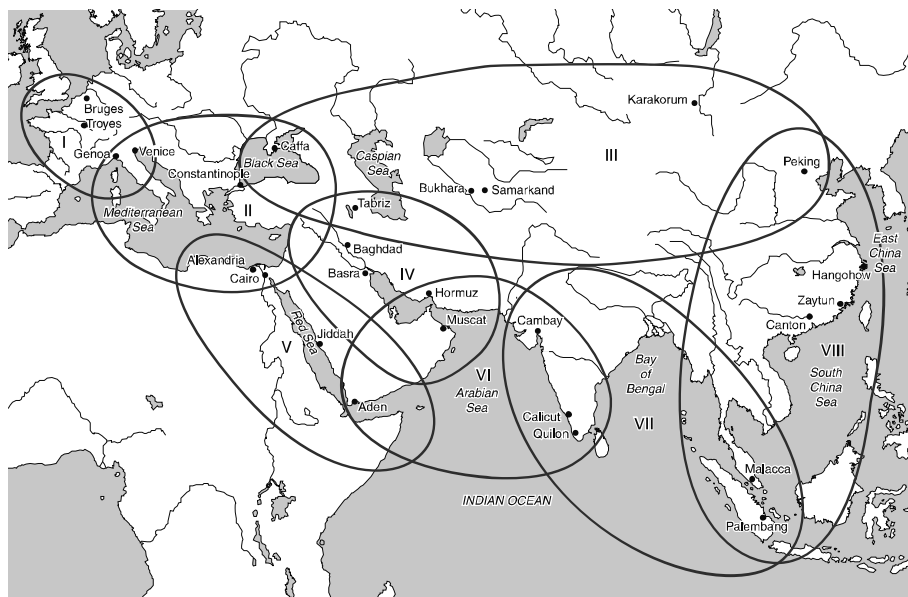
3. Волны «евразийского обмена»

Континентальная евразийская интеграция — явление сравнительно молодое, но в каком-то смысле значительно старше идеологического евразийства и тем более постсоветской Евразии. В историческом контексте последних двух тысячелетий современные процессы — очередное звено в эволюции так называемого евразийского обмена (Eurasian exchange), то есть устоявшейся практики обмена товарами, услугами, перемещения людей, информации, идей и технологий по территории евразийского континента²⁹. Несмотря на политические барьеры и высокие транспортные издержки, западная и восточная часть Евразии вот уже на протяжении, по крайней мере, двух тысячелетий были связаны между собой обширной сетью торговых путей. Речь идет как о морской торговле в Индийском океане, Персидском заливе и Красном море, так и о сухопутных маршрутах Шелкового пути, соединявших европейское Средиземноморье с Китаем через Центральную Азию.

Однако если само по себе существование волн евразийского обмена едва ли вызывает сомнение, то их масштабы остаются предметом дискуссий. По одним оценкам, масштабы экономических взаимосвязей между регионами Евразии были столь значительными, что позволяли рассматривать Старый Свет как единую экономическую систему вот уже несколько тысячелетий³⁰. Центральная Азия являлась ключевым элементом в этой системе, потерявшим свое значение лишь недавно под воздействием в основном политических причин. Другие авторы придерживаются противоположной точки зрения: даже если уровень торговли и был значительным, об «интеграции рынков» в полном смысле этого слова говорить до XIX века было бы преждевременно³¹. Действительно, по-настоящему трансконтинентальной в рамках «евразийского обмена» была лишь торговля предметами роскоши. Обмен остальными товарами ограничивался определенными регионами Евразии. Однако даже в этом случае проникновение по торговым сетям «евразийского обмена» но-

Рис. 3.1.
Торговля в XIII–
XIV веках

Источник:
Abu-Lughod
(1989). Пере-
печатка с раз-
решения изда-
тельства Oxford
University Press.

вых идей, религий, доктрин и технологий, которое оценить количественно гораздо сложнее, является одним из ключевых факторов развития Старого Света³².

Эволюция евразийского обмена

Масштабы и формы «евразийского обмена» сильно менялись с течением времени. Поэтому, наверное, и уместно говорить о «волнах» евразийского обмена, разделенных достаточно длительными периодами упадка трансконтинентальных связей. Принято выделять три волны обмена, перечисленные в таблице 3.1. Первая волна, пришедшаяся на начало первого тысячелетия нашей эры, была связана с формированием сплошной цепочки крупных государств, соединявших Римскую империю на западе и Китай династии Хань на востоке (Рим, Парфия, Кушанская империя и Китай). Именно в этих странах, связанных достаточно интенсивной взаимной торговлей, и была в тот период сосредоточена большая

Волны евразийского обмена	Маршруты	Направление
Первая, I–III в. н. э.	По морю и по суше	Римская империя — Западная Азия — Индия — Китай
Вторая, XI–XIII в.	По морю и по суше (Шелковые пути)	В основном в пределах арабского мира, Южной Азии и Восточной Азии; Европа — на задворках евразийской торговли
Третья, XVI–XVII в.	В основном по морю	Интенсивный межрегиональный обмен: Европа — Западная Азия — Индия — Юго-Восточная Азия — Восточная Азия. Европа по-прежнему относительно неконкурентоспособна, компенсирует платежный дефицит серебром в слитках, получаемым из колоний.
Четвертая, современная, вторая половина XX в.	По морю; гораздо меньше по суше; по воздуху; телекоммуникации	Первоначально больше из Европы в Азию; потом все в большей степени в обратном направлении в пределах Евразии; значительный рост торговли в Северной и Центральной Евразии после распада СССР; масштабный подъем, связанный с развитием Китая.

Табл. 3.1.
Четыре волны евразийского обмена

часть населения мира³³. Торговля с Востоком серьезно влияла на римскую денежную систему и экономику³⁴. Именно по торговым путям первой волны «евразийского обмена» буддизм, распространившийся из Индии с III века до н.э., достиг Китая и Средиземноморья, а христианство — Центральной Азии и Индии. Крахом первой волны принято считать падение Римской империи.

Вторая волна «евразийского обмена» приходится на начало второго тысячелетия н.э. Ее основными движущими силами выступали теперь Китай, Индия и арабский мир, а также Византия. Европа оставалась на задворках торговых путей. Именно эта волна обмена связана с формированием знаменитого Шелкового пути, ставшего частью системы из трех маршрутов: северного (проходящего через территорию Центральной Азии), среднего (соединяющего Средиземноморье с Индийским океаном через Багдад, Басру и Персидский залив) и южного (через Египет и Красное море к Аравийскому морю, а затем Индийскому океану). Пиком развития

северного маршрута стал период Монгольской империи второй половины XIII века, когда впервые в истории обширные пространства Евразии оказались под единой властью, обеспечившей условия для безопасного перемещения торговцев по всей своей территории³⁵. Сами монгольские завоевания также стали фактором «евразийского обмена», способствуя массовому перемещению людей и идей между регионами Евразии. Однако роль северного маршрута даже в период его расцвета уступала морской торговле³⁶.

Концом второй волны евразийского обмена стал распад Монгольской империи в конце XIV века. Впрочем, в какой-то степени можно сказать, что вторая волна разрушила сама себя: ведь по торговым путям перемещались не только товары и идеи, но и болезни. В результате итогом монгольского объединения Евразии стало возникновение своего рода «общего рынка микробов»: ранее изолированные в своих анклавах эпидемии получили возможность распространиться по всему континенту, что является почти неизбежным следствием любого расцвета торговли между ранее обособленными культурами³⁷ — достаточно вспомнить опыт открытия Америки. В Евразии результатом растущей сети обменов и военно-политических контактов стала эпидемия «черной смерти» — бубонной чумы, ставшей одним из наиболее тяжелых кризисов европейской цивилизации. Население Венеции, например, сократилось на три пятых. Торговля пришла в упадок, причем не только на северном пути, пережившем краткосрочный расцвет под властью монголов, но и на южном и среднем, напрямую от монгольского завоевания не выигравших³⁸.

Последствия «черной смерти», однако, не ограничиваются крахом второй волны евразийского обмена. Дефицит трудовых ресурсов, наблюдавшийся в Европе после конца эпидемии, привел к росту реальных доходов и, как следствие, увеличившемуся спросу на предметы роскоши. Поскольку в этот период торговля с Востоком резко сократилась вследствие падения Византийской империи, активизировался поиск новых торговых путей. Таким образом, «черная смерть» — одно

из непредвиденных последствий второй волны «евразийского обмена» — стала одним из движущих факторов эпохи Великих географических открытий³⁹.

И первая, и вторая волны евразийского обмена характеризовались любопытной особенностью, сильно отличавшей этот период от современной трансграничной торговли: товары «путешествовали» на более длительное расстояние, чем люди. На своем пути от пункта отправления до пункта назначения товары многократно переходили из рук в руки, причем ключевую роль здесь играли немногочисленные города — перевалочные пункты — такие как Каир, Самарканд, Константинополь, Багдад или города Молуккского пролива⁴⁰.

В отличие от второй волны, третья, приходящаяся на XVI–XVII века, уже охватывает обе Америки и африканский континент, приобретая, таким образом, глобальный масштаб. Тем не менее Евразия остается ключевой ареной торговли. Обмен товарами, людьми, идеями, различными технологиями по территории Евразии во многом и сформировал современную цивилизацию. Пример ревеня наглядно характеризует маршруты и формы влияния третьей волны «евразийского обмена». Ревень пришел в Европу из Китая (1) посредством русских караванов на севере, (2) через Аравию или (3) по торговым путям вдоль побережья. Его использовали европейские аптекари в качестве лекарственного средства. Затем были попытки выращивать его в Европе и в России, а впоследствии и в Америке. В 1790 году Ост-Индская компания начала широкомасштабную торговлю ревенем⁴¹.

Тем не менее совокупный объем мировой торговли в период третьей волны все еще оставался незначительным. Например, весь объем торговли в Юго-Восточной Азии в XV–XVI веках оценивается в 98 тыс. тонн⁴²; то есть вся азиатская морская торговля того времени могла бы уместиться на борту одного современного контейнеровоза!

Экономический баланс в Евразии

Мы уже упоминали, что важной чертой второй волны евразийского обмена была второстепенная роль Европы. Однако с точки зрения глобальных пропорций развития именно Азия, а не Европа являлась центром системы евразийской торговли и развития на протяжении большей части современной истории⁴³. Для сравнения приведем несколько цифр. Современные демографы оценивают население Китая в 1500 году в 100 млн, в то время как население Европы составляло 68 млн (а население Японии — 16 млн). К 1800 году население Китая превысило, по их оценкам, 300 млн человек, намного больше, чем в Европе, где проживало 173 млн человек⁴⁴. Город Гуанчжоу в XIII веке, по оценкам, имел 1 млн жителей и был самым большим городом в мире (лишь в XIX веке уступив пальму первенства Лондону)⁴⁵.

В таблице 3.2 приводятся некоторые данные, характеризующие распределение населения земного шара в XIII–XIX веках. Как можно заметить, население Китая на протяжении всего этого периода в 1.5–1.7 раза превосходило население всей Европы. На долю Азии приходилось две трети населения земного шара, в то время как население Европы состав-

год	1200	1500	1600	1650	1700	1750	1800
Весь мир	348	427	498	516	641	731	890
Европа	51	68	83	90	106	130	173
Азия	248	231	303	311	420	484	590
Китай	123	100	150	100	150	207	315
Япония	12	16	18	22	26	26	26
Индия	75	79	100	150	200	200	190
Африка	61	85	100	100	100	100	100
Америка	23	41	15	13	13	15	25
Океания	1	2	2	2	2	2	2

Табл. 3.2.
Население
земного
шара (1200–
1800 гг.), млн

Источник: Clark
(1977)

ляло не более 20%. Не сильно отличалось и соотношение этих регионов по ВВП. ВВП на душу населения в Китае и Японии был равным или выше, чем ВВП европейских стран вплоть до XIX века. В 1750 году совокупный мировой ВВП составлял \$155 млрд (в долларах 1960 года), из них 77% приходилось на долю Азии⁴⁶. Некоторые данные, подтверждающие этот вывод, приводятся в таблице 3.3.

Табл. 3.3.
Мировая экономика и население (1–2003 гг. н.э.)

Источник:
Maddison (2003),
Статистическое приложение А,
Таблицы А1,
А4 и А7

Годы н. э.	1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2003
Западная Европа											
Население, тыс. чел.	25050	25560	57332	73788	81460	133040	187504	260975	304941	358825	394604
ВВП, \$ млн	14433	10925	44183	65602	81213	159851	367466	902210	1396078	4096764	7857394
ВВП, \$ на душу населения,	576	427	771	889	997	1202	1960	3457	4578	11417	19912
США											
Население, тыс. чел.	680	1300	2000	1500	1000	9981	40241	97606	152271	211909	290343
ВВП, \$ млн	272	520	800	600	527	12548	98374	517383	1455916	3536622	8430762
ВВП, \$ на душу населения,	400	400	400	400	527	1257	2445	5301	9561	16689	29037
Латинская Америка											
Население, тыс. чел.	5600	11400	17500	8600	12050	21591	40399	80935	165938	307873	541359
ВВП, \$ млн	2240	4560	7288	3763	6346	14921	27311	120796	415328	1389460	3132145
ВВП, \$ на душу населения	400	400	416	438	527	691	676	1493	2503	4513	5786

Часть I. Пространство и игры

Годы н. э.	1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2003
Япония											
Население, тыс. чел.	3000	7500	15400	18500	27000	31000	34437	51672	83805	108707	127214
ВВП, \$ млн	1200	3188	7700	9620	15390	20739	25393	71653	160966	1242932	2699261
ВВП, \$ на душу населения	400	425	500	520	570	669	737	1387	1921	11434	21218
Китай											
Население, тыс. чел.	59600	59000	103000	160000	138000	381000	358000	437140	546815	881940	1288400
ВВП, \$ млн	26820	26550	61800	96000	82800	228600	189740	241431	244985	739414	6187984
ВВП, \$ на душу населения	450	450	600	600	600	600	530	552	448	838	4803
Индия											
Население, тыс. чел.	75000	75000	110000	135000	165000	209000	253000	303700	359000	580000	1049700
ВВП, \$ млн	33750	33750	60500	74250	90750	111417	134882	204242	222222	494832	2267136
ВВП, \$ на душу населения	450	450	550	550	550	533	533	673	619	853	2160
Остальная Восточная Азия											
Население, тыс. чел.	11400	21100	37600	43600	50700	64228	89506	145893	333310	565057	1018844
ВВП, \$ млн	4845	8968	20822	24582	28440	36451	53155	122874	256938	839258	3926975
ВВП, \$ на душу населения	425	425	554	564	561	568	594	842	771	1485	3854

3. Волны «евразийского обмена»

Годы н. э.	1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2003
Западная Азия											
Население, тыс. чел.	19400	20000	17800	21400	20800	25147	30290	38956	59847	112918	249809
ВВП, \$ млн	10120	12415	10495	12637	12291	15270	22468	40588	106283	548120	1473739
ВВП, \$ на душу населения	522	621	590	591	591	607	742	1042	1776	4854	5899
Вся Азия (кроме Японии)											
Население, тыс. чел.	165400	175100	268400	360000	374500	679375	730796	925689	1298972	2139915	3606753
ВВП, \$ млн	75535	81683	153617	207469	214281	391738	400245	609135	830428	2621624	13855834
ВВП, \$ на душу населения	457	466	572	576	572	577	548	658	639	1225	3842
Африка											
Население, тыс. чел.	17000	32300	46610	55320	61080	74236	90466	124697	228181	390202	853422
ВВП, \$ млн	8030	13835	19383	23473	25776	31266	45234	79486	203131	549993	1322087
ВВП, \$ на душу населения	472	425	414	422	421	420	500	637	890	1410	1549
Весь мир											
Население, тыс. чел.	225820	267330	438492	556148	603190	1041695	1271919	1791091	2525205	3916493	6278620
ВВП, \$ млн	105402	120379	248445	331562	371428	694598	1110951	2733365	5331689	16022888	40913389
ВВП, \$ на душу населения	467	450	566	596	616	667	873	1526	2133	4091	6516

Евразийский обмен и политическая интеграция Евразии

Как уже было отмечено, особенность евразийской континентальной интеграции состоит в доминировании в ее структуре «интеграции снизу», то есть спонтанного взаимодействия экономических игроков, за которым в некоторых случаях следует и межгосударственное взаимодействие. Опять же, в этом отношении современная континентальная интеграция во многом вписывается в логику «волн обмена». Отношения между евразийской торговлей и политической интеграцией — в основном происходившей в результате формирования гигантских континентальных империй — на протяжении всей истории были неоднозначными. С одной стороны, формирование крупных государств резко снижало риски для торговцев и обеспечивало возможность путешествия на дальние расстояния. Общее правовое пространство могло использоваться для обеспечения контрактов, а развитая инфраструктура — для передачи информации.

С другой стороны, все эти преимущества являлись побочным результатом существования империй. Как правило, евразийские империи представляли собой образования, основанные на масштабном централизованном перераспределении. Международный обмен и рост торгового класса они зачастую рассматривали как проблему (хороший пример в этой связи — Византийская империя, которая стала центром евразийской торговли не *благодаря*, а *вопреки* политике Константинополя⁴⁷). При этом евразийская торговля часто успешно выживала и развивалась и в отсутствие крупных государств. Конечно, в этом случае необходимо было найти другие способы обеспечения купцами своих обязательств, передачи информации и ограничения хищнической политики правителей, нередко облагавших проходившие через их владения торговые пути непомерными налогами. Во многих случаях эти проблемы решались за счет создания неформальных торговых коалиций — сетей торговцев, нередко объединенных общей религией или этнической группой⁴⁸. Собственно говоря,

эта логика существует и сегодня в регионах Евразии с менее развитыми институтами формальной интеграции, например Юго-Восточной Азии, где взаимодействие рынков связано с активностью китайских этнических торговых сетей⁴⁹. Однородность участников сети и наличие неформальных связей между ними содействовали поддержанию контрактов, а для усмирения амбиций правителей могли использоваться торговые эмбарго, заставлявшие феодалов осмотрительно относиться к нарушению прав торговцев.

В результате взаимосвязь политической интеграции и торговли в Евразии оказывается достаточно сложной. Обратимся к истории Евразии последних двух тысячелетий и определим периоды максимального развития интеграции в политической сфере, то есть периоды, когда количество политических границ, которые должен был пересечь торговец на пути от Тихого океана к Атлантическому, было минимальным. Можно выделить четыре периода политической интеграции: в I и II веках нашей эры (эпоха господства Римской империи, династии Хань и парфянской династии Арсакидов), в VII веке нашей эры (времена подъема династии Тан и Арабского халифата), в XIII веке (период возникновения Монгольской империи) и в новое время (Российская империя, Османская империя и династия Цин)⁵⁰. Первая и вторая волны евразийского обмена действительно приходятся на периоды расцвета империй. Однако их существование не является достаточным условием для развития евразийского обмена. Фактически эпоха империи Тан и халифата уже не привела к новой волне роста торговли (хотя амбиции этой династии в Центральной Азии стали важным фактором культурного обмена в Евразии). Еще более яркий пример — новое время, когда «пороховые империи», подобные Османской, не только не увеличили масштабы трансграничной торговли, но, более того, вытеснили торговые потоки за пределы Центральной Евразии.

Политика и экономика по-разному влияли на два основных способа торговых обменов в Евразии — континентальный и морской. Центром морского обмена на протяжении столетий оставался Индийский океан, который, как и Средиземное море, был ареной масштабных культурных и экономических

контактов, однако никогда не оказывался под контролем единственной политической силы (подобной Риму, Византии в эпоху Юстиниана или халифату). В основе торгового взаимодействия в Индийском океане лежала система свободных портов, открытых для всех участников, и сети торговцев (арабских, индийских и китайских)⁵¹. В результате, в отличие от Средиземноморья, Индийский океан с полным на то основанием можно называть «морем мира»⁵². На «сухопутном» пути — в Центральной Азии — ситуация была более сложной, поскольку на протяжении столетий этот регион являлся предметом соперничества крупных империй (например, персидских государств, халифата или династии Тан, до битвы на реке Талас в 751 году, предъявлявшей претензии на контроль над регионом) или сам становился центром обширных империй (например, греко-индийских государств, государства Хорезмшахов или династии Саманидов). Последними крупными государствами в Центральной Азии стали Монгольская империя и империя Тимура. За ними последовал «раздел» региона между Российской и Китайской империями в XVIII–XIX веках, сопровождавшийся упадком торговли.

С точки зрения логики волн евразийского обмена современная континентальная интеграция в Евразии вписывается в общую структуру развития континента в качестве четвертой волны евразийского обмена. Конечно, и с количественной, и с качественной точки зрения эта волна сильно отличается от предыдущих: прогресс в сфере транспорта и коммуникаций позволяет добиться качественно большего взаимопереплетения и взаимозависимости экономик. Еще важнее то обстоятельство, что, в отличие от первой и второй волн, четвертая волна разворачивается в период глобализации и является неотъемлемой частью ее развития.

4. Интеграция снизу: торговля и инвестиции

Трансграничная торговля

Рассмотрим теперь механизмы и процесс евразийской континентальной интеграции более подробно. Для этого сначала целесообразно обсудить ключевые факторы «интеграции снизу»: взаимную торговлю, инвестиции и миграцию.

В области торговли изменения в Евразии достаточно очевидны и легко могут быть выявлены на основе количественного анализа. В таблице 4.1 приводится структура мирового экспорта в середине XX века. Для целей сравнительного анализа мы остановимся на семи регионах: Северная Америка, Латинская Америка, континентальная Европа и Великобритания, Восточная Европа и СССР, Ближний Восток, Южная Азия (Индия, Бирма, Шри-Ланка и Пакистан) и Восточная Азия. Легко заметить, что ключевым регионом трансграничной торговли в рассматриваемый период является Атлантика: около 60% экспорта в США и Канаду идет из Северной Америки и Европы. Для Европы доля атлантической торговли составляет 70% (большая часть приходится на внутри-европейскую торговлю). Для Ближнего Востока и Южной Азии основными партнерами являются континентальная Европа и Великобритания. Экспорт, идущий в Южную Азию, более диверсифицирован географически, вероятно, по причине различий в политических ориентациях стран: Китай торгует в основном с СССР, Япония — в основном с США, другие страны — в основном с Европой. Восточная Европа в торговом отношении замкнута сама на себе. Таким образом, в мировой торговле четко выделяются два центра: Европа и Северная Америка с высокой долей внутрирегиональной торговли и масштабными взаимными торговыми связями. Остальные части света или торгуют в основном с Европой, США и Канадой, или изолированы, как советский блок, от остального мира.

Табл. 4.1.
Структура региональных торговых потоков в мировом экспорте товаров (1959), %

Назначение \ Происхождение	Весь мир	США и Канада	Латинская Америка	Континентальная Европа, Великобритания, Ирландия и Исландия	Восточная Европа и СССР	Ближний Восток	Южная Азия	Восточная Азия
Весь мир	100	100	100	100	100	100	100	100
США и Канада	20	34	49	13	1	17	20	24
Латинская Америка	7	19	9	6	1	1	0	3
Континентальная Европа, Великобритания, Ирландия и Исландия	39	26	32	54	15	47	45	16
Восточная Европа и СССР	10	0	2	5	63	8	5	21
Ближний Восток	4	2	1	5	2	13	7	5
Южная Азия	2	2	1	2	1	5	6	3
Восточная Азия	7	9	3	2	14	7	9	14

Примечание: Таблица составлена авторами на основе Базы статистических данных ООН по торговле товарами (UNComtrade)

Табл. 4.2.
Структура региональных торговых потоков в мировом экспорте товаров (2009), %

Назначение \ Происхождение	Мир	Северная Америка	Южная и Центральная Америка	Европа	СНГ	Африка	Ближний Восток	Азия
Мир	100	100	100	100	100	100	100	100
Северная Америка	13.2	37.9	29.3	5.7	3.0	7.2	9.7	10.1
Южная и Центральная Америка	3.8	5.7	27.4	1.8	1.9	3.3	2.2	3.0
Европа	41.2	18.1	17.1	70.9	47.1	41.5	30.1	13.3
СНГ	3.7	1.2	1.2	4.7	27.9	1.8	2.8	2.0
Африка	3.2	3.2	2.1	2.9	0.4	11.5	2.3	2.7
Ближний Восток	5.7	3.0	1.1	1.5	1.2	8.6	20.9	11.2
Азия	29.4	31.0	21.8	12.5	18.5	26.0	32.0	57.8

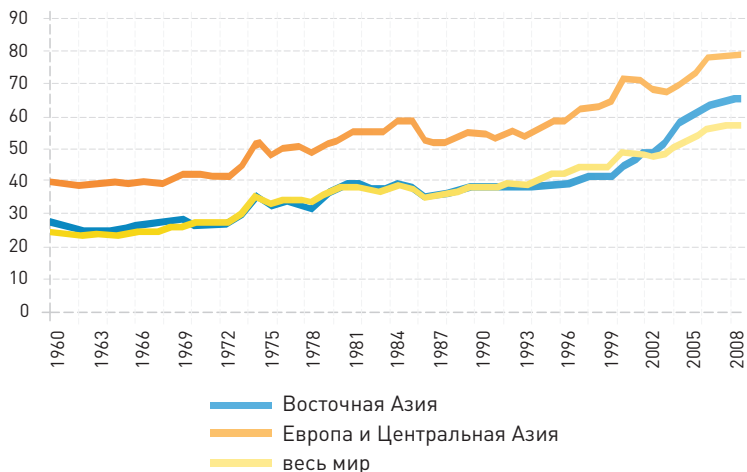
Источник: ВТО

В таблице 4.2 представлена структура мирового экспорта в 2009 году, шестьдесят лет спустя. Легко заметить, что структура торговли сильно изменилась. Прежде всего, к двум центрам с масштабной внутрирегиональной торговлей добавился третий — Восточная Азия, страны которой связаны между собой не только в торговом, но и, как будет показано далее, в производственном отношении. Второе масштабное изменение — исчезновение изолированного региона СССР и Восточной Европы. Объемы торговли стран постсоветского пространства с Азией теперь сопоставимы с объемом торговли друг с другом, а торговля с Европой превышает этот уровень. Для Европы, с ее очень высокой долей внутрирегиональной торговли (более высокой, чем шестьдесят лет назад, возможно, по двум причинам: развитие европейской интеграции и разрыв «особых связей» между Великобританией и ее заморскими территориями), Азия, опередив Северную Америку, становится вторым крупнейшим торговым партнером. Азия также является важным торговым партнером для Латинской Америки, причем шестьдесят лет назад связи между этими регионами были ничтожно малыми. Ближний Восток тоже укрепил свои торговые взаимоотношения с неевропейскими странами, в основном благодаря росту экспорта нефти и газа. В целом мир теперь стал гораздо более полицентричным, а Азия превратилась в крупного торгового партнера европейских стран, постсоветского региона и других регионов мира. При этом открытость всех субрегионов Евразии внешней торговле за прошедшие пятьдесят лет сильно возросла (рисунок 4.1).

Другой взгляд на ту же самую проблему предлагает рисунок 4.2, на котором приводятся данные по структуре торговли основных интеграционных объединений в Евразии. Легко заметить, что уровень внутрирегиональной торговли для всех них, кроме стран ЕС, невысок. В то же время торговля с другими странами Евразии играет доминирующую роль во внешнеторговой структуре как минимум трех из них (АСЕАН, СААРК и СНГ). По некоторым оценкам, для ЕС и АСЕАН реальная торговля также значительно ниже их возможностей, и следует полагать, что она будет расти. Внутрирегиональная торговля в СНГ, наоборот, выше предсказанного теоретическими моделями, исходя из уровня развития этих стран⁵³.

Рис. 4.1.
Динамика
открытости
торговли
в Евразии

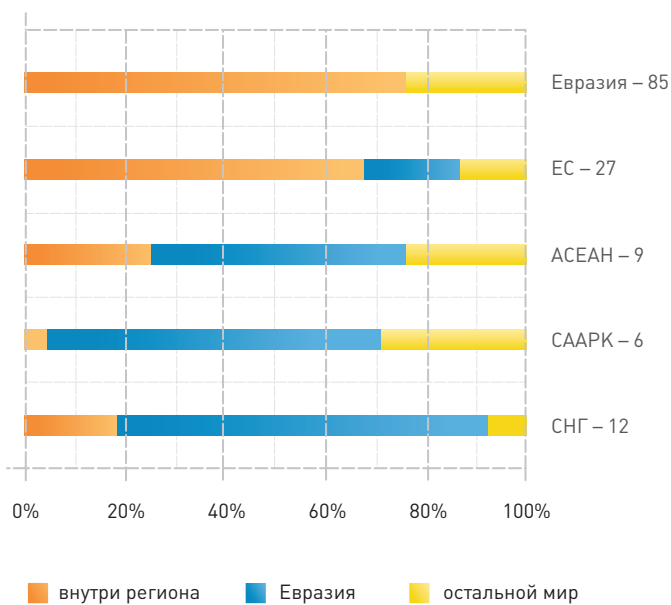
Источник:
The World Bank,
база данных WDI

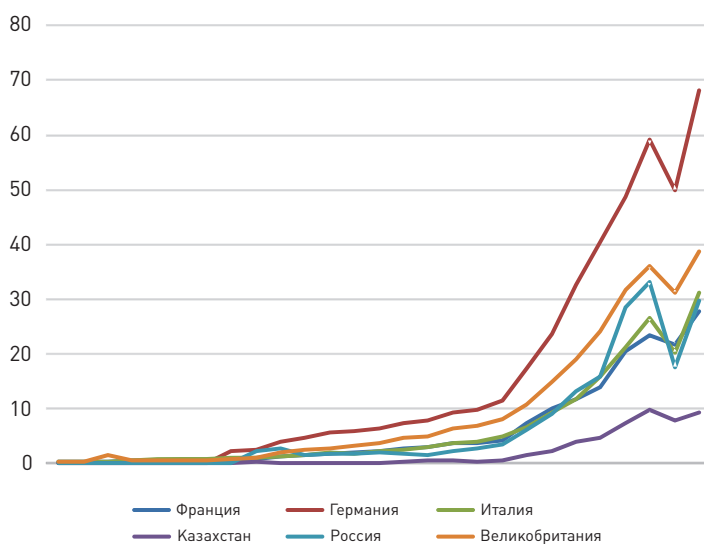

Примечание: Открытость рассчитывается по формуле: $\left[\frac{\text{Экспорт} + \text{Импорт}}{\text{ВВП}} \times 100 \right]$

Рис. 4.2.
Внутрирегио-
нальная торго-
вая в Евразии,
2008 г., %

Источник: рас-
четы авторов
на основании
данных МВФ.

Рис. 4.3.
Экспорт КНР
в отдельные
страны
Евразии,
\$ млрд

Источник: База
статистических
данных ООН
по торговле
товарами
(Комтрейд
ООН)

Для нас в контексте данной книги важно подчеркнуть два структурных сдвига в торговле на евразийском континенте. Во-первых, за последние два десятилетия произошел резкий рост торговли между Европой и КНР. Рисунок 4.3 показывает динамику годового экспорта Китая в европейские и евразийские страны (эти данные не учитывают торговлю с Гонконгом). Согласно статистическим данным ЕС, в 2010 году совокупный импорт 27 стран — членов ЕС из Китая составил €282 млрд, в то время как экспорт Евросоюза в Китай — €113 млрд, то есть на долю Китая приходится около 20% европейского импорта, а около 8% европейского экспорта идет в Китай. ЕС занимает второе место после Японии по объему импорта КНР и является главным направлением экспорта КНР, опережая США. Именно торговля между ЕС и КНР, за ростом которой последовал масштабный рост инвестиций, является сейчас главным элементом новой системы континентальной интеграции.

При этом торговля между странами Евразии растет значительно более высокими темпами, чем мировая торговля или торговля внутри отдельных евразийских регионов. В таблице 4.3 сравнивается динамика торговых потоков между ре-

Табл. 4.3.
Среднегодовые темпы прироста торговли товарами между регионами Евразии (в номинальном выражении)

Источник: расчеты авторов на основе WTO Time Series on International Trade Database

Экспорт	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Совокупный прирост за 2001–2010
Из Азии в Европу	-9.16	4.5%	25.1%	25.7%	15.3%	20.3%	19.5%	12.0%	-20.2%	26.0%	178.64
Из Европы в Азию	-0.44	7.1%	19.2%	21.8%	7.1%	11.3%	17.6%	12.8%	-12.5%	22.4%	162.17
Из СНГ в Европу	-3.66	8.2%	28.1%	40.0%	39.9%	30.5%	15.9%	36.7%	-41.4%	30.3%	312.89
Из Европы в СНГ	29.60	15.0%	30.9%	36.4%	23.4%	30.9%	32.9%	25.9%	-38.8%	22.6%	439.64
Из Азии в СНГ	12.16	24.3%	63.5%	46.0%	45.9%	34.0%	60.5%	36.2%	-47.6%	48.5%	1006.75
Из СНГ в Азию	1.51	8.6%	24.2%	30.4%	15.6%	8.3%	29.6%	35.9%	-17.0%	34.3%	338.84
Из Азии в Азию	-10.13	10.5%	21.9%	25.7%	15.0%	14.9%	15.4%	15.7%	-15.4%	33.2%	202.52
Из Европы в Европу	0.31	7.1%	20.7%	19.6%	7.7%	13.8%	16.4%	10.5%	-23.2%	10.4%	107.29
Из СНГ в СНГ	5.49	0.5%	28.7%	38.5%	12.3%	27.3%	29.8%	31.2%	-36.9%	28.9%	274.20
Мировая торговля	-4.09	4.8%	16.9%	21.6%	13.9%	15.6%	15.7%	15.3%	-22.6%	21.7%	136.40

гионами Евразии, внутри трех основных макрорегионов (Азия, Европа и СНГ) и динамика мирового экспорта. Жирным выделены торговые потоки, темпы роста которых превышали мировые. Легко заметить, что на протяжении 2002–2008 годов торговля практически между всеми регионами Евразии росла заметно быстрее общемировой, а также, как правило, быстрее внутрирегиональной. Правда, в 2009 году за столь впечатляющим ростом последовало не менее впечатляющее падение, связанное с мировым кризисом, однако уже в 2010 году опережающий рост торговых потоков восстановился. Всего за 2001–2010 годы мировая торговля выросла примерно в два с половиной раза, то есть в меньшей степени, чем объем торговли между всеми тремя регионами Евразии (а также в рамках отдельных регионов, за исключением Европы).

Одним из ключевых факторов роста торговли в Евразии (но далеко не единственным) является торговля энергоресурсами. Причины формирования этих потоков связаны с огромными диспропорциями в географии добычи углеводородного сырья. Основные ресурсы сосредоточены на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в Сибири, а основной спрос на них связан с быстрым ростом промышленности Восточной и Юго-Восточной Азии и стабильной потребностью Европы. За последние 40 лет в западной части Евразии была создана разветвленная сеть трубопроводов, которая сейчас дополняется развивающейся сетью поставок из Центральной Азии и России в Китай. Таким образом, естественно, что межрегиональная торговля энергоносителями растет в два раза быстрее, чем торговля внутри региона (см. рисунок 4.2).

Однако неудивительно и то, что торговля энергоресурсами вызывает множество противоречий и конфликтов в Евразии. Для трех ее регионов, рассматриваемых в настоящей книге, упрощенно ситуация выглядит следующим образом: ЕС и Китай потенциально являются конкурентами как потребители российских и центральноазиатских нефтяных и газовых ресурсов, но при этом опасаются чрезмерной зависимости от поставщиков энергоносителей. Россия пока безуспешно пытается заблокировать доступ других стран к центральноазиатским ресурсам, защищая свою монополию на транзит. Украина и Беларусь используют

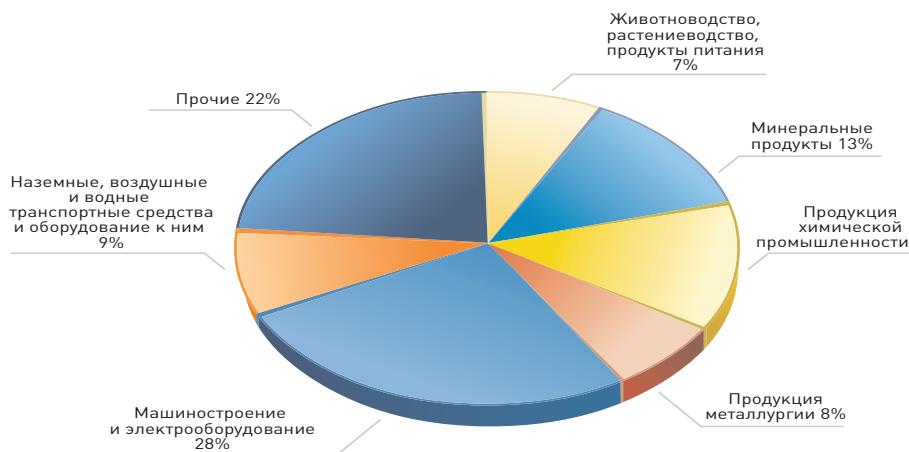
транзитные мощности для получения дивидендов от продажи российских ресурсов в Европу. Эти политические противоречия носят особенно острый характер, потому что, несмотря на очевидную взаимозависимость, не существует многосторонней договорной базы, которая регулировала бы торговлю энергоресурсами за пределами Европы. Энергетическая хартия, продвигаемая ЕС, до сих пор не ратифицирована Россией, а альтернативные предложения, выдвинутые Россией в 2010 году, были холодно восприняты ЕС. Вопрос торговли энергоресурсами в настоящее время активно обсуждается многими евразийскими организациями (такими как ШОС, ЕврАзЭС, СНГ и ЕС), но удовлетворяющего всех решения до сих пор предложено не было.

Вторым каналом торговой взаимозависимости является торговля России с Европейским союзом, ключевую роль в которой играет экспорт энергоносителей. Однако в настоящее время Европейский союз также является одним из крупнейших экспортеров и импортеров промышленных товаров. В 2010 году на долю ЕС приходилось 50% российского импорта и 45% российского экспорта (Китай занимал второе место по импорту и третье место по экспорту с 14% и 6% соответственно). Значение России как торгового партнера для самого ЕС меньше: только 10% импорта и 6% экспорта (по состоянию на 2010 год согласно официальной статистике ЕС), однако Россия все же занимает третье место (после Китая и США) по объему торговли с Европейским союзом. Таким образом, все три основных региона Евразии связаны друг с другом торговыми отношениями, причем во многих случаях речь идет о ситуации структурной взаимозависимости. Экономический рост Китая вряд ли был бы возможным без огромного спроса на промышленные товары в развитых странах и Европе. Состояние российской экономики также напрямую связано с поставками энергоресурсов в ЕС. Энергетическая безопасность Евросоюза, в свою очередь, зависит от российского газа и нефти.

Товарная структура торговли в Евразии представлена на рис. 4.5. В целом она выглядит довольно разнообразной и сбалансированной. Доля каждой из товарных групп составляет, по крайней мере, 5% совокупного объема торговли. Несмотря на то что наиболее высокой является доля продукции

Рис. 4.5.
Структура
внутрирегио-
нальной
торговли
в Евразии,
2009 г.

Источник:
TradeMap, Все-
мирный торго-
вый центр

машиностроения и электрооборудования (28%), основная роль в торговле высокотехнологичными товарами по-прежнему принадлежит как старым, так и новым членам ЕС; изделия легкой промышленности и электротовары в основном поставляются из КНР. Азиатские производственные сети постоянно эволюционируют с 1960-х годов из-за смещения сравнительных преимуществ, вызванных ростом квалификации рабочей силы, большей способностью осваивать новые технологии и динамикой доступа к дешевой неквалифицированной рабочей силе⁵⁴. Появление Восточной Европы и постсоветских стран в качестве полноценных торговых партнеров придало импульс диверсификации структуры торговых связей. Тем не менее Россия и Центральная Азия в настоящее время, прежде всего, специализируются на экспорте сырья.

Прямые иностранные инвестиции и евразийские ТНК

Еще более серьезные изменения происходят в сфере инвестиционного взаимодействия. Менее трех десятилетий назад две крупнейшие евразийские страны — СССР и Китай — были практически закрыты для иностранного капитала. Начиная с 1990-х годов либерализация китайской экономики сделала

возможным мощный приток инвестиций в экономику этой страны. Инвестиционный климат России был не столь благоприятен, тем не менее ее роль в этой сфере остается значительной. К 2008 году азиатские страны занимали третье место по объему заграничных инвестиций из ЕС после Северной Америки (37%) и европейских стран, не входящих в ЕС, включая Россию (27%). В целом, азиатские страны получали 12.7% всего объема ПИИ. В десятку основных получателей ПИИ из Европейского союза входят Гонконг и Россия: в 2007–2009 годах приток иностранных инвестиций в Россию увеличился на 24%, а в Гонконг — на 4%. За это время Гонконг увеличил свои инвестиции в Европе на 56% (Россия — на 11%)⁵⁵. Так как значительная часть китайских инвестиций идет через Гонконг, этот большой рост, скорее всего, отражает увеличивающееся присутствие инвестиций из КНР в ЕС.

В этой связи еще более важным представляется обратный процесс — становление *евразийских транснациональных компаний*, связанных, прежде всего, с Россией и Китаем. Формирование таких структур очень важно для развития интеграции в Евразии, но в отсутствие количественных данных для анализа изучить этот процесс в полной мере сложно. Тем не менее имеющиеся эмпирические данные все же подтверждают растущую роль китайских и российских корпораций в Евразии. При этом список евразийских ТНК не ограничивается только бизнес-структурами этих стран. На постсоветском пространстве важными источниками иностранных инвестиций являются Казахстан и в меньшей степени Украина. В Восточной Азии китайские ТНК во многом следуют по пути, уже пройденному японским, корейским и тайваньским бизнесом (особую группу составляют корпорации, созданные этническими китайцами в странах Юго-Восточной Азии⁵⁶). Интересным является случай Индии: индийские транснациональные корпорации почти уникальны в том смысле, что они гораздо меньше замкнуты на определенный регион и равномерно представлены в Европе, Северной Америке и (несколько меньше) в Азии⁵⁷. Эту необычную черту можно объяснить исторической спецификой Индии, где широко распространено знание английского языка,

а связи с Европой и США носят более тесный характер, чем у России и Китая. Перечень, безусловно, не является исчерпывающим.

Детальный анализ инвестиционной экспансии российского и китайского бизнеса выходит за рамки тем, которые мы сможем рассмотреть в настоящей монографии. Тем не менее один из аспектов трансграничной активности бизнеса этих двух стран все же нуждается в обсуждении. Идея евразийской континентальной интеграции означает, что рост инвестиционной активности носит преимущественно *внутрирегиональный характер*, причем границы региона совпадают с границами евразийского континента. Справедливо ли это для китайских и российских компаний? Что касается российских транснациональных корпораций, то можно выделить три этапа эволюции ПИИ: вторая половина 1990-х годов, начало 2000-х годов и конец 2000-х годов.

Первый этап (1990-е годы). В этот период Россия испытывала серьезные проблемы, связанные с постоянной утечкой капитала через оффшорные зоны и неофициальные каналы. Иностранные инвестиции носили крайне ограниченный характер и были преимущественно сосредоточены в странах Западной Европы. Например, исследование 22 российских транснациональных компаний, проведенное в 1996 году, показало, что около 60% их филиалов расположены в ЕС и только 6% — в Северной и Центральной Евразии⁵⁸. Это едва ли может вызывать удивление. С одной стороны, большинство стран Северной и Центральной Евразии испытывали еще более серьезный экономический кризис, чем Российская Федерация, или, если им удавалось смягчить шок переходного периода (как, например, Беларуси или Узбекистану), вводили жесткий протекционистский режим. С другой стороны, слабость российских компаний делала для них прямые иностранные инвестиции второстепенным, скорее «имиджевым» фактором, а с этой точки зрения Европа подходила гораздо лучше постсоветского пространства.

Тем не менее уже в этот период появились три группы российских компаний, уделяющие основное внимание постсоветскому пространству. Во-первых, некоторые компании стали транснациональными поневоле — вследствие «цивилизованного раз-

вода» бывших советских республик, возникнув как результат трансформации бывших общесоюзных предприятий и объединений, сохранивших активы в других странах постсоветского пространства. Во-вторых, некоторые нефтегазовые компании, такие как «Лукойл» и «Итера», уже в этот период начали создавать филиалы и приобретать производственные мощности в странах СНГ (правда, не всегда удачно: «Лукойлу» пришлось в итоге уйти из Азербайджана, где он первоначально был активным участником освоения каспийского шельфа). В-третьих, до кризиса 1998 года несколько крупных российских банков создавали филиалы в странах Северной и Центральной Евразии, а также в Европе (в том числе в странах Центральной и Восточной Европы⁵⁹), хотя, вероятно, это было также продиктовано, скорее, соображениями имиджа, чем собственно поисками привлекательных рынков.

Второй этап (первая половина 2000-х годов). Экономический рост 2000-х годов, в сочетании с растущим опытом и «зрелостью» российского бизнеса, превратили иностранные инвестиции из второстепенного «имиджевого фактора» в один из ключевых элементов деловых стратегий российского бизнеса. Основными участниками этой новой «инвестиционной экспансии» стали крупные частные и государственные корпорации. Однако значительная часть активов за границей была приобретена отдельными физическими лицами и компаниями, которые создавались специально для этих целей, а не для создания производства «с нуля». Однако, что особенно важно, изменился географический фокус — резко выросло значение постсоветских стран. Проекты в СНГ были, с одной стороны, более доступны для российского бизнеса (в силу культурной близости и налаженных связей, а также сравнительной дешевизны активов), а с другой, достаточно привлекательны в силу быстрого роста экономик стран СНГ. Перефразируя заголовок доклада Альфа-Банка, опубликованного в 2004 году, можно сказать, что российские компании искали «вторую Россию» в традиционном «ближнем зарубежье»⁶⁰.

Российский капитал действительно в 2000–2008 годы превратился в важного игрока на постсоветском пространстве, а в от-

раслях некоторых стран (например, в сфере мобильной телефонии или в сфере нефтепереработки на Украине) смог даже добиться доминирующего положения. Причем многие европейские страны, в том числе Центральной и Восточной Европы, также оставались привлекательной сферой вложения российского капитала. Хотя экономическое значение активов, приобретенных в странах ЕС, с точки зрения экономик принимающих стран было, конечно, несопоставимо с регионом СНГ, где речь шла о контроле над ключевыми отраслями. По данным исследования бизнес-школы «Сколково», 52% активов 50 крупных российских транснациональных корпораций за рубежом расположены в Европе и 18% в СНГ.⁶¹ С другой стороны, по данным ЮНКТАД, на долю СНГ и Центральной и Восточной Европы приходилось более 50% всех сделок слияния и поглощения, заключенных в период с 2000 по 2004 годы⁶². Согласно исследованию Московской межбанковской ассоциации, сделки по слиянию и поглощению, заключенные в СНГ, составили примерно 45% от их общего числа⁶³. При критическом подходе к данным ЮНКТАД по российским ПИИ можно сделать вывод, что российские инвестиции в ЕС составили порядка 25% от общего объема, а инвестиции в СНГ — 20%⁶⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что в первой половине 2000-х годов Европа и Северная и Центральная Евразия оставались двумя основными регионами вложений ПИИ из России.

Третий этап (конец 2000-х годов). Ситуация изменилась в конце 2000-х годов (опять же, трудно провести временную границу между отдельными периодами в развитии российских транснациональных компаний; но конец десятилетия может рассматриваться как примерная «точка водораздела»). С одной стороны, география российского бизнеса вышла за пределы Европы и стран СНГ: расширились масштабы покупки активов в Азии, Африке и на Ближнем Востоке⁶⁵. Кроме того, значительно изменился характер инвестиционной деятельности российских компаний. В частности, в силу того, что число доступных привлекательных активов в СНГ сократилось, российский бизнес вынужден был перейти к «инвестициям с нуля». С другой стороны, значительно увеличилось конкурентное давление

на российские компании в постсоветских странах, в том числе со стороны усилившегося украинского и казахстанского бизнеса.

Рост инвестиционной экспансии российских компаний приостановился в период глобального кризиса 2008–2010 годов. Многие масштабные проекты были или отменены, или отложены (реализация некоторых из них была возобновлена после кризиса). Однако снижение российских инвестиций в регионе СНГ было заметно меньшим, чем у других стран. Поэтому *относительная* доля российских инвестиций в СНГ увеличилась, как и ориентация российских компаний на постсоветские страны. Кроме того, ослабление административных барьеров и конкуренции со стороны местных компаний позволило приобрести ряд прежде недоступных активов⁶⁶. В результате российский бизнес опять сосредоточился на двух основных регионах своей традиционной экспансии — СНГ и Европе.

Эволюция китайских транснациональных компаний следовала по схожей схеме. Первую волну ТНК КНР составили государственные компании, ориентированные на поиск сырьевой базы за границей. Вторая волна транснациональных компаний появилась в начале 1990-х годов и включала в себя как частные, так и государственные корпорации. Для этих бизнес-структур, в основном в сфере производства потребительских товаров и электроники, ПИИ стали логическим шагом в сторону интернационализации. Обычно стартовой точкой являлось сотрудничество с иностранными субподрядчиками, далее появлялись собственные инвестиции. С географической точки зрения, по крайней мере в последнее десятилетие, китайские компании в основном оставались региональными, так же, как и другие восточноазиатские транснациональные корпорации⁶⁷. Однако для китайских ТНК эта региональная ориентация имеет одну очень специфическую черту: многие из них активно инвестируют в экономику Гонконга. Гонконг и Макао стали для китайского бизнеса уникальным «плацдармом», которого у российских компаний не было: юрисдикции, вовлеченные в глобальную экономику, с крайне либеральным режимом государственного регулирования и тесно связанные с матери-

ковым Китаем, не могли не стать «мостом в мир» для новых китайских ТНК⁶⁸. В целом, в первой половине 2000-х годов на Азию приходилось 40–50% китайских ПИИ⁶⁹.

Вторым регионом по объему ПИИ из Китая неожиданно стала Латинская Америка. Доля этого региона составила 35–45% всего объема внешних инвестиций Китая в первой половине 2000-х годов. Впрочем, эта цифра обманчива: Латинская Америка включает в себя оффшорные зоны, такие как Виргинские и Каймановы острова, которые активно используются китайским бизнесом. В самих латиноамериканских странах доля китайских ПИИ невелика и сосредоточена в основном в сырьевом секторе (нефть и другие полезные ископаемые) в таких странах, как Бразилия, Чили, Перу и Венесуэла. В Мексике китайские инвестиции присутствуют в промышленном секторе. При этом китайские капиталовложения многократно уступают инвестициям в экономику стран Латинской Америки из США, традиционно лидирующих в регионе. Это опять же напоминает ситуацию с российскими инвестициями в Европе: даже несмотря на то, что в совокупном потоке ПИИ из Китая (России) капиталовложения в экономику Латинской Америки (Европы) являются существенными, для самих принимающих стран роль этих инвестиций по сравнению с другими источниками является второстепенной⁷⁰.

Таким образом, китайские транснациональные компании даже еще в большей степени, чем российские, связаны границами одного региона — Восточной Азии. Причем их влияние здесь гораздо слабее, чем российских компаний. В отличие от России, которая занимает лидирующее положение в СНГ по объему ПИИ, китайским транснациональным компаниям приходится действовать в регионе с уже высоким уровнем регионализации, основанном на инвестициях японских ТНК, также носящих преимущественно региональный характер,⁷¹ но гораздо более продвинутых с точки зрения способов ведения бизнеса. Тем не менее в последние годы китайские транснациональные компании, похоже, начали выходить за пределы региона своего традиционного присутствия и ориентируются на экспансию в мировом масштабе. Во-первых, важную роль

играет растущее присутствие китайских компаний в Африке, в последнее время привлекающее активное внимание наблюдателей⁷². Пользуясь сильной поддержкой правительства, бизнес КНР активно инвестирует в африканскую экономику, пытаясь получить контроль над природными ресурсами региона. Однако для нас важнее второй аспект глобализации китайского бизнеса — его выход на рынки стран Западной Европы. Для КНР Европа играет гораздо меньшую роль как цель инвестиционной активности, чем для России. Тем не менее несмотря на настороженное отношение европейцев⁷³, инвестиции Китая в ЕС растут преимущественно как инструмент обеспечения доступа к новым технологиям.

Трудовая миграция

Если в сфере торговли и инвестиций евразийская континентальная интеграция набирает обороты, то достижения в сфере миграции остаются гораздо более скромными. Трудовая миграция на сегодняшний день не представляет собой по-настоящему континентального явления и локализована в отдельных макрорегионах Евразии, поскольку существующие правовые барьеры жестко ограничивают миграционные потоки между отдельными странами. Интегрированный рынок труда функционирует лишь в ЕС, причем Евросоюз прилагает огромные усилия к тому, чтобы ограничить приток мигрантов из других частей континента. В Евразии выделяются следующие десять основных миграционных коридоров: Россия — Украина, Украина — Россия, Турция — Германия, Казахстан — Россия, Россия — Казахстан, Беларусь — Россия, Узбекистан — Россия, Азербайджан — Россия, Румыния — Италия и Румыния — Испания. Можно заметить, что два из этих коридоров находятся в пределах Европейского союза, семь — на постсоветском пространстве и один соединяет ЕС и Турцию.

Получить количественную оценку трансграничной миграции значительно сложнее, чем инвестиций или торговли:

во многих случаях речь идет о нелегальном или полуполюгальном перемещении мигрантов (об этом более подробно речь пойдет ниже). Тем не менее определенные выводы все же можно сделать, используя данные Migration and Remittance Factbook 2011, опубликованные Всемирным банком и содержащие сведения о числе мигрантов в различных странах мира на 2010 год. Из 216 млн мигрантов 46% перемещаются внутри евразийского континента (включая Индию и Ближний Восток). Однако почти половина (18%) — это миграция внутри ЕС и Европейского экономического пространства. Все остальные регионы миграционной активности также четко локализованы: 10% мигрантов приходится на страны Северной и Центральной Евразии (в основном речь идет о перемещении трудовых ресурсов в пределах СНГ). В этом плане постсоветское пространство не только сохраняет высокий уровень интеграции, но, более того, за последнее десятилетие пережило настоящий бум трудовой миграции. 6% мигрантов приходятся на богатые страны Персидского залива — Саудовскую Аравию, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Катар и Оман (в основном из Индии, Пакистана и других стран Азии). 3% — на Индию и Бангладеш (в основном из других стран Южной Азии), 2% — на Сингапур и Малайзию (в основном речь идет о миграции в треугольнике Сингапур — Малайзия — Индонезия). Интересно, что три из четырех центров миграционной активности за пределами Европы раньше или являлись частями единых государств (СССР, Британская Индия), или характеризовались очень тесными историческими и культурными связями. 2% мигрантов составляют палестинские беженцы (в основном в Сирии и Иордании), а 1% приходится на Гонконг (в этом случае, строго говоря, речь вообще не идет о международной миграции, так как в основном это переселенцы из КНР).

Сотрудничество евразийских стран в сфере миграции является крайне ограниченным, но подкрепленным определенной договорной базой: ряд соглашений о свободной торговле включают положения, которые облегчают пересечение границы для определенных категорий лиц (инвесторы, бизнесмены и рабочие). К числу наиболее важных соглашений относятся:

- нормы ЕС, обеспечивающие почти полную свободу миграции в пределах объединенной Европы;
- Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (ЦЕССТ), охватывающее в настоящее время западнобалканские страны;
- ряд соглашений в структуре АТЭС и соглашения о свободной торговле стран АСЕАН;
- два соглашения, подписанные в рамках создания Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России, предусматривающие распространение национальных трудовых законодательств на мигрантов из других стран-участников⁷⁴.

Возможно, рост легальной и организованной трудовой миграции мог бы стать одним из наиболее перспективных направлений экономической интеграции и оказать положительное экономическое влияние как на страны, поставляющие рабочую силу, так и на принимающие страны. Однако перспективы развития такого взаимодействия остаются туманными: страны Евразии с большой осторожностью относятся к либерализации миграционного законодательства. Тем не менее даже ограниченный рост свободы перемещения в Евразии в последние десятилетия стал основой бурного развития неформальных торговых сетей. В этом отношении в первую очередь следует отметить роль СНГ, Китая и Восточной Азии и, возможно, Турции⁷⁵. Во многих случаях неорганизованная торговля в Евразии принимает довольно необычные формы: например, в исламских странах она тесно переплетена с паломничеством в Мекку⁷⁶. Недооценивать значение подобных торговых каналов не следует, хотя количественно оценить их роль достаточно сложно.

Таким образом, евразийская континентальная интеграция сегодня связана с масштабной трансграничной торговлей между Китаем, СНГ и ЕС, растущими инвестициями китайских, российских и европейских компаний, а также масштабными неформальными торговыми сетями, берущими свое начало в Центральной Азии и СНГ, а также в Китае и исламских странах. Эти связи также способствуют культурному обмену в Евразии и распространению технологий и идей, то есть составляют основу «четвертой волны евразийского обмена».

5. Интеграция сверху: соглашения и институты

Роль «интеграции сверху», основанной на формальном межгосударственном взаимодействии в Евразии, остается заметно меньшей, чем «интеграции снизу». Тем не менее межправительственные соглашения постепенно развивают сеть экономических связей на микроуровне. В этой главе мы обсудим основные направления и проблемы «интеграции сверху» в современной Евразии.

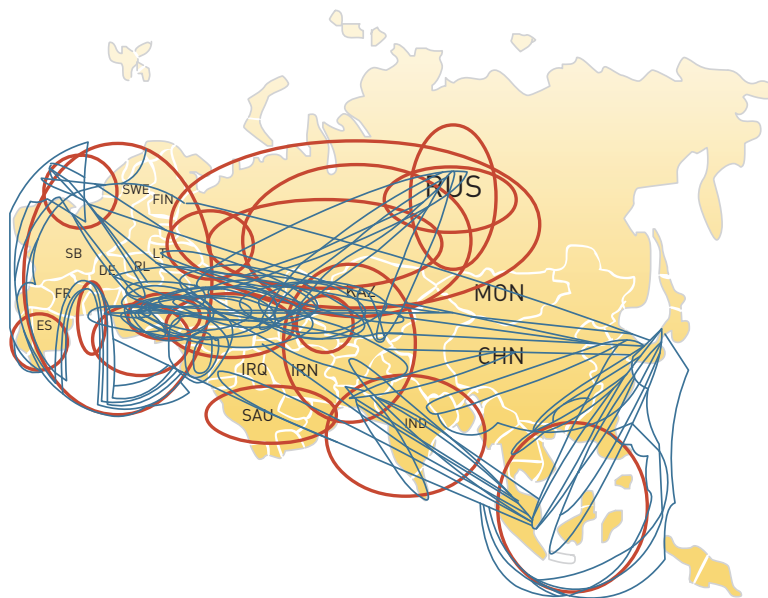
Межгосударственное сотрудничество

С точки зрения формальных интеграционных инициатив существуют серьезные различия между тремя макрорегионами Евразии. Если в Европе ЕС и связанные с ним структуры представляют собой жесткий «каркас» международного сотрудничества, то в Восточной Азии и на постсоветском пространстве речь идет об огромном числе накладывающихся друг на друга соглашений, как правило, ограниченных по своим целям и не предполагающих создания сколь бы то ни было значимых наднациональных институтов. Одним из аспектов описываемой сети является так называемая «миска спагетти» — комплекс соглашений о свободной торговле, сформировавшийся частично вследствие задержки вступления отдельных стран Евразии в ВТО (прежде всего, постсоветских государств), а частично — как попытка учесть разнородный характер интересов государств региона (см. рисунок 5.1). Однако аналогичный клубок соглашений существует и в сфере транспорта, коммуникаций, общих стандартов, экологии и т. д.

Вряд ли возможно представить исчерпывающий список всех азиатских региональных интеграционных проектов, особенно с учетом того, что они время от времени иницируются, прекращаются, возобновляются и интегрируются друг с другом. В сфе-

Рис. 5.1.
«Миска спагетти»
соглашений
о свободной
торговле
в Евразии

Источник:
Kurmanalieva,
Vinokurov
(2011).

ре инфраструктуры можно выделить одиннадцать основных проектов: Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Программу Центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), Южно-Азиатскую ассоциацию регионального сотрудничества (СААРК), Форум тихоокеанских островов (ФТО), Треугольник роста «Индонезия – Малайзия – Таиланд» (ТР-ИМТ), Южно-Азиатскую зону роста «Бруней-Даруссалам, Индонезия, Малайзия, Филиппины», Инициативу Бенгальского залива по многостороннему техническому и экономическому сотрудничеству (БИМШТЭС), Субрегиональное экономическое сотрудничество в Южной и Центральной Азии (СЭСЮЦА), Субрегион Большого Меконга (СБМ), Трансазиатскую железную дорогу (ТАЖД – проект, поддерживаемый Экономической и социальной комиссией ООН по странам Азии и Тихого океана) и Расширенную Туманганскую инициативу⁷⁷. Региональное сотрудничество в Азии также поддерживается рядом многосторонних и национальных банков развития (наиболее известным из них является АБР), которые играют важную роль в инфраструктурном развитии.

Большинство азиатских региональных проектов являются неформальными и предполагают очень гибкую структуру членства. В некоторых случаях (АТЭС) это качество стало основой идеологии организации — «открытого регионализма», не предполагающего системы жестких обязательств и «исключительного» членства. Таким образом, в Азии нет признаков соперничества между региональными проектами, которое можно наблюдать в Европе. Большинство организаций не имеют своих собственных финансовых ресурсов и развитых наднациональных органов и выполняют главным образом консультативные функции. Больше внимание уделяется конкретным проектам, а не разработке общих норм и правил игры.

Ситуация в Северной и Центральной Евразии приблизительно такая же, с одним лишь исключением: если в Азии сеть проектов и соглашений является полицентричной, то на постсоветском пространстве она явно концентрируется вокруг России. Фактически региональные интеграционные проекты, кроме уже несуществующих центрально-азиатских инициатив либо включают Россию как основного члена, либо специально созданы для уменьшения влияния России на постсоветском пространстве. Отсюда и возникает структура концентрических кругов интеграционных объединений: ТС, ЕврАзЭС, СГРБ, ОДКБ и СНГ, а также ГУАМ⁷⁸. Однако постсоветское пространство объединяется еще и сетью двусторонних торговых соглашений, которые играют существенную роль в поддержании свободной торговли⁷⁹. В целом уровень межгосударственного сотрудничества в Северной и Центральной Евразии по-прежнему гораздо выше, чем в Восточной Азии (возможно, эта разница менее заметна в области торговли, однако она очень существенна в вопросах трудовой миграции).

С этой точки зрения европейский континент с доминирующей ролью Европейского союза очень сильно отличается от остальной Евразии и характеризуется глубиной интеграционных процессов, с одной стороны, и очень высоким уровнем организации межгосударственного сотрудничества, с другой. Одним из последствий этого является интенсивная конкуренция интеграционных инициатив: параллельное существование множества «наклады-

вающихся» друг на друга структур плохо сочетается с жесткой структурой обязательств, которую предполагает ЕС. В Западной Европе соперничество между ЕЭС и ЕФТА в итоге закончилось успехом ЕЭС/ЕС. В Центральной и Восточной Европе после прекращения действия Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи региональная интеграция почти всегда рассматривалась как промежуточный этап перед вступлением в ЕС (как это было в случае с Центрально-Европейской зоной свободной торговли). Однако в Восточной Европе в настоящее время наблюдаются видимые признаки соперничества между «европейскими» и «постсоветскими» интеграционными проектами, которые рассматриваются своими сторонниками как взаимоисключающие. Как мы покажем далее, такое представление является ошибочным, поскольку существует достаточно ситуаций, когда европейская и постсоветская интеграции дополняют друг друга. Однако идея конкуренции интеграционных инициатив, по всей видимости, доминирует в умах людей, принимающих решения, и на Востоке, и на Западе и является такой же проблемной для развития экономического сотрудничества в Евразии, как слабость и неопределенность в структурах азиатского и постсоветского регионализма.

Тем не менее есть примеры инициатив, которые были однозначно направлены на «стирание» границ между тремя регионами Евразии. Большинство из них строятся вокруг Центральной Азии — региона, так или иначе связанного и с постсоветским пространством, и с Восточной, Южной и Западной Азией, и отчасти с Европой. Далее мы рассмотрим эти инициативы более подробно.

Межрегиональные проекты в Евразии

Шанхайская организация сотрудничества. Возможно, наиболее часто упоминаемой региональной структурой «евразийского масштаба» является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)⁸⁰. Прообраз этой организации — «Шанхайская

пятерка» — появился в 1996 году в качестве механизма решения спорных вопросов относительно границ. За первые пять лет существования «пятерки» она продемонстрировала способность эффективно решать поставленные перед ней задачи, поэтому в 2001 году неформальный форум был официально закреплён в рамках ШОС, которая основное внимание решила уделять вопросам безопасности. В 2004 году были созданы Региональная антитеррористическая структура и Евразийская группа по борьбе с отмыванием денег. Экономическая повестка дня организации оказалась гораздо менее развита, хотя ещё в 2003 году Китай предложил создать зону свободной торговли в рамках ШОС. До сих пор не реализована идея Энергетического клуба ШОС, предложенная российским руководством в 2006 году⁸¹.

Наиболее сложным вопросом при обсуждении ШОС является неясность конечных целей этой организации, поскольку понимание роли и предназначения ШОС различается не только среди стран-участников, но и среди отдельных групп в их руководстве. В целом, возможны четыре варианта развития ШОС, каждый из которых имеет своих сторонников и противников. Во-первых, ШОС может превратиться в региональную организацию безопасности, что хорошо сочетается с ее первоначальными целями. В этом смысле ШОС уже проявила себя, развивая сотрудничество между двумя основными участниками — Китаем и Россией, хотя не все наблюдатели убеждены в способности ШОС эффективно решать поставленные перед организацией задачи⁸². Конечно, деятельность ШОС в этом отношении сильно зависит от стабильности ее биполярной структуры «Россия — Китай», которая в долгосрочной перспективе не является очевидной.

Во-вторых, в качестве одной из альтернатив развития ШОС и в России, и на Западе нередко рассматривается превращение этой организации в военный блок по образцу НАТО, направленный на противодействие последнему. Однако такой сценарий мало возможен из-за позиции основных партнеров: Китай выступает против открытой конфронтации с США и пытается строить сбалансированную и многостороннюю политику. Что касается России, то в ещё 2006 году президент России Владимир Путин

однозначно заявил, что ШОС не должна рассматриваться в качестве военного блока или новой версии Варшавского договора⁸³. К тому же военный блок потребовал бы четкого лидерства в организации, а пока ни Россия, ни Китай не способны занять эту позицию.

Третья возможность — акцент на экономических связях — хотя и соответствует идеям евразийской континентальной интеграции, но на практике представляется малореалистичной. ШОС может и уже способствует развитию торговых и инвестиционных связей в Евразии, продвигая определенные проекты и обеспечивая платформу для диалога между деловыми кругами и правительствами в рамках Делового совета ШОС. Встречи в рамках организации активно используются в переговорах о предоставлении Китаем государственных кредитов (например, в 2006 году). Однако два более продвинутых аспекта регионального экономического сотрудничества — создание зоны свободной торговли и сотрудничество в энергетической сфере — по-видимому, имеют ограниченные перспективы развития. Идея создания зоны свободной торговли сталкивается с опасениями России и некоторых центрально-азиатских государств в связи с растущей экспансией китайских потребительских товаров. Что касается энергетического клуба, то ШОС включает как страны, экспортирующие энергоресурсы (Россия, Узбекистан и Казахстан), так и импортеров энергоресурсов (Китай), которые по определению имеют разные интересы. Идея КНР создания «Банка ШОС», который мог бы стать мощным инструментом трансграничных инвестиций и инфраструктуры, была заблокирована Россией, не готовой допустить гегемонию Китая в финансовой сфере. Встречное предложение России — создание Фонда ШОС — было отвергнуто Китаем, который заявил, что такой фонд будет слабой заменой Банка ШОС⁸⁴.

В-четвертых, ШОС может по-прежнему оставаться форумом для межправительственных встреч на высоком уровне без жестко систематизированной повестки дня, поскольку в отличие от Европы, где главы государств традиционно поддерживают тесные контакты, еще полвека назад в Евразии такой формат встреч на высшем уровне в принципе отсутствовал. Простой об-

мен информацией является исключительно важным для того, чтобы избежать непонимания, увы, подчас оказывающего крайне негативное влияние на развитие государств Евразии. В этом отношении ШОС играет и будет играть важную роль на евразийском пространстве.

Интеграция, поддерживаемая международными донорами. Развитие ряда трансрегиональных проектов, осуществляемых в Центральной Азии, в отличие от ШОС, сильно зависит от позиции международных доноров, которые и подталкивают страны к сотрудничеству. Поэтому такие проекты гораздо более ориентированы на прагматичное экономическое сотрудничество и направлены в основном на развитие общей инфраструктуры. В частности, можно выделить в этой связи четыре института: ЦАРЭС, Специальную программу ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА), Центрально-южно-азиатский форум по транспорту и торговле (ЦЮАФТТ) и Транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия» (ТРАСЕКА). ЦАРЭС и ЦЮАФТТ поддерживаются АБР. СПЕКА создана Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК) и Экономической и социальной комиссией ООН по странам Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), а программа ТРАСЕКА была инициирована Европейским союзом. Общей чертой всех этих проектов является их концентрация на вопросах транспорта и решении многочисленных проблем, связанных с отсутствием в Центральной Азии выхода к морю.

ЦАРЭС, вероятно, является самым успешным проектом этой группы. Созданная АБР в 1997 году, организация в настоящее время объединяет шесть институтов развития (ЕБРД, МВФ, ПРООН, Всемирный банк и Исламский банк развития). Первоначальными членами ЦАРЭС были Китай (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), Узбекистан, Казахстан и Кыргызская Республика. В настоящее время членами организации также являются Афганистан, Азербайджан, Монголия, Пакистан, Таджикистан и Туркменистан. ЦАРЭС имеет четыре приоритетных сферы сотрудничества. Во-первых, организация содействует развитию шести транспортных коридоров, связывающих регион с международными рынками. Во-вторых, цели ЦАРЭС также включают создание благоприятных условий для торговли

(в частности, сотрудничество в таможенной сфере, унификацию административных процедур и повышение их эффективности, а также обеспечение прозрачности законодательства). В-третьих, ЦАРЭС поддерживает общую открытость торговли и подготовку стран региона к вступлению в ВТО. В-четвертых, организация также помогает развивать сотрудничество в энергетическом секторе, включая интеграцию энергетических сетей отдельных стран. В настоящее время ЦАРЭС характеризуется высокоэффективным сочетанием четко сформулированных и реалистичных целей и существенной международной поддержкой, что делает ее одним из наиболее успешных региональных интеграционных проектов в Евразии.

СПЕКА выглядит относительно менее успешным проектом, частично из-за меньшей финансовой поддержки со стороны международных доноров. Эта организация была создана в 1998 году пятью центрально-азиатскими странами, к которым позднее присоединились Узбекистан (2002) и Афганистан (2005). Программой руководят страны-члены, а ЕЭК и ЭСКАТО оказывают техническую и экспертную поддержку. Она также финансируется ООН. В связи с низкой эффективностью первоначальной программы в 2004 году ее руководящая структура была существенно трансформирована, что привело к запуску программы «СПЕКА II». В настоящее время пятью основными сферами деятельности программы являются: транспорт (автодорожное и железнодорожное сообщение в регионе), водные и энергетические ресурсы (развитие сотрудничества между центрально-азиатскими странами в урегулировании конфликтов и решении вопросов, касающихся совместного использования этих ограниченных ресурсов), торговля (расширение применения единых стандартов), информационные и коммуникационные технологии и гендерные вопросы. Организация регулярно проводит экономические форумы и развивает сотрудничество с другими региональными объединениями, в частности с ШОС.

ЦЮАФТТ был основан в 2003 году Афганистаном, Пакистаном, Узбекистаном и Таджикистаном (при участии Ирана в качестве наблюдателя) для создания благоприятных условий для сотрудничества в торговой и транспортной сферах. В частности, ЦЮАФТТ

направлен на создание двух транспортных коридоров в регионе и сотрудничество в пяти основных областях: развитие инфраструктуры, таможенная сфера, транзит, обмен опытом и борьба с торговлей запрещенными товарами. Китай и Индия, а также Казахстан и Кыргызстан участвовали в качестве наблюдателей в ряде программ, осуществляемых в рамках ЦЮАФТТ. Организация поддерживается АБР через его проект «Субрегиональное экономическое сотрудничество в Южной и Центральной Азии». Схожие цели имеет и ТРАСЕКА, созданная Европейским союзом в 1993 году для создания нового трансконтинентального транспортного коридора. В программе участвуют все постсоветские страны (за исключением России и Беларуси), а также Болгария, Турция, Румыния и Иран, который сейчас не получает никакой помощи в рамках этой программы в связи с санкциями ЕС и ООН. ЕС оказывает техническую поддержку и финансирует отдельные инвестиционные проекты. Кроме того, с 2010 года в рамках программы два раза в год проводятся инвестиционные форумы, на которых представлены доноры, страны-участники и транспортные организации.

Сотрудничество ЕС с Азией и Восточной Европой. ТРАСЕКА является моделью для другой группы проектов, инициируемых Европейским союзом. Во-первых, речь идет о взаимодействии между интеграционными структурами. Во-вторых, Евросоюз активно взаимодействует со своими восточными соседями уже на межгосударственном уровне в рамках Европейской политики добрососедства (с 2003 года) и Восточного партнерства (с 2009 года). Эти интеграционные проекты носят асимметричный характер. Комплекс их целей связан с либерализацией торговли, упрощением визового режима, сближением правовых систем, содействием инвестициям, при том, что Европейский союз сам устанавливает задачи программ и финансирует их. Сотрудничество в развитии инфраструктуры развивается и в отношениях между ЕС и его восточными соседями, но в отличие от Центральной Азии, оно не является преобладающим. Особым случаем являются отношения с Россией в рамках концепции четырех «общих пространств» (экономическое пространство, пространство свободы, безопасности и правосудия, пространство внешней безопасности и пространство науки, образования и культуры).

Проблемы и противоречия

Быстрые темпы роста «интеграции снизу» на евразийском континенте лишь в незначительной степени сопровождались усилением межгосударственного сотрудничества. Причины этого связаны с рядом специфических проблем евразийской континентальной интеграции. Прежде всего, речь идет о большом числе государств, сильно отличающихся друг от друга в экономическом, политическом и культурном плане. Соответственно, поиск компромиссных вариантов решения проблем в Евразии крайне затруднен. Особенно важной в этом плане является роль недемократических государств, которых на евразийском континенте большинство. Между тем, хорошо известно, что из-за специфики политической системы им гораздо сложнее реализовывать интеграционные проекты, чем демократиям. Это происходит из-за меньшей готовности даже к ограниченным «уступкам» суверенитета за счет международных соглашений, а также значительно более низкой «достоверности» данных ими обязательств. Ведь отсутствие внутренней системы сдержек и противовесов позволяет таким странам с легкостью нарушать взятые на себя ранее обязательства⁸⁵. Конечно, недемократические государства сильно отличаются друг от друга: например, Китай с четко прописанной в его законодательстве системой передачи власти и существующими реальными ограничениями ее полномочий, способен обеспечить гораздо более высокую «достоверность» обязательств, чем режимы в других частях континента, основанные на власти одного человека.

Проблема состоит и в том, что недемократические государства нередко превращают формальные интеграционные соглашения из рычагов экономического сотрудничества в инструмент поддержки «дружественных режимов». В этом случае реальную интеграцию вытесняет интеграционная риторика, используемая во внутренней политике, как это почти два десятилетия происходило на постсоветском пространстве. В Азии, напротив, более прагматичный подход к организации

интеграционных структур, позволяющий жестко разделить политику и экономику, позволил в несколько большей степени избежать проблемы появления «псевдоинтеграции», направленной на стабилизацию недемократических режимов, хотя и здесь возникают подобные проблемы⁸⁶. Наконец, еще одна сложность евразийской интеграции связана с тем, что сотрудничество в масштабах континента, предполагающее неизбежное участие ЕС, должно представлять собой взаимодействие стран с различными политическими системами и представлениями об оптимальной модели региональной интеграции⁸⁷.

Различия между режимами в странах Евразии имеют определенное влияние на общественное и политическое отношение к российским и китайским государственным транснациональным компаниям, чьи инвестиции часто воспринимаются, скорее, как инструмент власти и влияния, чем как результат бизнес-логики, хотя во многих случаях — это не более, чем дань стереотипам. Все дело в высокой непрозрачности политических систем России и Китая, которая, безусловно, обостряет существующие проблемы, касающиеся поведения на рынке (к примеру, китайские компании чаще, чем компании из других стран, фигурируют в спорах, рассматриваемых в рамках ВТО). Есть множество примеров, когда политический фактор помешал китайским и российским компаниям осуществить инвестиционные проекты в Европе или приобрести там активы.

Важную роль в динамике евразийской интеграции играет масштабная асимметрия экономического развития и взаимозависимости стран. С этой точки зрения, на первый взгляд, опыт неудач постсоветского интеграционного проекта (во многом связанный с разнородностью участвовавших в нем стран и проблемами согласования их противоречивых интересов) представляет саму идею «евразийской» интеграции сомнительной. Как известно, рост числа игроков, особенно сильно отличающихся друг от друга в экономическом и политическом плане, скорее, препятствует интеграции, чем содействует ей. Однако ситуация является более сложной, причем евразийский формат интеграции может оказаться

более предпочтительным по отношению к интеграции в определенных макрорегионах. Во-первых, вместе с издержками согласования экономической политики в рамках большего пространства растет и отдача от крупных рынков. Соответственно, привлечение дополнительных партнеров может сделать общее пространство более привлекательным. Во-вторых, чем более сложной является структура, тем больше можно найти конфигураций взаимных уступок, компромиссов и механизмов сдерживания. Это особенно важно для ситуаций, близких к двусторонней монополии и асимметрии власти, нередких как на постсоветском пространстве, так и во взаимодействии диад регионов Евразии при ограниченном числе участников⁸⁸.

Неравномерность влияния в регионе СНГ, связанная с экономическим и политическим доминированием России, уже давно обсуждается как одна из ключевых проблем, препятствующих развитию постсоветской интеграции. При этом сложность состоит в том, что Россия, с одной стороны, чрезмерно влиятельна, что вызывает отторжение и осторожность других постсоветских стран, а с другой — недостаточно сильна для того, чтобы реально воздействовать на их политику. Сужение круга участников взаимодействия лишь усиливает эту асимметрию. Расширение же круга, напротив, дает более слабым игрокам «возможность маневра» и повышает их готовность к участию в интеграционных проектах. Достаточно вспомнить опыт ШОС, чья относительная привлекательность для стран Центральной Азии связана именно с возможностью их «балансирования» между интересами России и КНР⁸⁹.

Не менее важно взаимодействие с внешними игроками и в сфере преодоления внутренних противоречий на постсоветском пространстве. Например, сотрудничество России, стран «западного фланга СНГ» и ЕС могло бы помочь устранить частые «энергетические конфликты» в этом регионе. Для «восточного фланга» не менее существенным могло бы стать сотрудничество России, ЕС, КНР и стран Центральной Азии. Как только все заинтересованные игроки вовлекаются в общий более широкий механизм разрешения споров и кон-

фликтов, потенциал сотрудничества по сравнению с ситуацией сосуществования множества альтернативных механизмов, охватывающих лишь отдельные группы, резко возрастает.

Проблема состоит в том, что евразийская интеграция в этом случае основывается на взаимодействии относительно больших государств или их групп, то есть уже интегрированных пространств с обширным внутренним рынком и мощным влиянием на международной арене. Проблема эта чрезвычайно актуальна для континента. Из 4.8 млрд человек населения Евразии в Китае проживают более 1.3 млрд, в Индии — 1.2 млрд, в Евросоюзе (в интеграционном плане выступающим единым квази-государством) — 0.5 млрд. К крупным странам следует также отнести Японию, Россию, Турцию, Пакистан, Южную Корею. В этом случае специфика интеграционного взаимодействия достаточно сильно меняется по сравнению со «стандартным» вариантом, наблюдавшимся в большинстве макрорегионов Евразии. С одной стороны, присутствие относительно крупных участников в интеграционном процессе действительно имеет очевидные преимущества. Принято считать, что увеличивающееся количество участников международной интеграции может повлечь за собой значительные издержки переговоров, так как требуется больше времени, чтобы выйти на решение, приемлемое для всех сторон. С другой стороны, при меньшем количестве участников выгоды от участия в международном объединении могут быть недостаточно привлекательными. В этой связи взаимодействие небольшого числа крупных государств может быть оптимальным форматом решения этой дилеммы.

Можно также утверждать, что крупные государства уже, в каком-то смысле, «выполнили» часть работы по созданию больших внутренних рынков, подготовив их к новому уровню интеграции уже в масштабах континента. Однако к этому утверждению следует относиться с осторожностью, в особенности, если речь идет о евразийском пространстве. Во-первых, многие крупные государства Евразии характеризуются высоким уровнем внутренней экономической фрагментации. Наиболее ярким примером в этом отношении является Китай

с его масштабным «провинциальным протекционизмом»⁹⁰. Такой же высокий уровень рыночной фрагментации наблюдался в России и Казахстане в 1990-х годах в период неформальной децентрализации в этих странах⁹¹. Усиление центральных органов власти в 2000-х годах лишь частично решило эту проблему. Возникает угроза того, что создание масштабной интеграционной группировки не сможет преодолеть проблему фрагментации внутренних рынков. Это обстоятельство играет существенную роль на постсоветском пространстве: например, территориальная фрагментация Казахстана в 1990-х годах значительно снизила эффективность экономических связей между Россией и Таджикистаном, связанных с транзитом товаров по казахстанской территории.

Однако даже в отсутствие внутренней фрагментации взаимодействие крупных государств связано с серьезными проблемами. Во-первых, хотя эти игроки и выигрывают от интеграции, их издержки от ее отсутствия не столь велики в силу емкого внутреннего рынка. Опыт постсоветского пространства ясно свидетельствует об этом: в то время как Кыргызстан, Таджикистан и Армения поддерживают регионализм в Северной Евразии, более крупные страны, такие как Украина и Узбекистан, проявляют заметно меньшую заинтересованность в интеграционном взаимодействии. Для России евразийская интеграция также не представляет «вопроса жизни и смерти». Соответственно, достаточно сложно принудить крупные государства к исполнению своих обязательств, пока для них существует возможность «выйти» из интеграционного взаимодействия с незначительными потерями.

Другой проблемой крупных государств, преследующих разнообразные внутренние и внешнеполитические цели, является недостаток внимания к перспективам региональной интеграции в конкретных областях⁹². Порой трудно найти сферу, играющую столь значимую роль, что именно на ней их руководство сосредоточит свое внимание. Конечно, есть множество вопросов, которые важны для всех: для крупных стран с разными экономическими структурами и политическими интересами найти области, где их интересы пересекаются,

даже легче. Однако относительное значение любого из этих проектов для внутренней политики всегда будет оставаться ограниченным. Таким образом, возникает дополнительная проблема: крупные государства на каком-то этапе предпочтут сосредоточить внимание на других, на их взгляд, более важных проблемах, или местные бюрократии окажутся просто неспособными следить за всей совокупностью разнообразных интересов, проектов и инициатив. Это может привести к застою в интеграции.

Показательным в этом отношении является пример российской политики в отношении Дальнего Востока и сотрудничества с Китаем. Многие проекты российско-китайского сотрудничества, по-видимому, не реализуются потому, что они не рассматриваются в качестве приоритетов центральной бюрократией, уделяющей большее внимание Европе или США. В этих условиях ключевая роль принадлежит местным властям, которые зачастую не имеют достаточно ресурсов и политической автономии, необходимых для осуществления полномасштабных проектов сотрудничества. Таким образом, многие инициативы, первоначально предложенные и даже поддержанные российским правительством, на практике не реализуются. Например, проекты по строительству трубопроводов для поставки российской нефти в Китай обсуждаются уже более 10 лет, но без каких-либо конкретных результатов. Точно так же СНГ находился вне зоны внимания российского правительства вплоть до начала 2000-х годов.

Ситуация является еще более сложной, если евразийская континентальная интеграция рассматривается не как взаимодействие отдельных государств, пусть даже и очень крупных, а как сотрудничество уже сформировавшихся интеграционных блоков. С одной стороны, большинство проектов регионализма в Центральной, Северной и Восточной Евразии характеризуются крайне низким уровнем развития. Поэтому их способность выступать с общей согласованной позицией очень невелика. Другая проблема заключается в размытости границ макрорегионов и, следовательно, «сфер ответственности» интеграционных проектов в Евразии, делающих их взаи-

модействие еще более сложным, хотя на практике оно может стать инструментом для решения многих из описываемых проблем, содействуя внутренней консолидации макрорегионов и формированию в них устойчивых механизмов сотрудничества и региональной идентичности.

Наибольший интерес в этой связи вызывает инициатива АСЕМ (Asia-Europe Meeting), включающая в себя государства ЕС и Юго-Восточной Азии. АСЕМ представляет собой систему регулярных (хотя и не очень частых) встреч представителей государств-членов ЕС со странами АСЕАН, впоследствии расширенного до АСЕАН+3 (включая Китай, Японию и Южную Корею). Особенностью АСЕМ (в отличие, скажем, от АТЭС, также формально объединяющего государства, расположенные в различных регионах мира и даже на различных континентах) является подчеркнутый характер взаимодействия не отдельных государств, а двух интегрированных регионов — Европы и Восточной Азии. Основу взаимодействия АСЕМ составляют регулярные форумы глав государств организации, проходящие с 1996 года раз в два года. Причем АСЕМ в принципе не является проектом экономической интеграции, хотя экономика и входит в число трех основных направлений деятельности структуры наряду с политическим диалогом и образованием и культурой. Единственным постоянным институтом, созданным АСЕМ, является Фонд Азия — Европа (Asia — Europe Foundation, ASEF), созданный в 1997 году в Сингапуре и направленный на финансирование конкретных проектов в гуманитарной сфере. Экономические вопросы обсуждаются на регулярных встречах министров финансов и экономики АСЕМ, а также, что не менее важно, становятся предметом Делового форума Азия — Европа (Asia — Europe Business Forum), являющихся платформой для диалога предпринимателей и групп интересов. Тем не менее, повестка дня АСЕМ неизбежно остается размытой, особенно в свете постоянного расширения состава участников диалога.

Однако главное преимущество АСЕМ связано не столько с тем, что эта организация способна решить какие-то конкретные проблемы, сколько с ее способностью повлиять на «вну-

треннее единство» регионов, участвующих в диалоге. В конечном счете, важной, хотя и не единственной предпосылкой региональной интеграции, можно считать «социальное конструирование» региона, осознание единства государств определенной территории. Если для Европы эта задача носила второстепенный характер и была во многом решена еще до начала процесса европейской интеграции в современном смысле, то для Азии ситуация является гораздо более сложной, и здесь АСЕМ выступает инструментом конструирования идентичности в диалоге с внерегиональным партнером⁹³.

Нечто подобное наблюдается в Центральной и Восточной Европе. Создание зоны свободной торговли в Центральной Европе и сотрудничество между странами Вышеградской группы активно стимулировалось в начале 1990-х годов Европейским союзом. Однако, даже став его членами, страны Вышеградской группы по-прежнему поддерживают определенный уровень политического диалога. Тем не менее в других ситуациях взаимодействие интеграционных проектов может негативно повлиять на жизнеспособность тех или иных инициатив. Хорошим примером в этом отношении является взаимодействие между ЕврАзЭС и центральноазиатскими региональными объединениями. Идея региональной интеграции в Центральной Азии оживленно обсуждается в регионе в последние 20 лет. В 1993 году Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан создали Центрально-Азиатский союз (ЦАС). В 1994 году был подписан договор об общем экономическом пространстве. В 1998 году к ЦАС присоединился Таджикистан, а организация была переименована в Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). ЦАЭС поставило себе целью создание общего рынка товаров, услуг и капитала в Центральной Азии в несколько этапов: (1) зона свободной торговли, (2) таможенный союз, (3) платежный союз, (4) валютный союз. С этой целью было подписано около 250 соглашений. Однако обязательства по обеспечению свободного оборота товаров на практике не были воплощены в жизнь. В 2002 году ЦАЭС было ликвидировано, после того как президенты стран-участников подписали Соглашение о созда-

нии Центрально-Азиатской организации сотрудничества (ОЦАС). Однако через два года к новой организации присоединилась Россия, и в 2005 году ЦАОС влилась в ЕврАзЭС. Таким образом, итогом взаимодействия интеграционных проектов стало поглощение одним из них другого⁹⁴.

Подведем итоги. Если «интеграция снизу» в Евразии, несмотря на все существующие ограничения, развивается крайне быстрыми темпами, «интеграция сверху» сталкивается с гораздо более серьезными проблемами. Более того, из нашей дискуссии следует, что создание общеевразийских интеграционных структур *в принципе* маловероятно в силу разнородности игроков и различия приоритетов, преследуемых ими. В связи с этим «интеграция сверху» в Евразии, скорее всего, в долгосрочном плане должна представлять собой сочетание большого числа «перекрывающихся» проектов, охватывающих отдельные страны и позволяющих им концентрироваться на решении конкретных проблем, привлекающих их внимание, развитых механизмов взаимодействия этих интеграционных инициатив. Такая схема гораздо ближе к идеям «открытого регионализма», чем к классическим схемам интеграции. Впрочем, с этой точки зрения интеграционное взаимодействие в Евразии может быть связано с еще одним каналом сотрудничества — взаимодействием на субнациональном уровне. В следующей главе мы рассмотрим эту тему более подробно.

6. Субнациональные аспекты евразийской интеграции

Идея субнационального сотрудничества достаточно проста. Регионализм рассматривается как ряд пересекающихся интеграционных проектов, в которые вовлечены отдельные государства и, что более важно, *регионы государств*. Эти субнациональные и национальные субъекты сосредотачиваются на областях и формах сотрудничества, которые особенно значимы для них и по которым участникам проще договориться: это могут быть конкретные проекты в сфере инфраструктуры или общественных благ, определенные региональные проблемы (например, экология, миграция, приграничная торговля) или четко обозначенные цели развития. Очевидно, что круг сотрудничающих регионов может определяться географической близостью: это классический вариант трансграничного сотрудничества. Однако вполне возможно сотрудничество и территориально отдаленных друг от друга регионов. При этом идея субнационального сотрудничества, являясь одной из основ европейской интеграции, также активно обсуждается и в контексте других регионов, особенно если «стандартный» регионализм на межгосударственном уровне в них сталкивается с серьезными проблемами (например, в Африке⁹⁵). Далее мы обсудим интеграционные проекты на уровне субнационального сотрудничества, реализующиеся сегодня в Евразии за пределами ЕС.

Субнациональное сотрудничество в Евразии

Инициатива «Шелковый путь». Возможно, наиболее интересным примером в контексте данной книги является Инициатива «Шелковый путь» (ИШП), предложенная Программой развития ООН. Проект берет свое начало в 2000–2002 годах и изначально финансировался ПРООН. Целью программы была поддержка межправительственного сотрудничества между центрально-ази-

атскими государствами и Китаем в трех главных областях: торговля, инвестиции и туризм. Программа также получала поддержку от Азиатского банка развития и Всемирной организации туризма (ВОТ). Однако влияние ИШП на межгосударственное сотрудничество оставалось ограниченным, и в 2007 году финансирование программы со стороны ПРООН было завершено (ВОТ продолжает участвовать в ИШП, но в меньшем масштабе, сосредоточившись на конкретных вопросах развития туристического потенциала, маркетинга, стимулирования и облегчения путешествий).

Тем не менее некоторые проекты, созданные в рамках ИШП, оказались достаточно жизнеспособными, причем речь не идет о «стандартных» интеграционных инициативах межгосударственного сотрудничества. Во-первых, в рамках ИШП был создан Инвестиционный форум Шелкового пути, направленный на создание платформы для неформального взаимодействия инвесторов из различных стран. Во-вторых, появился Форум мэров городов Шелкового пути, нацеленный на укрепление сотрудничества на субнациональном уровне и на уровне местного управления. С 2006 года встречи в рамках Форума мэров ежегодно проводились в таких городах, как Ташкент (Узбекистан), Ланьчжоу (Китай), Алматы (Казахстан), Пьонгтек (Корея) и Шираз (Иран). Таким образом, единственным жизнеспособным форматом евразийской интеграции (схожим по своему географическому охвату с регионом, рассматриваемым в этой книге), по-видимому, является субнациональный диалог. Более того, Форум мэров вышел за свои первоначальные географические рамки: если ИШП была предназначена для небольшой группы центрально-азиатских стран и Китая, то география представленных на Форуме городов постоянно расширяется. В 2009 году 46 городов из 22 стран прислали на форум своих представителей.

Насколько нам известно, реальное влияние Форума мэров относительно ограничено, поскольку он служит, скорее, платформой для диалога между субнациональными властями для обмена информацией и опытом. Однако пример ИШП ясно показывает, что если межправительственные инициативы в Евразии зачастую бывают недолговечными и имеют ограниченный успех,

то проекты субнационального сотрудничества могут эффективно функционировать даже после прекращения финансирования со стороны организации-инициатора. Фактически все проекты Шелкового пути, которые первоначально были направлены на развитие межгосударственного сотрудничества, со временем перешли на более низкий субнациональный уровень.

Большой Алтай и Хоргос. В отдельных макрорегионах Евразии можно обнаружить множество примеров субнационального сотрудничества, хотя их результативность различна. В контексте данной книги особенно важны два примера: зона Синьцзян — Центральная Азия — Большой Алтай, охватывающая приграничные территории Китая, Казахстана, России и Монголии, и «Еврорегионы» в Восточной Европе. Первый проект в основном определяется интересами Китая, которые, в свою очередь, связаны с тремя главными целями. Во-первых, по причинам, изложенным выше, субнациональное сотрудничество рассматривается китайским руководством как более реалистичная альтернатива с точки зрения обеспечения экономической открытости в регионе. Во-вторых, важной целью Китая является содействие экономическому развитию Синьцзяна, которое может быть достигнуто через обеспечение доступа к ресурсам и рынкам соседних государств. В-третьих, сотрудничество с центрально-азиатскими странами может уменьшить возможную поддержку уйгурских сепаратистов, которую они могли бы найти в соседних странах.

Следует отметить, что позиция Китая по Центральной Азии вполне согласуется с его политикой в отношении других участков границы: например, Субрегиона Большой Меконг или Расширенной Туманганской инициативы⁹⁶. Реакция других центрально-азиатских стран довольно осторожна, что и объясняет скромные результаты субнационального сотрудничества в этом регионе. Первая интеграционная инициатива здесь была предложена в 1993 году Комитетом по науке и технике Синьцзяна. Идея заключалась в создании свободной экономической зоны вдоль китайско-казахстанской границы. В 1996 году Китай снова выступил с предложением создать интегрированную зону, объединяющую приграничные тер-

ритории России, Казахстана, Китая и Монголии. В 1998 году китайское посольство в России предложило создать «Межгосударственную зону содействия экономическому развитию». Предполагаемые цели сотрудничества касались взаимной торговли, упрощения порядка пересечения границы и процедуры таможенного оформления. Одновременно Китай продолжал двусторонние переговоры с отдельными странами⁹⁷.

Наиболее успешным примером таких двусторонних переговоров является создание специальной экономической зоны «Хоргос». Строительные работы в этом пункте начались в 2006 году, а с 2010 года Зона «Хоргос» частично функционирует, главным образом, как пассажирский и грузовой терминал. Базовая инфраструктура, строительство которой финансируется правительством, должна была быть закончена к 2012 году. Предполагается, что зона начнет функционировать в полном объеме в 2018 году. Общая площадь, выделенная для осуществления проекта «Хоргос», составляет 5.28 км². При этом 3.43 км² находятся в Китае, а 1.85 км² — в Казахстане. Планируется, что зона «Хоргос» станет местом проведения международных переговоров и выставок на базе создаваемого Международного центра трансграничного сотрудничества. Хоргос также станет промышленным комплексом и торгово-логистическим узлом. Особым преимуществом Хоргоса является возможность тридцатидневного безвизового пребывания граждан обеих стран.

Другим проектом, который охватывает приграничные области четырех стран, является так называемый «Большой Алтай». В этот проект вовлечены территории России (Алтайский край и Республика Алтай), Казахстана (Восточно-Казахстанская область), Китая (Синьцзян) и Монголии (Баян-Улгий и Ховд). В отличие от китайско-казахских инициатив, алтайский проект связан не только с китайскими экономическими интересами, а активно продвигается еще и администрациями российских регионов. Отправным пунктом в реализации этой инициативы стала конференция, прошедшая в 1998 году. В 2003 году был создан Международный координационный совет «Наш общий дом — Алтай», состоящий из 12 членов,

представляющих законодательные собрания всех участвующих регионов. Тем не менее проект «Большой Алтай» остается довольно расплывчатым объединением субнациональных администраций без каких-либо ясных целей и задач⁹⁸. В настоящее время наблюдается некоторый прогресс в сотрудничестве в области туризма. Определенные перспективы имеет развитие игорного бизнеса в российском Алтае, где в специальной зоне разрешена деятельность казино. Тем не менее решение даже простейших вопросов, например, касающихся пунктов пограничного перехода, сопряжено со значительными трудностями из-за отсутствия необходимых полномочий у региональных администраций, участвующих в проекте. Также имеется множество противоречий между целями экономического развития и экологической стабильностью в регионе, оказывающих наиболее негативное влияние на обсуждение вопросов развития трансграничной транспортной инфраструктуры, которая имеет крайне важное значение для Алтая (для всех четырех стран региона Алтай представляют собой «тупик» в их национальных транспортных системах), однако крупномасштабное строительство дорог и трубопроводов может иметь катастрофические последствия для окружающей среды⁹⁹.

Туманганская инициатива. Кроме проектов, затрагивающих Центральную Евразию, следует также упомянуть несколько инициатив Китая и его соседей, которые могут представлять интерес для нашего анализа. Безусловно, одним из таких проектов является Расширенная туманганская инициатива (РТИ)¹⁰⁰, созданная в 1995 году правительствами России, Китая, Монголии и Кореи (Северная Корея, первоначально подписавшая соглашение, сейчас в проекте не участвует). В отличие от проектов «Большой Алтай» и «Хоргос», РТИ финансируется ПРООН и получает международную поддержку. В 1995 году было подписано Соглашение об учреждении Консультативной комиссии по развитию Зоны экономического развития бассейна реки Туманган (Туманной) и Северо-Восточной Азии. В 2005 году страны договорились о продлении сотрудничества на период с 2006 по 2015 год (Чанчуньское соглашение). РТИ включает несколько институтов сотрудни-

чества: Совет по туризму, Совет по экологии, Совет по энергетике, Совет по транспорту, Комитет по содействию торговле и Деловой консультационный совет. Главной целью РТИ является осуществление ряда проектов, направленных на развитие регионов-участников: строительство железных дорог, модернизация портов, обучение должностных лиц и охрана речных водных ресурсов, то есть сотрудничество в области логистики и транспорта на субнациональном уровне. Однако при этом проект в основном реализуется национальными институтами (Министерством торговли в Китае, Министерством экономического развития в России, Министерством стратегии и финансов в Корее и Министерством финансов в Казахстане).

Таким образом, в отличие от проекта «Большой Алтай», РТИ добилась ощутимых результатов при поддержке со стороны международных организаций¹⁰¹. Следует отметить, что в случае РТИ, как и в случае китайско-казахстанского сотрудничества, самым активным участником является Китай, вклад которого в рамках стратегии подъема экономики северо-восточных провинций намного больше, чем других стран¹⁰². Однако не следует переоценивать успех РТИ: результаты проекта ниже, чем в других приграничных регионах Китая, что связано со сравнительно меньшим спросом на проект со стороны частного бизнеса, проявляющего незначительный интерес к развитию экономических связей в регионе. В результате многие амбициозные проекты пришлось отложить или отменить: например, если первоначально планировалось создать новый международный торговый узел, со временем акцент переместился на развитие транзитной торговли с использованием существующих портов. Негативное влияние на проект оказывают расхождения в целях участников и проблемы, связанные с Северной Кореей. Со временем китайское правительство переключило свое внимание с РТИ на другие зоны развития. В настоящее время главными приоритетами инвесторов из Японии и Южной Кореи в Северо-Восточном Китае являются Далянь и Ляодунский полуостров, а не регионы РТИ¹⁰³.

Еврорегионы. Если в восточной части континента субнациональное сотрудничество по-прежнему остается ограни-

ченным, ситуация в Европе — прямо противоположная. Отличительной чертой европейского субнационального сотрудничества является то, что его развитию сильно способствует поддержка со стороны ЕС, хотя речь не идет об одном из «ответвлений» процесса евроинтеграции. Фактически первым активным международным игроком в этой области был Совет Европы, целью которого было, прежде всего, создание нормативной базы для регионального сотрудничества, которая могла бы быть использована, как регионами ЕС, так и регионами восточных соседей Евросоюза. Правда, в отличие от ЕС, оказывающего масштабную финансовую поддержку субнациональным инициативам, Совет Европы не располагает необходимыми финансовыми ресурсами. Тем не менее в Европе существует обширный комплекс инструментов, которые могут использоваться для развития субнационального сотрудничества.

Наиболее ярким примером, который можно рассмотреть в этом контексте, являются еврорегионы, под которыми понимается достаточно широкий спектр образований. В их развитии могут участвовать как государственные, так и негосударственные игроки (то есть некоммерческие организации, созданные в приграничных областях), а также официальные структуры на основе межправительственных соглашений. Большинство еврорегионов созданы странами Евросоюза, однако некоторые из них охватывают и постсоветские страны. Самым старым проектом является еврорегион «Карпаты», который был инициирован в 1993 году соглашением, подписанным министрами иностранных дел Польши, Словакии, Венгрии, Украины и Румынии. Еврорегион «Буг» был создан в 1994 году Польшей, Украиной и Беларусью. Еврорегион «Балтика» появился в 1998 году при участии Дании, Латвии, Литвы, Польши, Швеции и России и был предназначен для решения проблем, связанных с калининградским эксклавом¹⁰⁴. Еврорегион «Беловежская пуца» был основан в 2002 году Беларусью и Польшей. Еврорегион «Неман», созданный в 1997 году, включает территории Беларуси, Литвы, Польши и России. Еврорегион «Нижний Ду-

най», включающий районы Румынии, Молдовы и Украины, был создан в 1998 году. Еврорегион «Карелия» был основан в 2000 году Россией и Финляндией. Некоторые еврорегионы целиком расположены вне границ ЕС: например, «Ярославна» (Россия и Украина, 2007), «Слобожанщина» (Россия и Украина, 2003), «Днепр» (Россия, Беларусь и Украина, 2003). В 2010 году было выдвинуто предложение о создании Еврорегиона «Днепр», который включал бы в себя территории Молдовы и Украины, однако этот проект так и не был реализован из-за проблем, связанных с приднестровским конфликтом.

Несмотря на впечатляющий список созданных структур, сотрудничество в рамках еврорегионов, включающих постсоветские страны, продвигается очень медленно. Необходимыми условиями их успешного функционирования является финансовая возможность сторон активно участвовать в проектах и достаточная независимость в принятии решений без жесткого контроля со стороны центральных властей. Страны СНГ в большинстве случаев не отвечают ни одному из этих условий. Кроме того, еврорегионы часто становятся жертвой конфликтов между отдельными странами (например, постоянных осложнений отношений Беларуси как с Россией, так и с Евросоюзом, или разногласий между Россией и ЕС, или между Россией и Украиной). Наконец, в отличие от Европейского союза, где субнациональная интеграция развивается во многом благодаря отсутствию препятствий для свободной торговли и движения капитала и рабочей силы, в Восточной Европе существуют значительные ограничения, тормозящие торговлю, нестабильные правила, меняющиеся в зависимости от текущей экономической ситуации, а визовый режим создает значительные проблемы для перемещения между ЕС и постсоветскими странами (в некотором смысле расширение ЕС осложнило субнациональное сотрудничество, создав новые барьеры на пути миграции).

Кроме еврорегионов, следует также отметить соглашения о региональном сотрудничестве, направленные на поддержку развития определенных регионов, но созданные на основе

межгосударственных соглашений. К проектам этой «промежуточной» формы относится, например, Баренцев Евро-Арктический регион, созданный в 1993 и включающий территории Финляндии, Норвегии, Швеции и России, примыкающие к Баренцеву морю. Сотрудничество в рамках этого региона осуществляется на двух уровнях: межправительственном — Евро-Арктического совета Баренцева региона — и межрегиональном — Регионального совета Баренцева региона. В последнем представлены 13 субнациональных регионов (три в Норвегии, два в Швеции, три в Финляндии и пять в России). Похожее объединение — Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) — было создано странами Причерноморья в 1999 году и являет собой развитие Договора о черноморском экономическом сотрудничестве, подписанного в 1992 году. Это исключительно межправительственная организация, объединяющая 12 стран: Албанию, Армению, Азербайджан, Болгарию, Грузию, Грецию, Молдову, Румынию, Россию, Сербию, Турцию и Украину. Как можно заметить, обе организации были созданы в 1990-х годах, то есть в период самых высоких ожиданий и надежд в отношении сотрудничества между Западной и Восточной Европой. Однако эффективность обеих организаций с точки зрения реального развития сотрудничества остается относительно низкой и часто сдерживается межгосударственными разногласиями на уровне центральных правительств¹⁰⁵.

Проблемы и возможности

При рассмотрении отдельных инициатив и проектов субнационального международного сотрудничества в Евразии обнаруживается главное препятствие, мешающее реализовать в полной мере интеграционный потенциал. Регионы в состоянии преодолеть барьеры для международной интеграции лишь в том случае, если они обладают достаточной автономией. Увы, но в Евразии это условие выполняется далеко не всегда. Среди членов Евро-

союза есть ряд полноценных «федераций» — стран с сильными региональными правительствами (например, Испания и Великобритания) или с достаточно самостоятельными муниципалитетами (например, скандинавские страны). Даже в традиционно единой Франции за последние годы была проведена существенная децентрализация. Не так дела обстоят на постсоветском пространстве и в Китае.

В крупнейших постсоветских странах в 1990-х годах наблюдалась сильная тенденция к увеличению полномочий местных властей. Наиболее ярко она была выражена в России (в силу ее федеративного устройства), а также в Казахстане и на Украине. В этот период субнациональные правительства внесли заметный вклад в развитие интеграции на пространстве СНГ¹⁰⁶, хотя, с другой стороны, нередко практиковали разнообразные формы «провинциального протекционизма», препятствующего интеграции. Ситуация изменилась в 2000-х годах, когда тенденция децентрализации сменилась укреплением центральной власти и ограничением полномочий региональных администраций. В России это выразилось в постепенном перераспределении налоговых поступлений в пользу федерального правительства, отмене прямых губернаторских выборов и отстранении наиболее влиятельных региональных лидеров от власти — процесс, завершившийся в 2010 году. В Казахстане центральное правительство для укрепления своей власти инициировало административную реформу, в частности, связанную с изменением границ областей. На Украине также наблюдалась тенденция к децентрализации, которая была прервана «оранжевой революцией» 2004 года, но даже в этой стране региональная автономия очень ограничена. Фактически на постсоветском пространстве относительно сильные регионы сегодня присутствуют только в странах с относительно слабыми центральными правительствами — Кыргызстане и Таджикистане. Однако для этих стран *любая* форма международного сотрудничества является проблематичной из-за слабости государственно-го управления на всех уровнях.

В большинстве случаев региональные инициативы тщательно отслеживаются и контролируются центром. В результате субнациональное сотрудничество фактически становится одной из «от-

раслей» государственной внешней политики, которая, как уже было сказано, сталкивается с большими проблемами с точки зрения экономического сотрудничества в Северной и Центральной Евразии. Кроме того, в случае противоречий между интересами центра и регионов, верх берут обычно первые. Хороший пример — отношения России с Китаем. Неудивительно, что, учитывая большие размеры и слаборазвитую инфраструктуру, многие дальневосточные регионы России сильно заинтересованы в развитии экономических связей с Китаем, Южной Кореей и Японией. По сути дела, в этом регионе можно говорить о развитии «интеграции снизу» на основе приграничной торговли и трудовой миграции¹⁰⁷. Однако этот процесс беспокоит центр, рассматривающий его как угрозу возможной потери контроля над Дальним Востоком. С реальностью этих опасений можно спорить (с «китайской экспансией» вообще связано много мифов¹⁰⁸), но, в любом случае, чрезмерная централизация, отсутствие внимания центра и слабость внутрирегиональной координации серьезно ограничивают возможности для развития экономической интеграции¹⁰⁹. Более того, экономические интересы Дальнего Востока являются вопросами второстепенной важности для центрального правительства: например, в то время как дальневосточные регионы выигрывают от ввоза дешевых и высококачественных автомобилей из Японии, федеральное правительство систематически повышает таможенные пошлины на импорт подержанных автомобилей (неоднократно становившиеся поводом для протестов в Приморье) с целью защиты отечественного автопроизводства, например, в регионах Центральной России.

В отличие от России, Китай за последние десятилетия пережил существенную децентрализацию. Провинции и префектуры обладают значительной автономией, которая также связана с их ключевой ролью в структуре внебюджетных доходов и осуществлением независимой экономической политики. Однако большие полномочия регионов сочетаются с полным политическим контролем со стороны центральных властей, которые назначают руководителей регионов и секретарей коммунистической партии, а также жесткой увязкой карьерных шансов для региональных лидеров с темпами экономического роста в регионах.

А это, в свою очередь, является мощным стимулом для проведения политики развития на субнациональном уровне. С этой точки зрения китайские провинции обладают большим потенциалом для развития трансграничного сотрудничества, причем интерес к нему со стороны региональных и даже муниципальных властей Китая явно растет. Схожая ситуация наблюдается и во Вьетнаме, где субнациональные власти также сильны и реализуют независимую стратегию реформ¹¹⁰. Зато Япония и Южная Корея являются высоко централизованными государствами.

Учитывая тот факт, что четвертый потенциальный участник евразийской интеграции, Индия, также представляет собой децентрализованное государство, ключевым вопросом становится уровень автономии регионов России и Казахстана. Их роль особенно важна, поскольку субнациональная интеграция обычно строится на территориальной близости: регионы Большого Алтая, Большого Тумангана, Баренцева моря или Карпатских гор скорее будут иметь общие интересы и общие проблемы, чем территории, отдаленные друг от друга. Поэтому высокий уровень централизации в России и Казахстане серьезно ограничивает потенциал сотрудничества между регионами евразийских государств. Однако следует иметь в виду, что уровень децентрализации в некотором смысле сам зависит от масштабов континентальной интеграции. Вероятно, самым простым подход к этой проблеме — это рассматривать уровень децентрализации в каждой отдельной федерации как результат «спроса» на самостоятельность со стороны региональных властей и соответствующего «предложения» со стороны федеральных властей¹¹¹.

С одной стороны, рост региональной интеграции может содействовать росту спроса на децентрализацию. Регионы в меньшей степени заинтересованы в том, чтобы быть частью интегрированного экономического пространства своей страны, так как они могут компенсировать его отсутствие связями с зарубежными странами и регионами¹¹². Следовательно, «оптимальные» сочетания экономических связей отдельного региона в процессе трансграничной интеграции будут все больше и больше отклоняться от «формальных» межгосударственных границ и, как следствие, будет увеличиваться потребность в автономии экономической

политики¹¹³. С другой стороны, с точки зрения центрального правительства, усиливающаяся регионализация может быть связана с повышенной угрозой выхода отдельных регионов из состава федерации, а также с ростом рента, которые могут быть получены в результате контроля над регионом, поэтому не исключено, что предложение децентрализации будет снижаться¹¹⁴. Конечный результат этих двух противоположных процессов определяется соотношением властных потенциалов между центральным правительством и регионами: если региональные администрации будут сильнее, спрос определит благоприятную для них итоговую ситуацию и наоборот.

Кроме того, следует еще раз отметить угрозу регионального протекционизма. Опыт России 1990-х годов¹¹⁵ и ситуация в Китае в 1980–2000-х годах показывают, что подобный протекционизм может представлять собой очень серьезную проблему для евразийских государств, оказывая влияние на международное сотрудничество. Например, если транзитным грузам необходимо пересечь множество пунктов пограничного контроля внутри страны, это делает поставку любого товара еще более дорогой (это, как мы покажем, и без того является серьезной проблемой для евразийской интеграции).

Тем не менее даже с этими оговорками развитие субнационального сотрудничества в Евразии остается перспективным направлением. Исследователи уже обсуждают идею создания проектов «азиатских регионов» наподобие еврорегионов, например, в Центральной Азии¹¹⁶. При оптимистичном сценарии проекты азиатских регионов, вместе с еврорегионами и подобными структурами, объединяющими и европейские, и азиатские территории вдоль границ России, Казахстана и Турции, могли бы стать мощным фактором, способствующим развитию евразийской континентальной интеграции.

7. От трансъевропейского и трансазиатского к трансевразийскому видению транспортных коридоров

Итак, евразийская континентальная интеграция — это, прежде всего, «интеграция снизу». Однако особенность евразийского континента состоит в том, что пределы этой «спонтанной» интеграционной активности связаны не только с барьерами, создаваемыми государствами, но и с объективными ограничениями, продиктованными неразвитостью инфраструктуры. Центральные области Евразии не имеют выхода к морю, поэтому зависят от качества транспортных сетей, которое в Евразии оставляет желать лучшего. Поэтому возникновение новых евразийских связей и сотрудничество государств может быть более перспективно в области развития инфраструктуры, чем в классических сферах региональной интеграции, таких как торговля и инвестиции. В следующих главах мы рассмотрим три основных инфраструктурных сектора, для которых трансграничные экономические связи особенно важны. Это транспортная инфраструктура, энергетическая инфраструктура и телекоммуникационные связи.

Трансграничные железнодорожные и автомобильные коридоры жизненно важны для постсоветских стран, поскольку составляют скелет российской, казахстанской, украинской, белорусской экономик. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев констатирует: «Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития. В экономическом плане мы можем стать мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Сегод-

ня реализуется проект международного транспортного автомобильного коридора «Западная Европа — Западный Китай». Со временем вдоль этого маршрута выстроится современная транспортно-логистическая система, которая обеспечит сокращение сроков поставок товаров на европейский и китайский рынки более чем в 3.5 раза. Безусловно, перспективным видится создание в будущем трансевразийской скоростной железной дороги»¹¹⁷.

Уже цитировавшийся нами во второй главе Ф. М. Достоевский в том же «Дневнике писателя» предлагает: «Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия». Жизнь подтвердила его правоту. А теперь речь идет о расширении и оптимизации сети трансконтинентальных железных дорог уже с прицелом на решение задач интеграции евразийского континента.

Мы начнем с рассмотрения транспортной сферы, сосредоточившись на экономике трансконтинентальных транспортных коридоров Восток — Запад и Север — Юг¹¹⁸. В огромных торговых потоках между Азией и Европой преобладает готовая продукция, которая составляет более 90% от общего объема. Это означает, что практически все грузы перевозятся в контейнерах и поставляются в Европу по морю¹¹⁹. Морские перевозки позволяют сократить формальности, упростить оплату, легко проследить движение грузов и обеспечивают большую стабильность и прозрачность тарифов. Япония использует российские порты на Дальнем Востоке только для торговли с Центральной и Северной Евразией. Весь японский экспорт в Европу поставляется по морю. Другие страны Юго-Восточной Азии также используют морские порты для поставок грузов в Европу.

Традиционно значительная часть товаров, экспортируемых из Индии и Ирана в Европу, перевозится через Центральную и Северную Евразию. В настоящее время весь грузовой поток идет через Суэцкий канал. В результате грузооборот Мумбая стремительно растет, хотя расстояние между ним и Лондоном составляет 11600 километров. Индийские, европейские и ази-

атские транспортные компании с успехом поставляют грузы через Евразию по морю, используя установившиеся схемы. Отрасли китайской промышленности, ориентированные на экспорт, сосредоточены в прибрежных областях. Например, вся промышленная продукция ближайших к Шанхаю провинций Гуандун, Фуцзянь и других перевозится по морю. Морской путь из Шанхая в Лондон составляет 19 520 километров. Для того, чтобы доставить грузы из Кореи в Лондон, необходимо преодолеть расстояние в 20 000 километров. В 2008 году было перевезено 16.7 млн ДФЭ (контейнеры в 20-футовом эквиваленте) из Азии в Европу и 10.5 млн ДФЭ из Европы в Азию¹²⁰. Иначе говоря, 6.2 млн контейнеров возвратились пустыми в пункты отправления. По данным ЭСКАТО, к 2015 году контейнерные перевозки из Азии в Европу и из Европы в Азию могут достигнуть 26.1 млн и 17.7 млн ДФЭ соответственно. Однако ожидается, что Суэцкий канал вскоре достигнет своей максимальной пропускной способности в отношении контейнерных судов. В то же время альтернативный морской путь через Мыс Доброй Надежды более дорогой и долгий.

С этой точки зрения более интересной становится возможность развития сухопутных маршрутов в дополнение к морским путям. При перевозке грузов по железной дороге расстояние между Европой и Азией почти в два раза меньше, чем по морю. Например, крупный китайский порт Ляньюньган напрямую соединен системой железных дорог с голландским портом Роттердам. При этом перевозка груза по железной дороге из Ляньюньгана в Берлин (11 000 км) займет 11 дней, тогда как перевозка по морю занимает от 20 до 30 дней. Тем не менее перевозки по суше в настоящее время используются лишь в торговле между внутриконтинентальными частями постсоветского региона, Китаем, Монголией и Южной Азией. Возможности увеличения контейнерных перевозок в ЕврАзЭС и обратно крайне ограничены из-за структуры экспорта из СНГ в Китай, где нет практически ничего, что можно было бы перевозить в контейнерах.

В последние несколько лет значительно расширила свою внешнюю торговлю Индия. С 2000 года ее экспорт увеличи-

вается примерно на 19% в год. В 2008 году Индия заработала \$43 млрд на экспорте в ЕС и почти \$3 млрд на экспорте в Северную и Центральную Евразию против \$12 млрд и \$0.7 млрд в 2000 году. Ввиду такого роста можно попробовать убедить индийских и южно-азиатских перевозчиков использовать маршрут Индия — Иран — Россия — Европа, который будет занимать меньше времени, чем основной путь из Южной Азии через Суэцкий канал, Средиземное море, а затем через Атлантику и Северное море в балтийские порты. Аналитики предсказывают, что время поставки через коридор Север — Юг сократится примерно на 10–20 дней, а себестоимость перевозок в расчете на один контейнер уменьшится на \$400–500. Несмотря на подписание в сентябре 2000 года Соглашения о международном транспортном коридоре «Север — Юг», грузовые экспедиторы проявляют мало интереса к предложенным новым маршрутам. Первые небольшие партии чая и табака были отправлены из Индии в Россию через Иран в 2000 году, и планировалось, что в 2005 году через каспийский порт Оля, которому была отведена ключевая роль в обслуживании грузов, идущих по международному транспортному коридору «Север-Юг», ежегодно будет проходить до 3 млн тонн грузов. Однако в реальности в 2007 году этот порт пропустил через свои терминалы лишь 435 тыс. тонн.

В свою очередь, все постсоветские страны модернизируют свою транспортную инфраструктуру, обслуживающую маршруты из России в Центральную Азию и на Кавказ, а также в Иран, который занимает центральное положение во многих маршрутах Восток — Запад. Направления в страны, лежащие далее к югу, — Турция, Индия и Пакистан — также учитываются и постепенно включаются в сеть основных маршрутов, соединяющих обширную евразийскую территорию. Система Транссибирской железной дороги, которая охватывает Россию от Москвы до Владивостока, включает контейнерные перевозки как альтернативу транспортировке по океану. Эта линия простирается далее на запад от Москвы и в Санкт-Петербурге соединяется с железными дорогами, идущими в порты Финляндии. Она часто используется для перевозки

европейских грузов, следующих в Центральную Азию, а также в сторону Китая и Монголии.

Примечательно, что в прошлом было предпринято несколько попыток развития железнодорожного коридора между Азией и Европой, завершившихся, увы, скромными результатами. Мы уже говорили о проекте ТРАСЕКА, реализуемом ЕС. Другие железнодорожные транспортные проекты включены в программы, реализуемые в рамках Европейской политики добрососедства, и поддерживаются странами ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова). Еще один, гораздо более старый проект, — это создание Трансазиатской железной дороги, который был начат ООН в 1960 году с целью создания интегрированной системы железнодорожных грузовых перевозок между Европой и Азией.

Перевозки между Китаем и ЕС через Центральную Азию и Россию

Географическое и геоэкономическое положение России и Центральной Азии между двумя макрорегионами — Европейским союзом и Азиатско-Тихоокеанским регионом — делают их уникальными с точки зрения их возможного вклада в глобальное перемещение товаров, услуг и людей. Поэтому важно оценить потенциальный объем грузовых перевозок по сухопутным маршрутам этого региона.

В 2005 году количество контейнеров, направляемых в Казахстан и транзитом через Казахстан, составило 42 тыс. ДФЭ, а количество контейнеров, отправляемых из Казахстана, — 25 тыс. ДФЭ. К 2015 году эти цифры могут вырасти в три раза. Контейнерные перевозки из Китая в Казахстан и другие страны Евразийского экономического сообщества — это главным образом транзитные грузы. Они идут через пограничный переход Достык — Алашанькоу. По сообщениям казахских СМИ, в 2008 году через этот пункт ежедневно проходили 520–550 железнодорожных вагонов, а недавно был зафиксирован ре-

корд в 620 вагонов. Порядка 70% этих грузов перевозятся в контейнерах. По данным «Казтранссервиса», официального контейнерного оператора в структуре ЗАО «Қазақстан темір жолы» (Казахстанская железная дорога), в 2007 году через Достык прошло 109 677 ДФЭ, в том числе 74 551 из Китая и 35 126 в Китай. Объемы растут, но по-прежнему ничтожно малы в контексте континентальной торговли.

Нет сомнений в том, что большой транзитный потенциал постсоветских стран в настоящее время реализуется далеко не полностью. Транзитные перевозки из стран, не являющихся членами СНГ, очень малы в количественном выражении по сравнению с транзитом из стран Северной и Центральной Евразии, что объясняется их географическим положением.

Рассматривая евразийские грузовые потоки и загруженность сухопутных транзитных маршрутов, необходимо выделить три основных центра — Китай, Южная Корея и Индия. Китай и Южная Корея являются основными торговыми партнерами Европы в Восточной Азии, которые поставляют свои грузы через Центральную Азию и все еще нуждаются в увеличении объема таких перевозок. Индия — источник грузов, которые потенциально могли бы перевозиться в Европу по маршруту Север — Юг. Если Южный и Восточный Китай в торговле с ЕС, Северной и Центральной Евразией всегда будет отдавать предпочтение морским и воздушным перевозкам, то самым надежным источником увеличения объема перевозок по сухопутным коридорам является Западный Китай с населением в 150 млн человек и с быстроразвивающейся промышленностью. Важный перспективный сегмент — скоропортящиеся товары. К тому же некоторые товары, такие как подшипники, не подходят для морских перевозок без специальной и дорогостоящей упаковки, защищающей их от влажного морского воздуха.

Таким образом, есть несколько незанятых рыночных ниш в отношении грузоперевозок между Китаем и ЕС по северо-евразийским сухопутным коридорам. При этом железная дорога может предложить конкурентные цены и сроки поставки грузов промежуточной весовой и стоимостной категории.

Море против суши

Преобладание морских транзитных перевозок в торговле между Китаем и Европой отражает основные конкурентные условия.

Разница в тарифах. Международные судоходные компании, имеющие в своем распоряжении большое количество современных судов, могут поддерживать свои портовые и грузовые сборы на низком уровне. Во многих случаях стоимость транспортировки является основным фактором для отправителей, которые стремятся минимизировать транспортную составляющую цены своих товаров, чтобы сохранять ее на конкурентоспособном уровне в стране назначения. Вследствие недавнего резкого падения Балтийского индекса сухогрузов, который используется для определения тарифов морских перевозок сырья (нефть, металлы, зерно и т.д.), тарифы, устанавливаемые судоходными компаниями, будут, по крайней мере в ближайшем будущем, более привлекательны, чем другие способы транспортировки.

Однако это касается только перевозок между Востоком и Западом. Для перевозок с Севера на Юг и с Юга на Север, которые являются другим основным направлением грузовых потоков через страны ЕвразЭС, по мнению аналитиков, стоимость транспортировки по суше может конкурировать со стоимостью морских перевозок. По их оценкам, перевозка одной тонны груза из Германии в Индию через Суэцкий канал будет стоить \$3.5 тыс. и займет 40 дней. Контейнерная перевозка по альтернативному транспортному коридору Север-Юг обойдется в \$2.5 тыс. и займет 15–20 дней. Тарифы морских грузовых перевозок можно сравнить с железнодорожными, предлагаемыми той же самой компанией. При поставке по Транссибирской железной дороге с пунктом назначения «Москва» страховая наценка составляет \$300–550 за контейнер (в зависимости от таможенного кода товара). В целом стоимость морских перевозок на 50% ниже железнодорожных тарифов для 20-футовых и 40-футовых контейнеров.

Фактор времени. Транспортировка по суше имеет важное конкурентное преимущество — она сокращает сроки доставки. Самый короткий период доставки груза из Восточного Китая и других стран Юго-Восточной Азии в Западную Европу автомобильным и железнодорожным транспортом в 2–2.5 раза короче, чем время его поставки морским путем через Суэцкий канал. Однако это преимущество менее ощутимо, когда рассчитываются сроки поставки грузов больших объемов. Например, средняя вместимость контейнерных судов, используемых на маршрутах между Азией и Европой, увеличилась до 7100 ДФЭ к 2007 году. Согласно данным «Қазақстан темір жолы», в 2007 году грузоподъемность контейнерного железнодорожного состава в среднем составляла 270 ДФЭ.

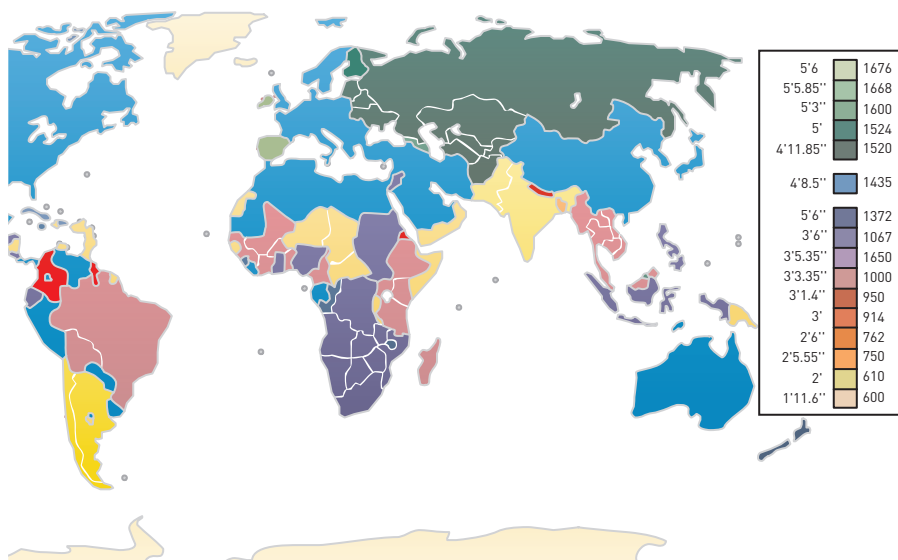
Время поставки имеет исключительно важное значение для определенных грузов (например, скоропортящихся товаров). Кроме того, быстрая поставка ускоряет перевод денег из банка и сокращает срок реализации контракта. Поэтому временной фактор является ценным конкурентным преимуществом, которое могут дать сухопутные маршруты определенным поставщикам, потребителям и, конечно, регионам, не имеющим выхода к морю, таким как быстроразвивающийся Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, который не имеет альтернативы железнодорожному и автомобильному транспорту.

Проблема железнодорожной колеи. 60% всех железных дорог в мире имеет стандартную колею в 1435 мм. На евразийском континенте этот процент ниже. Существующие в различных регионах стандарты отличаются друг от друга. Там, где встречаются железные дороги с разной шириной колеи, происходит разрыв железнодорожного пути, что осложняет перевозки и увеличивает их стоимость. В качестве примера можно привести Трансмонгольскую железную дорогу, где российский и монгольский участки имеют широкую колею, а китайский — стандартную. На границе приходится по очереди поднимать каждую платформу для замены колесных пар. Вся операция может занять несколько часов. Такую же картину можно видеть на пограничных переходах бывшего Советского Союза: на украинско-словацкой границе, если ехать поездом Братис-

Рис. 7.1.

Ширина железнодорожной колеи в разных странах

Источник:
Википедия:
http://en.wikipedia.org/wiki/Rail_gauge

лава — Львов, и на границе между Румынией и Молдовой, если ехать из Бухареста в Кишинев. Этих проблем можно избежать, если использовать способ, аналогичный применявшемуся ранее в Австралии, где некоторые межштатные железные дороги с разной шириной колеи были переделаны в пути с двойной колеей, где две рельсы образуют стандартную колею, а третья рельса находится внутри или снаружи этой колеи в зависимости от того, какая ширина колеи применялась в данном штате. Таким образом, на таких путях могут использоваться вагоны, предназначенные для разных типов колеи.

Физические и нефизические барьеры. В дополнение к своим конкурентоспособным расценкам судоходные компании предлагают высокий уровень обслуживания, который включает отслеживание грузов в пути, логистическое сопровождение и гарантии доставки груза своевременно и в сохранности. Они используют самые современные технологии, предлагают скидки постоянным клиентам и т. д.

С этой точки зрения наземные маршруты имеют ряд недостатков. К физическим относятся: нехватка и изношенность вагонов, контейнеров и локомотивов, несоответствие суще-

7. От трансъевропейского и трансазиатского к трансевразийскому видению транспортных коридоров

Пункт погрузки	Маршрут	Расстояние (км)	Кол-во пунктов пересечения границ	Кол-во пунктов замены колесных пар
Ляньюньган (Китай)	Через Казахстан и Россию	9200	4	2
Шэньчжень (Китай)	Через Монголию и Россию	11040	4	2
	Через Казахстан и Россию	10300	4	2
Река Туманган (Туманная)	Через Китай, Монголию и Россию	8900	4	2
	Через Китай, Казахстан и Россию	9900	4	2
	Через Китай (Маньчжурию) и Россию	9000	3	2
	Через Россию	10300	2	1
Находка (Россия)	Через Россию	10300	2	1
Раджин (КНДР)	Через Китай (Маньчжурию) и Россию	8900	4	2
	Через Россию	10300	3	1
Пусан (Южная Корея)	Через КНДР и Россию	11600	4	2
	Через КНДР, Китай, Монголию и Россию	10780	6	2

Табл. 7.1.
Физические и нефизические барьеры в торговле

Источник:
UNESCAP
(1996 г.)

ствующей инфраструктуры и технологий международным стандартам качества, недостаточная пропускная способность пограничных переходов (см. таблицу 7.1), нехватка транспортно-логистических центров, слабо развитые система связей и техническое обслуживание транспортных средств и разные железнодорожные колеи¹²¹. Еще одну группу барьеров составляют «нефизические» препятствия, созданные человеком, такие как длительные таможенные процедуры на пограничных переходах, которые значительно увеличивают время простоя автотранспортных средств и подвижного состава, произвольные проверки, часто со вскрытием опечатанных контейнеров, следующих транзитом, разные транзитные тарифы на террито-

рии Северной и Центральной Евразии и требования, касающиеся времени пребывания водителей и машинистов в ЕврАзЭС, которые различаются от страны к стране.

По нашему мнению, «нефизические» барьеры являются главным препятствием, тормозящим грузоперевозки в евразийском регионе, так как длительные задержки в поставках не только приносят убытки перевозчикам и подрывают доверие клиентов, но и нивелируют главное конкурентное преимущество транспортировки по суше перед морскими перевозками. Есть два взаимодополняющих способа устранения физических и нефизических барьеров. Во-первых, это государственная транспортная политика отдельных стран. Во-вторых, межгосударственное сотрудничество, направленное на устранение барьеров в торговле и строительство трансграничной инфраструктуры.

Координация инфраструктурных планов евразийских стран

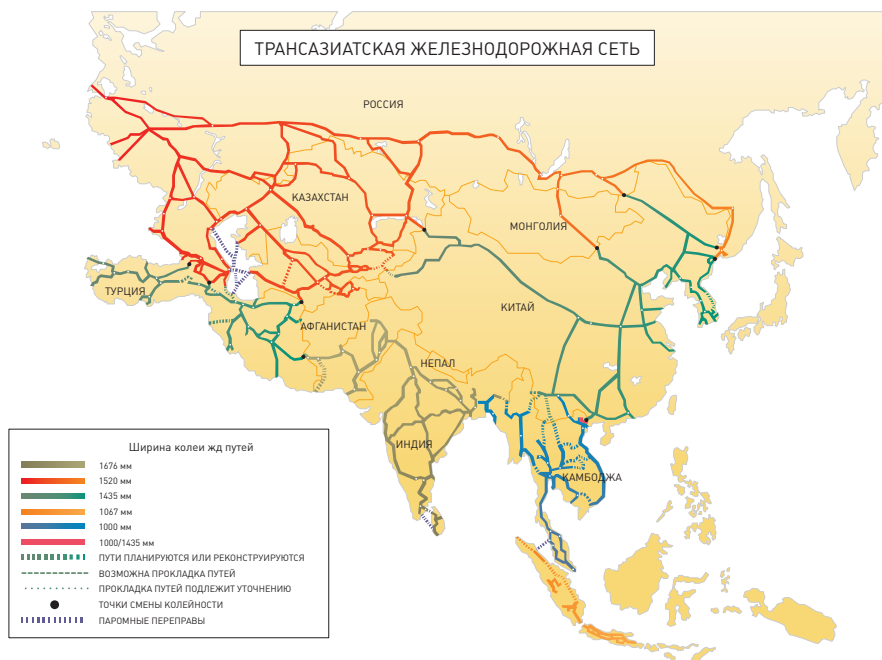
Очевидно, что все четыре основные экономические державы евразийского континента (ЕС, Россия, Китай и Индия) крайне заинтересованы в развитии транспортных связей в регионе. Евросоюз, в свою очередь, заинтересован в системе общеевропейских коридоров или осей, проходящих через новые государства-члены ЕС в Центральной и Восточной Европе на Украину, в Россию и другие соседние страны, но не охватывающие Центральную Азию, поскольку пока транспортный коридор ТРАСЕКА не оправдывает ожиданий. На другой стороне континента, в Азии, свою пятидесятилетнюю годовщину недавно отметил проект «Трансазиатская железная дорога» (ТАЖД). Азиатский банк развития оказывает большую поддержку развитию коридоров, идущих через Центральную Азию в рамках программы ЦАРЭС.

Однако координация между этими проектами практически отсутствует. Например, Россия не участвует в ЦАРЭС и про-

7. От трансевропейского и трансазиатского к трансевразийскому видению транспортных коридоров

екте ТРАСЕКА, а создание общеевропейских коридоров и проект ТАЖД выглядят полностью несогласованными. Как и ЕС, так и АБР, скорее, заняты своим регионом, не учитывая «евразийскую» перспективу в целом. При этом Россия и Центральная Азия рассматриваются как периферийные территории. В то же время, если посмотреть на подробные карты развития транспортных артерий в рамках проектов ТРАСЕКА, ТАЖД и ЕврАзЭС, можно легко обнаружить, что многие маршруты накладываются друг на друга и пересекаются друг с другом в достаточно запутанных комбинациях (см. рисунок 7.2).

Это обстоятельство нужно учитывать при разработке общей трансевразийской транспортной стратегии применительно к Центральной Азии.¹²² Необходимым является обеспечение «симметрии» «восточных» проектов в ЕС и «западных» проектов азиатских интеграционных структур. Это сопровождалось бы крупномасштабными инвестициями в развитие ряда

Рис. 7.2.
Трансазиатская
железнодорожная сеть

Источник:
UNESCAP
<http://www.unescap.org/ttdw>

Примечание: перепечатка с разрешения ЭСКАТО ООН

коридоров, что серьезно изменило бы стратегическую транспортную карту Центральной Азии и открыло бы ее для соседей со всех сторон. Казахстан, территория которого составляет одну треть расстояния между Берлином и Пекином, мог бы способствовать этому процессу в качестве координатора, отдавая ему центральное место среди приоритетов национальной транспортной политики.

Проекты различаются по своей экономике, рентабельности и потенциальной пользе. Экономическая целесообразность некоторых из них далеко не очевидна. Так или иначе, специфика инфраструктурного строительства такова, что она нуждается в международной координации и планировании на 30–50-летнюю перспективу. А планы колоссальны. Только на постсоветском пространстве в железнодорожном строительстве можно вести речь о модернизации Транссиба и огромных вложениях в перспективные Северный и Центральный трансасиатские коридоры. Чтобы дать почувствовать вкус китайских амбиций, упомянем лишь проект высокоскоростных железных дорог, связывающих Китай с Европой, благодаря которому дорога из Лондона в Пекин будет занимать всего лишь два дня. Используя быстро развивающуюся сеть своих внутренних железных дорог в качестве отправной точки, Китай планирует построить новые железнодорожные линии, скорость на которых будет достигать 380 км/ч, в южном направлении (Сингапур), в северо-западном направлении (Сибирь) и в западном направлении (Индия, Казахстан и Турция). Конечной целью является присоединение к европейской системе высокоскоростных железных дорог. Несмотря на то, что конкретные маршруты еще не определены, китайские власти уже проводят переговоры по данному проекту с 17 странами. Учитывая объем инвестиций, вложенных Китаем во внутреннюю инфраструктуру за последние годы, проект не выглядит несбыточной мечтой. Основная цель, преследуемая КНР, заключается в повышении мобильности региона через создание сетей высокоскоростных железных дорог и интеграцию в основном не связанных друг с другом азиатских и европейских систем.

8. Энергия без границ: общие рынки электроэнергии

Подобно транспортной инфраструктуре, интеграция рынков электроэнергетики также диктуется логикой их экономического развития. В этой главе мы рассмотрим перспективы различных общих энергетических рынков на территории Евразии. В частности, мы коснемся таких связок/регионов, как Кыргызстан — Таджикистан — Пакистан — Афганистан, Центральная Азия — Китай, Армения — Иран, Россия — Китай и ЕС — СНГ. Сразу оговоримся: на наш взгляд, объединенный и единый рынок электроэнергии от Лиссабона до Владивостока и Шанхая едва ли реален и целесообразен. Скорее, речь идет о создании ряда региональных и субрегиональных общих энергетических рынков (ОЭР) на основе развития инфраструктуры для выработки и передачи электроэнергии. ЕС, Китай, Индия и Иран могут стать основными партнерами стран Северной и Центральной Евразии в процессе создания евразийских ОЭР.

Высокоэффективный энергетический сектор является одной из наиболее важных основ экономического роста. В свою очередь, развитые механизмы трансграничной торговли и инвестирования могут значительно усилить общую эффективность и надежность энергетической отрасли. Работа по внедрению таких механизмов осуществляется в рамках создания общих энергетических рынков СНГ. Надо отметить, однако, что ситуация на постсоветском пространстве во многом является уникальной. В отличие от ЕС, Северной Америки, Южной Америки, Юго-Восточной Азии и других макрорегионов, планирующих создание ОЭР, в СССР уже существовал единый энергетический комплекс с централизованным управлением. Страны Северной и Центральной Евразии унаследовали от СССР единую систему технических стандартов, а также развитую трансграничную сеть передачи электроэнергии, которая потенциально способна стать основой для международного сотрудничества.

Международный опыт создания региональных энергетических рынков

Создание региональных и субрегиональных энергетических рынков (пулов) является актуальной задачей во многих регионах мира, в том числе ЕС, Северной Америки, Южной Америки и Юго-Восточной Азии. При этом уровень экономического развития не является определяющим фактором в этом отношении. Наоборот, развитие ОЭР рассматривается как главный фактор стабильного экономического роста и региональной экономической интеграции. Например, африканские страны предприняли значительные усилия для становления интегрированных рынков. В частности, ими были созданы Южноафриканский энергетический пул (Southern African Power Pool) и Западноафриканский энергетический пул (Western African Power Pool) Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). Расходы ЭКОВАС на энергетический пул за последние десять лет оцениваются в \$15 млрд. Однако необходимым условием создания ОЭР являются не только значительные вложения, но и унификация правовой базы. Наиболее продвинутым субрегиональным энергетическим рынком на сегодняшний день считается «Нордпул», который объединяет скандинавские страны. Либерализация и интеграция регионального рынка электроэнергии Северной Европы были осуществлены в 1990-х. Сегодня он во многих отношениях служит примером для других европейских стран, а также СНГ в деле создания ОЭР.

В течение последних двадцати лет на каждом континенте наблюдается процесс интеграции национальных и региональных энергетических рынков в рамках международных организаций. В настоящее время созданы межгосударственные энергетические ассоциации и рынки в Северной Америке (НАФТА), в Южной Америке (МЕРКОСУР), в Европе, в Африке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Этот процесс основывается на разных предпосылках и осуществляется в соответствии с региональными требованиями, используя самые разные схемы. В Северной Америке после длительного периода переговоров и согласова-

ний страны-участники НАФТА — США, Канада и Мексика инициировали создание трехстороннего энергетического рынка, который в настоящее время регулируется пакетом двусторонних соглашений между США и Канадой и между США и Мексикой. Энергетическая инфраструктура стран-членов НАФТА является неодинаковой. Например, Канада может экспортировать до 17% своей электроэнергии в США, а Мексика — только 2.5%. Необходимо отметить, что в настоящее время активно проводится работа по устранению этой диспропорции. В частности, в Мексике осуществляются два проекта по экспорту электроэнергии в Калифорнию. Кроме того, Мексика приглашена участвовать в энергетическом пуле штата Техас.

Международная торговля электроэнергией в рамках НАФТА регулируется национальным законодательством и контролируется в США Министерством энергетики (которое выдает разрешение на строительство трансграничных линий передач и на экспорт электроэнергии) и Федеральной комиссией по регулированию в области энергоресурсов (FERC). В Канаде существует независимый федеральный орган — Национальный энергетический совет (NEB), контролирующий экспорт электричества и выдающий лицензии компаниям-экспортерам на период до тридцати лет. Более того, органы администраций провинций, отвечающие за энергетику, также участвуют в регулировании международной торговли электроэнергией. В Мексике все импортные и экспортные операции на энергетическом рынке регулируются государством через независимый орган — Комиссию по регулированию энергетики (CRE).

Эксперты полагают, что развитие энергетического сотрудничества в рамках НАФТА будет продолжаться на существующем договорном уровне. В пользу этого говорит ряд факторов: большие расстояния для транспортировки электроэнергии, различия в уровнях экономического и энергетического развития, неполная интеграция энергетической инфраструктуры, автономность правовых и регулирующих систем. В рамках НАФТА нет общей, согласованной стратегии развития интегрированной энергетической инфраструктуры в странах-членах. Предложение Мексики по устранению различий между стра-

нами региона на основе использования опыта Европейского союза пока не нашли поддержки у США или Канады. Опыт ЕС заключается в разработке долгосрочных целей развития (на 20–30 лет) для менее развитых стран на основе специальных инвестиционных программ, финансируемых ЕС. В Евросоюзе такую помощь получают Испания, Португалия, Ирландия и Греция, а с недавних пор — новые страны-члены в Центральной и Восточной Европе.

В Латинской Америке совокупность различных факторов, таких как финансовые кризисы, ограниченные инвестиционные возможности и переход к неолиберальным моделям экономического развития, вынудили национальные правительства в регионе приватизировать большое количество государственных предприятий, в том числе в энергетическом секторе. Параллельно в регионе начался процесс межгосударственной интеграции, катализатором которого стало подписание НАФТА в 1994 году, благодаря чему Мексика получила доступ к североамериканскому рынку. Это событие вдохновило южноамериканские страны на создание МЕРКОСУР и Центральноамериканского общего рынка. Однако процесс приватизации в энергетическом секторе оставался в стороне от региональной интеграции. Более того, в ряде латиноамериканских стран (Коста-Рика, Уругвай и Парагвай), где приватизация энергетического сектора не рассматривается даже в качестве долгосрочной цели, идея создания регионального энергетического рынка находит горячую поддержку. В Европейском союзе процесс приватизации, децентрализации и взаимодействия в энергетическом секторе гораздо более связан с процессом интеграции. Объединение европейских рынков электроэнергии и природного газа является результатом общей интеграции стран региона и общих целей их политики в энергетической сфере, таких как обеспечение энергетической безопасности, снижение влияния на окружающую среду и т. д.

Другим хорошим примером международного энергетического рынка является «Нордпул», включающий в себя государственные электроэнергетические компании скандинавских стран, где основная часть электроэнергии производится на гидроэлектростанциях. «Нордпул» создает все условия для торговли электро-

энергией и представляет собой хороший образец «либерализованных» энергообъединений Западной Европы.

Анализ международного опыта в создании объединенных энергетических рынков позволяет нам сформулировать три основные направления развития:

- развитие энергетической инфраструктуры (наличие линий связи между национальными энергетическими комплексами);
- создание структуры (юридического лица) по регулированию энергетического рынка;
- развитие интеграции в сфере торговли (общие экономические условия).

Развитие энергетической инфраструктуры требует перехода от изолированной национальной системы обеспечения электроэнергией к созданию трансграничных линий электропередач посредством согласованных капиталовложений и создания интегрированных энергетических сетей. Правовые условия достигаются через координацию работы регулирующих органов и создание единой региональной контролирующей структуры. В своем развитии ОЭР может пройти четыре стадии: от (1) национального энергетического рынка к (2) рынку, в котором важную роль играет трансграничная торговля и допускается владение собственностью нерезидентами; (3) переход к региональному спотовому рынку с рыночным ценообразованием; и наконец, (4) переход к региональному фьючерсному рынку.

Анализ мирового опыта создания межгосударственных энергетических объединений показывает, что в этой сфере могут использоваться два основных направления интеграции: регулируемая интеграция и процесс создания межгосударственных энергетических рынков. При регулируемой интеграции государства стремятся создать систему долгосрочных соглашений для того, чтобы совместно решать вопросы развития, сокращать риски, поддерживать энергетическую безопасность и обеспечивать надежное и бесперебойное снабжение электроэнергией внутренних потребителей. В случае создания рыночных механизмов интеграции необходимыми условиями создания энергетической инфраструктуры являются поддержание свободной конкуренции между участниками интегрированного рынка, открытого

для конечных потребителей, разделение вертикально интегрированных энергетических компаний и прозрачная система формирования тарифов.

Если сравнивать интеграцию энергетических рынков (электроэнергии и газа) в рамках разных организаций, то можно констатировать более высокие темпы интеграции рынков электроэнергии по сравнению с газовыми. Во многих отношениях это объясняется большей степенью схожести технологических и экономических условий функционирования и развития электроэнергетической промышленности в разных странах и системно-ориентированным характером инфраструктуры.

Региональные и субрегиональные общие электроэнергетические рынки в евразийской интеграции

Экономическая логика ОЭР — линейная: чем больше его пространственный охват и разнообразнее источники энергии, тем лучше. Можно выделить следующие перспективные направления трансграничного развития, представляющие интерес для стран СНГ:

- Азербайджан — выход на Иран;
- Армения — выход на Иран;
- Туркменистан и Узбекистан — выход на Иран, Афганистан, Пакистан и другие страны Южной Азии;
- Кыргызстан и Таджикистан — сотрудничество с Китаем, Ираном и Индией в развитии гидроэнергетического потенциала; экспорт электричества в Пакистан, Индию, Иран, Китай, Афганистан (а также в страны СНГ)¹²³;
- грандиозный проект, который Россия планирует осуществить в ближайшие годы в Восточной Сибири, предусматривает строительство угольных электростанций и линий электропередач в направлении Китая, что создаст возможность ежегодно экспортировать 60 млрд кВт·ч электроэнергии;

Рис. 8.1. Существующие и возможные региональные и субрегиональные рынки электроэнергии в Северной и Центральной Евразии.

Источник: Винокуров (2008)

- соединение общей региональной энергетической системы с энергосистемой ЕС с целью создания общего рынка от Лиссабона до Владивостока. Этот проект может иметь важное значение для России, Украины, Беларуси и Молдовы.

Амбициозный проект по экспорту электроэнергии из России в Китай планирует осуществить «Интер РАО». Этот проект состоит из трех этапов, причем первый начал реализовываться в 2008 году. Российская компания планирует увеличить экспорт электроэнергии в Китай до 4.5 млрд кВт·ч в год, используя мощности дальневосточных электростанций, что требует вложения инвестиций в размере \$450 млн в создание новых линий электропередач. Следующие два этапа, которые планируется завершить в 2015 году, потребуют гораздо больше инвестиций — \$18 млрд только в России. Запланированные дополнительные мощности по производству электроэнергии должны обеспечить ежегодный экспорт 18 млрд кВт·ч из района Ургальского угольного месторождения, где будет построена электростанция мощностью 3600 МВт. Впоследствии экспорт увеличится до 60 млрд кВт·ч с вводом в эксплуатацию трех новых станций в Бурятии и Читинской области (мощностью 3600, 1200 и 2400 МВт). Ежегодная выручка в результате этого проекта оценивается в \$1.2–1.7 млрд в зависимости от динамики цен на электроэнергию.

Амбициозный и весьма привлекательный проект CASA-1000, который может быть реализован в 2010-х годах, предусматривает экспорт больших объемов таджикской и киргизской электроэнергии в Пакистан и Афганистан. В результате многосторонней встречи на высшем уровне в августе 2010 года участвующие страны достигли соглашения активизировать обсуждение этого проекта, а Россия впервые заявила о своей заинтересованности в нем. Экспорт электроэнергии должен составить 1300 МВт·ч (1000 МВт·ч в Пакистан и 300 МВт·ч в Афганистан). Осуществляемый в формате государственно-частного партнерства проект КАСА-1000 может финансироваться банками развития заинтересованных сторон.

На западном направлении главная роль отводилась проекту одновременного объединения энергосистем стран СНГ и Балтии с энергосистемами Центральной и Западной Европы, пред-

ставленными Союзом по координации передачи электроэнергии (УСТЕ). РАО «ЕЭС России» планировало завершить технико-экономическое обоснование объединения энергетических систем СНГ и Европы в 2008 году, однако работа не была закончена. В качестве перспективных направлений УСТЕ рассматривала несколько вариантов, один из которых предусматривал участие Турции, а другой — выход на Тунис и Ливию и далее — на страны Ближнего Востока.

Следует отметить, что любой ОЭР в Евразии будет постепенно развиваться на основе ряда двусторонних и многосторонних соглашений. В нашем обзоре мы касаемся только тех перспективных региональных и субрегиональных энергетических рынков, которые можно создать в Северной и Центральной Евразии по оси ЕС — СНГ — Китай с участием соседних стран. Безусловно, более полный список евразийских ОЭР должен включать ряд регионов в Южной и Восточной Азии. Например, страны бассейна реки Меконг (Камбоджа, Лаос, Вьетнам и Таиланд) имеют многолетний опыт сотрудничества в энергетической сфере. В результате соглашения, подписанного при поддержке ООН в 1957 году, был создан Меконгский комитет, который функционировал на уровне обмена технической информацией. В 1995 году между четырьмя странами Нижнего Меконга было подписано Соглашение о сотрудничестве и создана комиссия по устойчивому развитию бассейна реки Меконг, в которой Китай и Мьянма получили статус партнеров по диалогу. При техническом содействии и финансировании со стороны АБР и Всемирного банка был построен ряд трансграничных плотин и электростанций общей мощностью свыше 3000 МВт. Между тем гидроэнергетический потенциал Нижнего Меконга оценивается в более чем 30 ГВт, а потенциал Верхнего Меконга достигает почти 29 ГВт, что оправдывает второе, неофициальное название реки — «батарея Азии». Однако ситуация осложняется возможными последствиями для окружающей среды и жизненного уклада населения, которые активно обсуждаются в настоящее время. Совместное использование гидроэнергетических возможностей и водных ресурсов естественным образом привело бы к созданию общего регионального энергетического рынка.

Следует отметить ряд общих черт гидроэнергетических потенциалов бассейна Большого Меконга и территории Таджикистана и Узбекистана. Во-первых, энергетический потенциал этих двух субрегионов огромен как в абсолютном, так и в относительном выражении. Во-вторых, этот потенциал остается незадействованным, в основном из-за межгосударственных конфликтов. В-третьих, развитие гидроэнергетики может самым серьезным образом повлиять на жизни миллионов людей в условиях недостатка водных ресурсов и оросительного земледелия. В-четвертых, в этот процесс вовлечено большое число государственных и многосторонних банков развития. Решение любого важного вопроса, касающегося развития энергетики, предполагает тесное многостороннее сотрудничество (с участием государств региона, государств за пределами региона, институтов развития в качестве организаций, оказывающих финансовую поддержку и техническое содействие, местного населения и общественных организаций) и наличие элементов общего энергетического рынка.

Одним из наиболее ценных уроков, которые можно извлечь из мирового опыта региональной интеграции, является понимание того, что геополитические амбиции и политически мотивированные проекты не создают надежной основы для интеграции. Наоборот, конкретные интеграционные проекты в отдельно взятых секторах могут послужить толчком для прогресса в сфере политики и экономики. Региональная экономическая интеграция часто стартует в ключевых отраслях, а затем распространяется на уровень институциональной интеграции. В евразийском контексте такими отраслями могут стать электроэнергетика, транспорт, телекоммуникации и сельское хозяйство. Нет сомнений в том, что общие энергетические рынки являются одним из наиболее перспективных интеграционных проектов в силу объективной экономической необходимости создания таких рынков на территории Евразии. Более того, общий электроэнергетический рынок может стать одной из предпосылок создания общеконтинентальной системы безопасности.

9. Телекоммуникации в Евразии

Современная волна евразийского обмена началась как одностороннее освоение западных технологий и экономических методов странами СНГ, Восточной, Южной и Западной Азии. Однако со временем этот процесс стал двусторонним¹²⁴. Развитие транспортных и информационных технологий усилило интенсивность обмена в десятки и сотни раз, а телекоммуникационные транснациональные компании стали его основными движущими силами. В этой главе мы проанализируем стремительное развитие телекоммуникационного сектора на континенте, сосредоточившись на трансграничных связях, «интеграции снизу» и до конца не исследованном транзитном потенциале в области волоконно-оптической передачи данных стран в средней части Евразии. Телекоммуникационный сектор также представляет собой пример корпоративной интеграции на территории Евразии, инициаторами которой стали китайские и российские компании, стремящиеся стать по-настоящему транснациональными.

Согласно данным Международного союза электросвязи, к концу 2009 года более 4.6 млрд людей (около 67% населения планеты) пользовались мобильными телефонами, а аудитория Интернета составила 26% (1.7 млрд человек). Стационарная связь уже используется менее активно, чем мобильная. Распространение мобильной телефонии продолжается наиболее активно в развивающихся странах, где количество абонентов превышает 3.2 млрд человек против 1.4 млрд в развитых странах. Лидерами в этом отношении являются Китай и Индия, где насчитывается свыше 1.2 млрд абонентов (750 млн и 480 млн соответственно). Если в 2000 году на долю развивающихся стран приходилось примерно 40% от общего числа абонентов, то к 2009 году эта доля увеличилась почти в два раза¹²⁵. Доходы операторов мобильной связи выросли с \$19 млрд в 1991 году до \$800 млрд в 2007 году и продолжают расти. За последние два десятилетия доходы от мобильной телефонной связи увеличились с 5% до 50%, в то время как доходы от стационарной телефонной связи сократились с 82% до 34%.

Взаимные инвестиции в телекоммуникационном секторе

Быстрый рост рынка мобильной телефонной связи в России с начала 2000-х годов объясняется большим населением и относительно высокоразвитой инфраструктурой. Значительную роль в стремительном развитии рынка сыграл и иностранный капитал. Например, среди учредителей ведущих российских операторов «МТС» и «МегаФон» были Deutsche Telekom, Siemens и TeliaSonera. Несмотря на то, что внутренний рынок оставался все еще не полностью охваченным, российские операторы начали поиск возможностей для выхода на международный уровень. Самыми перспективными в этом отношении оказались рынки стран «ближнего зарубежья». Таким образом, в начале 2000-х годов началась транснационализация российских компаний, которые поглощали уже существующие фирмы в странах СНГ. Этот метод очень распространен в области телекоммуникационных услуг, так как предусматривает использование существующей инфраструктуры и абонентской базы приобретаемой компании. В настоящее время наиболее крупные российские операторы мобильной связи, в том числе «МТС», «ВымпелКом» (торговая марка «Билайн») и «МегаФон», присутствуют во всех странах СНГ и даже расширяют свой бизнес на другие страны.

Полный список российских инвестиций в Евразии в области телекоммуникации можно найти в нашей книге по интеграции в Северной и Центральной Евразии, а также в докладе Евразийского банка развития¹²⁶. Здесь же мы сосредоточим наше внимание на активизации деятельности российских телекоммуникационных компаний за пределами Северной и Центральной Евразии. В октябре 2010 года «ВымпелКом» и Weather Investments S.p.A. объявили о достижении соглашения об интеграции, что приведет к созданию пятого крупнейшего оператора мобильной связи в мире по количеству абонентов. Weather Investments S.p.A. является ведущей международной компанией, предоставляющей услуги Интернета, мобильной, стационарной и международной связи 112 млн абонентам в Алжире, Бангладеш, Египте, Греции,

Италии, Пакистане, Тунисе и Северной Корее. После завершения сделки «ВымпелКом» будет владеть, через Weather, 51.7% акций компании Orascom Nelecom Holding SAE и 100% акций Wind Telecomunicazioni («WindItaly»). Согласно условиям сделки, «ВымпелКом» обязуется отдать 20% в новой компании (18.5% голосов), \$1.8 млрд и два места в совете директоров¹²⁷.

Расширение присутствия «МТС» в странах СНГ началось осенью 2001 года с создания совместной российско-белорусской компании. В августе 2002 года «МТС» приобрела ведущего украинского оператора мобильной связи «УМС». В 2004 году «МТС» вышла на узбекский рынок, купив 74% акций крупнейшего узбекского оператора «Уздунробита». В 2005 году «МТС» купила компанию Varash Communication Technologies, Inc. и начала оказывать услуги мобильной связи в Туркменистане. В сентябре 2007 года «МТС» приобрела 80-процентный пакет крупнейшего армянского оператора «К-Телеком» (торговая марка «ВиваСелл») с возможностью выкупа оставшихся 20%¹²⁸. Сейчас «МТС» имеет более 85 млн абонентов в России, Армении, Беларуси, на Украине, в Узбекистане и Туркменистане (см. таблицу 8.1).

«МегаФон» имеет наименьший географический охват среди большой тройки российских операторов мобильной связи. Компания владеет 75% акций оператора «ТТ-Mobile» в Таджикистане, однако намерена выходить и на другие наименее освоенные рынки за рубежом, например Армении, Кыргызстана и Узбекистана¹²⁹.

Также в этом секторе наибольшую активность проявляют китайские и турецкие компании. Среди них — China Mobile Communications Corporation («СМСС») с уставным капиталом, составляющим 51.8 млрд юаней (\$7.8 млрд), и активами, оцениваемыми в более чем 400 млрд юаней (\$60.2 млрд). «СМСС» имеет более 240 млн абонентов и является крупнейшей в мире компанией мобильной связи по рыночной стоимости, размеру абонентской базы и площади покрытия. В январе 2010 года «СМСС» и пакистанская компания Millicom подписали соглашение о покупке 88.86% акций Paktel за \$460 млн. В апреле 2008 года «СМСС» запустила свой первый международный бренд ZONG одновременно на всей территории Пакистана¹³⁰.

Другим крупным игроком на рынке мобильной телефонной связи в Евразии является Turkcell — турецкая компания, являющаяся совладельцем совместного предприятия Fintur, с базой в 15.2 млн абонентов в Азербайджане, Казахстане, Грузии и Молдове по состоянию на 30 сентября 2010 года. А совместное предприятие с участием Turkcell в Северном Кипре имеет 300 000 абонентов. Также Turkcell владеет контрольным пакетом акций компании «Астелит», действующей на Украине под торговой маркой «Life»). Под таким же брендом Turkcell работает и в Беларуси¹³¹.

Еще одним видным участником евразийских рынков мобильной связи является компания Altimo (которая до 2005 года называлась «Альфа Телеком») — подразделение Alfa Group. Altimo — международная инвестиционная компания, владеющая пакетами акций в «МегаФоне» (25.1%), «ВымпелКоме» (44%), Kyivstar GSM (43.5%) и Turkcell Iletisim Hizmetleri A. S. (4.99%)¹³². В ноябре 2009 года Altimo объявила об объединении пакетов в «МегаФоне» и Turkcell с Telia Sonera с целью создания ведущего международного оператора, который будет обслуживать более 90 млн абонентов в странах СНГ и Турции. Более того, Telenor и Altimo подписали соглашение об объединении своих пакетов в Vimpel Communications и Kyivstar GSM¹³³ и создании нового оператора мобильной связи VimpelCom Ltd, который предоставляет услуги мобильной и стационарной телефонной связи на Украине и в других странах СНГ, а также в Грузии, Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Эта компания также планирует выйти на быстрорастущие рынки в Европе, Азии и Африке.

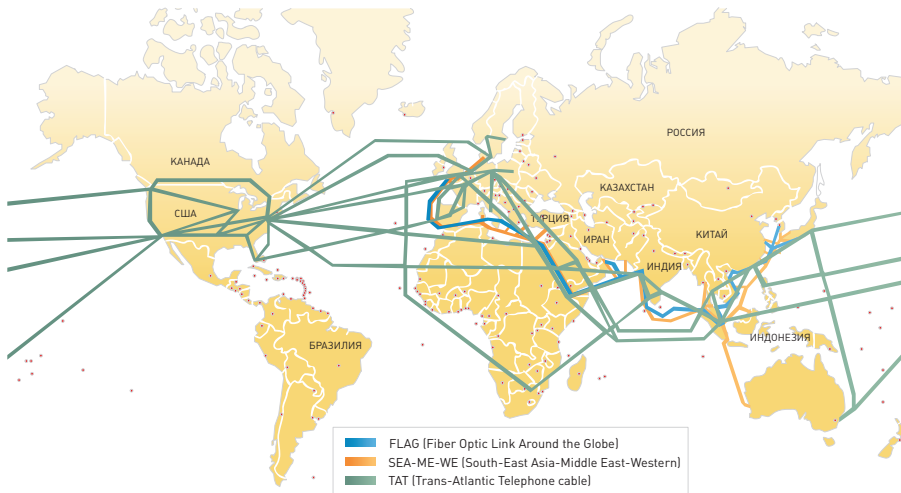
Континентальная передача данных

В 2008 и 2009 годах годовой объем передачи данных в мире увеличился на 280%. Ожидается, что он будет удваиваться каждый год в течение следующих пяти лет¹³⁴. В связи с этим, с одной стороны, возрастает необходимость вовлечения стран в глобальное информационное пространство, а с другой, появляются новые возможности для получения доходов странами, имеющими

транзитный потенциал (то есть странами, обладающими выгодным географическим положением и располагающими линиями передачи данных с высокой информационной емкостью).

Наличие волоконно-оптической линии связи является основным условием для того, чтобы страна или регион стали конкурентоспособными на международном рынке передачи данных¹³⁵. В настоящее время в силу ограниченной пропускной способности наземных транспортных маршрутов из Европы в Азию львиная доля данных передается через два океана и территорию США в обход СНГ. Основной причиной этого являются недостаточные технические возможности и отсутствие договоренностей между отдельными операторами, которые необходимы для передачи данных в конкретном направлении. Наличие параллельных линий на случай чрезвычайных ситуаций служит предпосылкой для успешной конкуренции на транзитном рынке. Для этого операторы должны создать свои собственные параллельные линии или заключить соглашения с субъектами, эксплуатирующими такие линии. Существуют следующие магистральные линии, связывающие Европу и Азию (см. карты 9.1 и 9.2):

– FLAG имеет длину 24 тыс. км и передает данные по кабелям, проложенным по дну Средиземного моря, Красного моря и Индийского океана;

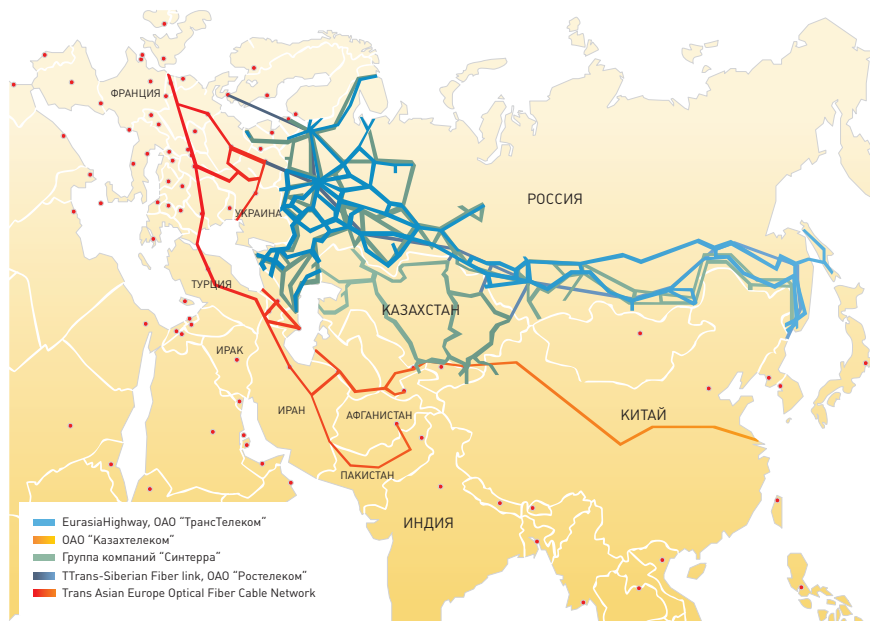

Рис. 9.1.
Подводные
ВОЛС.

Источник:
Абсаметова
и другие
(2010)

Рис. 9.2.
Наземные ВОЛС

Источник:
Абсаметова
и другие (2010)

— ТАТ проходит через Атлантический океан, США и Тихий океан и имеет общую длину, превышающую 25 тыс. км;

— SEA-ME-WE — подводная волоконно-оптическая линия длиной свыше 20 тыс. км, которая связывает Западную Европу, Африку, Юго-Восточную Азию и Австралию;

— ТАЕ — наземная волоконно-оптическая линия длиной 27 тыс. км, связывающая Шанхай и Франкфурт-на-Майне, которая в основном проходит по маршруту древнего Шелкового пути через Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан, Грузию, Армению, Иран, Турцию, Пакистан, Афганистан, Румынию, Украину, Беларусь, Польшу, Венгрию, Австрию, Китай и Германию;

— TSCL — транссибирская линия длиной 17 тыс. км, которая проходит через Россию и соединяется с ТАЕ. Создание TSCL позволило России получить прямой доступ к глобальной телекоммуникационной системе через европейские страны;

— ERMС — сеть, связывающая Европу, Россию, Монголию и Китай, которая является кратчайшим путем передачи данных между Европой и Азией;

— EurasiaHighway — линия, пришедшая на смену ERMС, которая имеет большой географический охват и более высокую емкость. В 2007 году компания ТТС и японская компания NTTCommunications завершили строительство подводной кабельной системы, соединяющей Россию и Японию;

— Synterra — сеть магистральных линий общей протяженностью свыше 75.5 тыс. км, доля которой на российском рынке интернет-провайдеров составляет 45%;

— магистральная линия GoldenTelecom и VimpelCom протяженностью свыше 70 тыс. км.

Фактически, шесть из существующих девяти транзитных линий проложены в Северной и Центральной Евразии, а пять из них проходят по территории России, огибая другие страны региона. По данным ComNews, Россия пропускает около 6% всего объема трафика данных из Европы в Азию (Yankee Group оценивает долю России в 16%, но эта цифра включает как транзитные данные, так и данные, «потребляемые» в России). Такая ситуация сложилась из-за отсутствия возможности резервирования на маршруте Азия — Европа¹³⁶.

Есть несколько причин, которые делают географическое положение России особенно выгодным с точки зрения конкуренции на рынке передачи данных. Прежде всего, маршрут между Европой и Азией, проходящий через Россию, может быть минимально коротким, а скорость передачи данных — максимальной (из-за отсутствия задержек в передаче сигнала). Каждая тысяча километров дает задержку в передаче данных в 10 мс. Например, допустимая задержка передачи голосового сигнала составляет 160 мс, в то время как совокупная задержка в передаче данных по трансиндийским и трансамериканским маршрутам достигает 300 и 320 мс соответственно¹³⁷. Другое преимущество российского маршрута заключается в том, что кабель проложен по территории одной страны, что минимизирует проблемы с передачей данных. Наконец, в случае аварии ремонт может быть проведен гораздо быстрее, чем в случае аварии на подводной линии. Например, ремонт кабеля занимает у российских операторов максимум четыре часа¹³⁸ — невероятно быстро по сравнению с подводными работами. Ввиду стремительного роста индийских

и арабских рынков, перспективным является строительство линий Европа — Индия и Китай — Индия. Такие линии могут проходить по территории стран Центральной Азии.

Спутниковая связь: перспективы сотрудничества

Другим важным сегментом телекоммуникационного рынка является спутниковая связь, присоединяющая отдельные страны или регионы к глобальному информационному пространству. Медные или волоконно-оптические кабели линий связи и сотовые беспроводные сети не всегда являются экономичными, особенно в слабозаселенных и отдаленных районах, поскольку имеют ряд недостатков: ограниченное территориальное покрытие, технические и экономические проблемы при модернизации сетей, необходимость строительства специальных сетей, переоснащения и т.д. Оптимальным решением может быть использование спутников в качестве ретрансляционных станций¹³⁹.

Согласно данным Euroconsult, мировой рынок спутниковой связи будет продолжать расти в ближайшем будущем, в то время как производство спутников и услуги по запуску останутся на прежнем уровне. Предложение спутниковых услуг остается

Табл. 9.1.
Структура рынка фиксированной спутниковой связи в России и Центральной Азии, 2008 г.

Компания	Страна	Арендованные ретрансляторы	
		всего (36 МГц)	доля (%)
ГПКС	Россия	140	42
Intelsat	Люксембург (штаб-квартира)	58	18
Газком	Россия	49	15
Eutelsat	Франция	37	11
KazSat	Казахстан	16	5
SES	Люксембург	15	5
ABS	Бермуды (штаб-квартира)	7	2
Другие		7	2
Всего		328	100

Источник:
Парфенов
(2009)

весьма ограниченным: на долю пяти крупнейших операторов приходится 73% всех доходов. Одна треть доходов всех операторов в России и Центральной Азии приходится на мировых лидеров: Intelsat, SES Americom & New Skies и Eutelsat (см. таблицу 9.1). Другими крупнейшими операторами спутниковой связи являются AsiaSat (Гонконг), Организация космических исследований Индии, Korea Telecom, Nilesat (Египет), APТ Satellite (Гонконг), MEASAT Satellite System (Малайзия), РТТelkom (Индонезия), при этом общее количество спутников на орбите превышает 29 тысяч.

Россия вкладывает большие средства в развитие своей собственной глобальной навигационной системы ГЛОНАСС¹⁴⁰, предназначенной для высокоточного навигационного и координатно-временного обеспечения наземных, морских, воздушных и космических объектов во всем мире. В мае 2008 года, во время визита Президента России в Казахстан, было подписано межправительственное соглашение об участии Казахстана в программе ГЛОНАСС. По словам заместителя главы российского правительства Сергея Иванова, Казахстан и Индия (а также Украина¹⁴¹ с марта 2010 года) будут принимать активное участие в расширении использования системы ГЛОНАСС на своей территории¹⁴².

Казахстан также участвует в проекте по интеграции и использованию возможностей систем «Гонец» и «Orbcom», который

Рис. 9.3.
Зона охвата
русских
спутниковых
компаний.

Источник:
Абсаметова
и другие
(2010)

осуществляется совместно с Украиной. Под Киевом будет построена наземная станция по обеспечению функционирования низкоорбитальных спутниковых систем связи с целью обеспечения покрытия всей территории Евразии. Услуги связи на основе интегрированной системы «Гонец-Orbcomm» оказываются совместной украинско-казахстанской компанией «Орбита»¹⁴³.

Помимо этого Казахстан вышел и на международный рынок спутниковой связи, используя орбитальные и частотные ресурсы, предоставленные Россией на бесплатной основе сроком на 15 лет. В рамках Национальной программы развития космической промышленности на период до 2020 года Казахстан собирается потратить по крайней мере \$6 млрд на проекты в сфере развития спутниковой связи, обеспечив ею страны Центральной Азии и Центральную Россию. Однако Казахстан уже имеет и горький опыт поражений в этой области: 8 июня 2008 года был потерян контроль над первым казахским спутником «Казсат-1». Его эксплуатация принесла стране доход в размере около \$20 млн, тогда как его строительство обошлось в \$65 млн, не говоря уже о расходах, связанных с возникновением чрезвычайной ситуации (Astel оценивает убытки Казахстана в 49 млрд тенге)¹⁴⁴.

Между тем продолжает активно осваивать космическое пространство Китай. В частности, осуществляется проект под названием «Бэйдоу» (COMPASS), направленный на развитие китайской независимой навигационной спутниковой системы. Первый спутник «Бэйдоу» был запущен в 2000 году. В 2006 году было объявлено о начале второго этапа развития китайской навигационной системы, в котором задействовано 35 спутников. Первый спутник системы COMPASS, COMPASS-1, был запущен в апреле 2007 года. Планируется, что создание глобальной системы будет завершено к 2020 году. Система способна обеспечивать в регионе основные услуги, такие как позиционирование, временное ориентирование и передача коротких сообщений. В рамках этого проекта Китай развивает международное сотрудничество с целью обеспечения совместимости с другими навигационными системами. Например, состоялось несколько встреч по согласованию частот между Китаем, ЕС (проект «Галилео») и Россией (проект «ГЛОНАСС»)¹⁴⁵.

Подытоживая сказанное, отметим, что сфера телекоммуникаций представляет собой наилучший пример успешного развития на постсоветском пространстве. Российские операторы мобильной связи последовательно освоили внутренний рынок и рынки стран Северной и Центральной Евразии. Однако начиная с 2009 года они стали слишком тесными для крупных игроков. Поэтому компании начали выход на рынки Индии, Вьетнама и Лаоса, а «МТС» и «ВымпелКом» становятся евразийскими транснациональными компаниями. Тот факт, что крупнейшие игроки являются частными компаниями, положительно сказывается на их международной деятельности и конкурентоспособности. Либерализация рынков телекоммуникационных услуг способствовала притоку капитала в этот сектор, что, в свою очередь, привело к повышению качества услуг, активизации конкуренции и поиску новых источников доходов.

10. Трансграничные проблемы экологии на континенте

Трансграничный характер экологических вопросов

Интеграция в Евразии связана не только с появлением взаимных выгод, но и с *общими проблемами*. Некоторые из них вызваны теми же самыми факторами, что и общее расширение континентальных связей (например, экономический рост ведущих стран Евразии). Другие вызваны самим процессом интеграции. Наличие трансграничных проблем вполне может стать стимулом для развития трансграничного сотрудничества. В следующем разделе мы проанализируем «теневую интеграцию», включающую торговлю наркотиками, людьми, оружием, а также трансграничные эпидемии и методы совместного противостояния всем этим проблемам. В этом же разделе мы намерены кратко рассмотреть трансграничные проблемы экологического характера.

Как и торговля, миграция или инвестиционные потоки, экологические угрозы не признают административных границ между государствами. В результате растущей взаимозависимости национальных экономик кризисы становятся все менее локальными и все чаще приобретают региональный и глобальный масштаб. Растет экологическая взаимозависимость стран, являющихся частью континентальной евразийской и глобальной экосистем, которые по своей природе не имеют политических границ. Растущая численность населения, бурный рост экономической деятельности и потребления ресурсов в развивающихся странах Евразии привели к увеличению давления на экологические системы и росту экологических рисков. Уси-

ливающееся технологическое давление на окружающую среду, трансграничные источники загрязнения и глобальные экологические изменения ведут к возникновению новых типов комбинированных естественных и технологических угроз.

Такая ситуация часто возникает, когда результаты экономической деятельности приносят пользу одним странам, а экологический ущерб от этой деятельности наносится соседним государствам. Существует определенная зависимость между социально-экономическими проблемами беднейших стран, стремительным ростом населения и деградацией экосистем, имеющих определяющее значение для жизни людей¹⁴⁶.

«Эпицентр» глобальных экологических проблем постепенно смещается в развивающиеся регионы, где интенсивное крупномасштабное воздействие на их экосистемы является результатом роста промышленного производства, расширения добычи полезных ископаемых и развития инфраструктуры, которые происходят на фоне «выталкивания» вредных производств из развитых стран в развивающийся мир. В то время как развитые страны предпринимают меры по ограничению воздействия человеческой деятельности на природу и предотвращению возможного вреда окружающей среде, развивающиеся страны пока озабочены только вопросами экономического роста и повышением уровня жизни своего растущего населения. Это особенно характерно для Евразии — континента, на котором расположены крупнейшие развивающиеся экономики мира.

Вопрос участия в международном экологическом сотрудничестве для развивающихся стран является прежде всего политическим и экономическим. Осознание влияния экологических факторов на перспективы экономического роста и социальную стабильность неизбежно ведет к мысли о необходимости постоянного сотрудничества или периодического взаимодействия в разрешении спорных вопросов, касающихся строительства производственных объектов или совместного использования трансграничных ресурсов. Международные конвенции и соглашения не всегда могут служить эффективным механизмом в решении локальных или региональных вопросов. Поэтому страны стремятся сотрудничать на региональном уровне.

Об этом говорит количество подписанных двусторонних соглашений (более 3 тыс.), в то время как число многосторонних конвенций и соглашений, целиком или частично посвященных защите окружающей среды, составляет более 1.6 тыс.

Типы трансграничных экологических проблем

Трансграничные экологические проблемы на континенте можно разделить на несколько основных категорий:

1. *Загрязнение атмосферы, трансграничных рек, международных водоемов и земель в приграничных районах.* Имеется множество политических проблем, связанных с бассейнами рек, охватывающих территории разных стран, которые вызваны распределением водных ресурсов и их использованием, согласова-

Врезка 10.1.

Трансграничные реки России и Китая

Главным трансграничным водоемом России и Китая является река Амур, одна из 10 крупнейших рек мира, имеющая притоки, находящиеся на территории четырех стран: России (54%), Китая (44%), а также Монголии и Северной Кореи. Значительная часть бассейна Амура, 820 тыс. км², расположена на территории Китая. Воздействие человеческой деятельности на реку с китайской стороны огромно и продолжает расти. По состоянию на начало 2008 года, на долю Китая приходилось 86% совокупного объема выбросов канализационных и отработанных вод в реку Аргунь (75% этого объема попадает в Амур), почти 99% выбросов — в устье реки Сунгари и 98% — в реку Уссури. Особенно значительно влияние человеческой деятельности на бассейн реки Сунгари, с которой связано большинство экологических проблем последних лет. В частности, крупная экологическая катастрофа произошла в ноябре 2005 года, когда взрыв на химическом заводе в провинции Цзилинь привел к утечке порядка 100 тонн ядовитой бензоловой смеси.

После этой катастрофы Россия и Китай начали активно развивать сотрудничество в области охраны окружающей среды. В 2006 году высший государственный орган Китая — Госсовет — инициировал программу, направленную на защиту реки Сунгари от промышленных отходов и защиты источников водоснабжения городов. Китай планирует потратить более 7 млрд юаней (свыше \$1 млрд) на реализацию программ по предотвращению загрязнения речных бассейнов в районах провинции Хэйлуцзян, граничащих с Россией. Китай взял на себя обязательство инвестировать 13.4 млрд юаней (около \$2 млрд) в реализацию программ по защите от загрязнения реки Сунгари на период с 2006-го по 2010 год.

нием законодательств в области водопользования, нормами загрязнения, определением вклада каждой страны в загрязнение водных ресурсов и разделением ответственности между сторонами. Например, границы России пересекают более 1000 трансграничных водоемов, в том числе 70 бассейнов больших и средних рек, которые впадают в крупнейшие моря региона — Черное и Балтийское, — загрязняемые водами рек, протекающих по территории разных стран. Состояние экосистем и биологических ресурсов Каспийского моря зависит от степени загрязнения в результате добычи нефти на прилегающей территории пяти государств. Обмеление Аральского моря было вызвано неэффективной политикой Советского Союза и позднее пяти государств Центральной Азии в отношении водных ресурсов¹⁴⁷.

2. Проблемы, связанные с сохранением и эффективным использованием природных ресурсов, расположенных на территории нескольких стран. Трансграничные водоносные

Врезка 10.2.

Опасность трансграничного промышленного загрязнения в Центральной Азии

Добыча полезных ископаемых в Центральной Азии привела к значительному загрязнению окружающей среды вследствие ненадлежащих методов добычи и обращения с промышленными отходами. Уран в Центральной Азии хранится на плохо обустроенных полигонах радиоактивных отходов. Экологическая угроза усиливается сейсмической активностью в юго-восточной части Центральной Азии, особенно в Кыргызстане и Узбекистане, где находится основная часть водных ресурсов региона.

Врезка 10.3.

Загрязнение вод Желтого моря

Мощный взрыв в июле 2010 года и последующий пожар привели к тому, что 1500 тонн нефти вылилось в Желтое море. Китай начал крупномасштабную операцию по борьбе с последствиями этой крупнейшей в истории страны утечки нефти в море, которая случилась на нефтеперерабатывающем заводе PetroChina в порту Далянь (в северо-восточной провинции Ляонин). Взрыв произошел при разгрузке танкера. Сразу же после аварии был закрыт вход в крупнейший на севере Китая порт Далянь. По сообщению агентства Синьхуа, взрыв нанес ущерб территории общей площадью 50 км² и привел к серьезному загрязнению поверхности моря площадью 11 км². Эта утечка могла привести к долгосрочным последствиям для морской экосистемы, так как Далянь располагается недалеко от основных районов добычи рыбы и морепродуктов на севере страны. Желтое море омывает также берега Южной и Северной Кореи. Недалеко находятся Россия и Япония.

Врезка 10.4.

Конфликт вокруг Тигра и Евфрата

Использование рек Тигра и Евфрата долгое время является спорным вопросом в отношениях между Сирией и Турцией с одной стороны, и между этими странами и Ираком — с другой. Конфликт тлеет десятилетия и периодически воспламеняется. Стороны начали сотрудничество в 1946 году, когда Турция и Ирак ввели режим обмена информацией, касающейся использования этих рек. Однако в последующие 40 лет не было сделано никаких серьезных шагов в вопросах совместного управления водными ресурсами. Только в 1987 году было подписано трехстороннее соглашение, в соответствии с которым Турция обязалась обеспечить поступление воды из Евфрата в Сирию в объеме не менее 500 м³ в секунду. Спустя три года Сирия и Ирак впервые достигли соглашения о взаимных квотах по использованию водных ресурсов, поступающих из Турции, согласно которому Сирия получала 42% вод Евфрата, а Ирак — 58%. Похожая проблема существует в отношениях между Индией и Бангладеш, которые имеют разногласия по использованию вод реки Ганг (в частности, из-за забора вод Индией в результате строительства Фараккской плотины в 1970-х годах).

пласты, расположенные в районах развитых ирригационных систем на засушливых территориях (юг Восточной Европы, Центральная Азия), использование подземных вод, освоение месторождений нефти и газа, сохранение биоресурсов международных морей являются яркими примерами этой группы проблем. Истории известны примеры, когда конфликты, касающиеся водных ресурсов, перерастали в политическую напряженность между странами, хотя большинство споров удалось разрешить мирным путем. Тем не менее отсутствие споров не может служить подтверждением высокого уровня сотрудничества. За последние пятьдесят лет в мире произошло 37 силовых конфликтов между государствами, в 30 из которых были вовлечены страны Ближнего Востока, Иран и Афганистан. За этот же период между странами было заключено более 200 соглашений, касающихся водных ресурсов. В целом в этой сфере было зафиксировано 1228 инцидентов сотрудничества и 507 конфликтных ситуаций, в большинстве своем связанных с изменениями в объеме водных потоков и созданием новой инфраструктуры, две трети из которых ограничились лишь риторикой¹⁴⁸.

Столь высокая результативность разрешения конфликтов объясняется активной деятельностью институтов, занимающихся вопросами водных ресурсов. Постоянная комиссия по реке Инд, которая следит за соблюдением договора о со-

Врезка 10.5.

«Северное измерение» и Арктика

В 1991 году восемь стран, имеющих выход к Арктике — Дания/Гренландия, Исландия, Канада, США, Финляндия, Норвегия, Швеция и Россия — создали международную организацию под названием «Программа арктического мониторинга и оценки» (АМАР). Эта структура призвана осуществлять мониторинг источников загрязнений и их влияния на все составные части арктической природы. Другим проектом, посвященным Арктике, является Программа сохранения арктической флоры и фауны (САФФ). Среди достижений международного сотрудничества в области экономического развития Арктики, научных исследований в регионе и экологии следует назвать заключение двусторонних отношений между Россией и Норвегией, США, Канадой и Финляндией; прокладку международного Северного морского пути; создание в 1993 году Евро-Арктического совета Баренцева региона (ВЕАС) с целью сохранения и защиты коренных народов региона Баренцева моря и обеспечения их устойчивого социально-экономического развития.

вместных водах и механизмом разрешения конфликтов, продолжала функционировать даже во время двух больших войн между Индией и Пакистаном.

Одним из споров, касающихся водоемов на российско-китайской границе, был конфликт вокруг реки Иртыш (см. врезку 10.1), которая берет свое начало в Китае, течет на северо-запад через Казахстан и впадает в реку Обь в России. В 1997 году Китай начал работу по отведению значительного объема вод Иртыша для орошения полей в засушливых землях, а Омская область России целиком зависит от этой реки. Китай строит канал (шириной 46–48 метров), чтобы направить воды реки Хайлар (китайское название реки Аргунь) в озеро Далай, что приведет к обмелению реки Аргунь в России. Это строительство может привести к существенным негативным последствиям для большей части реки Аргунь и ее экосистемы, зависящей от состояния реки, а также неблагоприятно отразится на экономическом развитии Забайкальской области России. В 2008 году между Китаем и Россией было подписано соглашение о рациональном использовании и защите трансграничных вод, которое предусматривает сотрудничество в создании общих стандартов и норм в отношении качества трансграничных вод, расширении использования современных технологий для их защиты, своевременное и полное информирование сторон о ведущейся и планирующей

щейся деятельности, которая может привести к существенным последствиям, а также сотрудничество в их предотвращении. В ноябре 2008 года Россия и Китай подписали меморандум о взаимопонимании, предусматривающий создание механизма взаимного уведомления и обмена информацией в случае возникновения чрезвычайных трансграничных экологических ситуаций.

Естественный риск речных наводнений создает дополнительные проблемы для стран, имеющих общие водоемы. Традиционные методы борьбы со стихией, такие как регулирование стока водохранилищ и строительство дамб, привели к трансграничным проблемам, связанным с изменением русла рек, нарушением естественных речных процессов и увеличением воздействия на окружающую среду. Вопросы, касающиеся выгод и ущерба для стран бассейна, могут решаться через выплату денежных компенсаций.

Существование трансграничных экосистем требует присвоения им статуса прилегающих охраняемых территорий, что обеспечило бы единый подход к их управлению и сохранению биологического разнообразия. Это особенно легко сделать в случае, когда охраняемые территории в разных странах соприкасаются на границе, разделяющей государства. Ярким примером в этом отношении является Каспийское море, где трансграничное сотрудничество приходится выстраивать на основе управления экосистемами и выработки региональных подходов к сохранению биологического разнообразия.

Врезка 10.6.

Управление риском трансграничных наводнений

В мировой практике используются десятки методов решения трансграничных экологических проблем на двусторонней и многосторонней основе. Например, в случае наводнения в бассейне реки Вуокса Финляндия может сбрасывать больше воды, чем обычно. В этом случае Россия, куда течет река, получит компенсацию за потери, понесенные гидроэнергетикой в результате дополнительного сброса. Этот метод позволяет сбалансировать выгоды и потери в бассейне реки. Это один из немногих случаев в мировой практике, когда соглашением предусматривается денежная компенсация за потери, понесенные из-за дополнительного сброса воды. Однако такие механизмы зависят от конкретных местных условий и должны тщательно обсуждаться и согласовываться странами-совладельцами рек.

Трансграничное взаимодействие и решение экологических проблем: субрегиональные и двусторонние подходы

Наиболее успешные решения конкретных экологических проблем достигаются на субрегиональном или двустороннем уровнях. Регионы и субрегионы (такие как Центральная Азия и бассейн реки Меконг) создают основу сотрудничества через определение общих целей и приоритетов. Несмотря на то, что принятие норм и правил для более эффективного решения вопросов, касающихся окружающей среды, может осуществляться только на наднациональном, международном или глобальном уровнях, двусторонний и региональный диалоги являются важным звеном в реализации конкретных проектов. Тяжелое бремя экологических проблем, которое несут отдельные регионы, обычно выходит за пределы национальных границ и тесно переплетено с вопросами человеческого развития. Региональные и двусторонние соглашения и специально созданные организации могут стать инструментом решения таких проблем. Для того чтобы эта правовая основа была эффективной, в особенности в развивающихся регионах, странам необходимо решить множество проблем, таких как недостаточное финансирование, нехватка человеческого капитала и слабая институциональная база.

В этом контексте особое значение приобретает участие многосторонних банков развития (МБР) в двусторонних и многосторонних соглашениях, направленных на сотрудничество в решении конкретных проблем. Всемирный банк, Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Межамериканский банк развития, Евразийский банк развития и другие члены финансового сообщества способны обеспечить финансирование крупных проектов в области гидроэнергетики и водопользования. Для осуществления наиболее крупных проектов МБР могут создавать консорциумы с участием коммерческих банков. Поддержка со стороны МБР минимизирует риск не-

дофинансирования крупных международных проектов и обеспечивает долгосрочное инвестирование на льготных условиях. Не менее важным является тот факт, что МБР становятся не только финансовыми институтами, но и «банками знаний», оказывая необходимую экспертную и техническую помощь. Кроме этого, МБР зачастую выступают в роли политических посредников, что обеспечивает дополнительную надежность трансграничных соглашений по сотрудничеству, учитывая тот факт, что возникающие конфликты иногда могут приобретать острый характер.

11. Теневая интеграция

Как мы уже отмечали, экономический рост евразийских стран ведет к возникновению экологических проблем, имеющих трансграничный характер, их негативные последствия, в свою очередь, создают дополнительные причины для развития трансграничного сотрудничества, хотя сами экологические проблемы не являются результатом евразийской интеграции как таковой. Однако ряд общерегиональных проблем напрямую связан с интеграционными процессами. Например, развитие неформальной торговли и рост миграции сопряжены с ростом трансграничной торговли наркотиками и другими видами организованной преступной деятельности. Причем подобные проблемы для Евразии особенно актуальны, поскольку в евразийскую интеграцию, особенно на уровне неформальных связей, вовлечен ряд слаборазвитых и нестабильных государств (например, Афганистан), для которых специализация на торговле запрещенными товарами дает преимущества в новых торговых условиях. С другой стороны, крайняя неоднородность евразийских государств не только не позволяет создать международные институты по развитию рыночной интеграции, но и препятствует принятию эффективных мер по противодействию незаконной деятельности.

Торговля наркотиками

В контексте интеграционных процессов открытие границ между государствами неизбежно активизирует незаконную торговлю, в том числе запрещенными наркотическими препаратами. Особенно сильное влияние эта проблема оказала на Центрально-Азиатский регион, так как географически он является естественным промежуточным звеном между Афганистаном — центром производства наркотиков — и Европой — основным их потребителем. Проблема усугубляется и рядом других факторов. Во-первых, экономический спад 1990-х го-

дов, который до сих пор не преодолен, по крайней мере в малых странах Центральной Азии (таких как Кыргызстан и Таджикистан) создает питательную среду для преступной деятельности в странах наркотранзита. Во-вторых, коррупция на всех уровнях государственной власти в центральноазиатских странах значительно облегчает деятельность группировок, занимающихся наркоторговлей. В-третьих, слабость некоторых центральноазиатских государств сделала их естественной частью маршрута для транспортировки наркотиков.

Гражданская война в Таджикистане и сепаратистские движения на Северном и Южном Кавказе представляют собой наиболее яркий пример проблем, которые характеризуются сращиванием преступной и террористической деятельности: террористы и повстанцы совершают незаконные операции для того, чтобы финансировать свою деятельность. Даже после мирного урегулирования в 1997 году значительная часть территории Таджикистана оставалась вне контроля правительства, что обеспечивало благоприятные условия для незаконной деятельности¹⁴⁹. В то же время, по иронии судьбы, как очень дорогостоящий товар, перевозимый в небольших количествах, наркотики являются почти идеальным грузом для перевозки наземным транспортом в Евразии.

Таджикистан и Туркменистан — традиционные транзитные страны в СНГ для транспортировки наркотиков из Афганистана. В 1990-х годах чуть ли не единственной силой, как-то сдерживавшей поступление наркотиков через Таджикистан, были российские военные, охранявшие таджико-афганскую границу. В 1999 году при международной поддержке (в частности, со стороны ООН) Таджикистан создал агентство по борьбе с наркотиками, которое, однако, оказалось неэффективным из-за высокого уровня коррупции и ограниченных возможностей.

Кыргызстан, несмотря на отсутствие общей границы с Афганистаном, рассматривается в качестве основного коридора для транспортировки наркотиков, особенно через Ферганскую долину (Ош, Джалалабад и Баткен)¹⁵⁰. Высокий уровень этнической напряженности, крайняя бедность населения

и слабость центральной власти делают этот регион удобной точкой для наркотрафика. Туркменистан вначале регулярно перехватывал значительные объемы наркотиков, однако после 2000 года перестал передавать международным организациям информацию об арестах наркоторговцев. Предполагается, что протяженные границы страны не охраняются должным образом и поэтому могут использоваться для наркотрафика в Турцию, Азербайджан и балканские страны. Узбекистан эффективно охраняет свою границу с Афганистаном, однако не может предотвратить поступление наркотиков из Таджикистана и Кыргызстана. В обратном направлении идут различные вещества из стран с высокоразвитой химической промышленностью (таких как Россия) для переработки опия в героин¹⁵¹. Похожие проблемы испытывает Пакистан, южный сосед Афганистана, через территорию которого проходят наркотики при транспортировке морским путем.

Возможный маршрут наркотрафика в Центральной Азии может выглядеть следующим образом¹⁵². Во-первых, героин перевозится небольшими партиями из Северного Афганистана в Таджикистан через реку Пяндж, а также через официальные пункты пропуска на границе. Несмотря на то, что охрана таджико-афганской границы улучшилась в 2000-х годах, личный досмотр на КПП проводится в редких случаях. Небольшие партии наркотиков поступают через Горный Бадахшан (по Памирской дороге), а более крупные — через западный участок границы. После ее пересечения наркотики доставляются в Кыргызстан. По некоторым оценкам, в 2004 году на таджико-афганской границе была перехвачена половина всех перевозимых наркотиков, в то время как на границе с Кыргызстаном наркотики обнаруживаются очень редко в связи со слабостью пограничного контроля (обратная сторона сохраняющихся связей между странами СНГ). Поэтому Ошская область считается одним из основных каналов наркотрафика в мире.

После этого героин транспортируется в Бишкек, а затем в Казахстан, где граница также слабо охраняется и остается прозрачной как для контрабанды топлива, так и наркотиков. Здесь, как и в других транзитных странах, остается значитель-

ная часть этого «импорта». Из Юго-Западного Казахстана наркотики перевозятся в Россию автомобильным транспортом и реже — по железной дороге. Считается, что если раньше наркотики поставлялись небольшими разрозненными группами, то теперь система наркотрафика становится все более организованной и централизованной. Большинство наркокурьеров, пересекающих афгано-таджикскую границу, вооружены. Впрочем, нередко наркотрафик осуществляется и как побочный продукт деятельности миграционных сетей¹⁵³.

Трансъевразийский наркотрафик через Центральную Азию имеет свою специфику, если сравнивать его, к примеру, с наркотрафиком в Латинской Америке. Прежде всего, уровень насильственной преступности, связанной с наркотиками, в центральноазиатских странах очень низок по сравнению с объемами перевозимых наркотиков. В этом Центральная Азия разительно отличается от Мексики или Бразилии, для которых характерны высокая преступность, связанная с наркотиками, и войны между различными группировками наркомафии. Кроме того, наблюдается постоянное снижение объемов героина, перехваченного властями. Пик конфискации наркотиков пришелся на 2004 год, но в конце 2007 года объем конфискованных наркотиков резко сократился. В 2007 году Международное агентство по борьбе с наркотиками сообщало, что перехватывается только 3.3% наркотрафика. Несмотря на снижение уровня политических конфликтов, которые способствовали росту наркоторговли в 1990-х годах, незаконный оборот запрещенных препаратов продолжается. Одним из возможных объяснений этого факта может служить сложившийся симбиоз наркоторговли с коррумпированным чиновничеством и неподконтрольными политиками в Центральной Азии¹⁵⁴. Причем демократические революции в регионе нередко лишь усиливают наркотрафик. Показательными в этом отношении являются события, произошедшие в Кыргызстане и Азербайджане¹⁵⁵ в начале 1990-х годов.

Трансграничный наркотрафик является одной из сторон крупномасштабной и большей частью прибыльной неформальной торговли, которая возникает как естественная реакция на чрезмерный государственный контроль, политику за-

крытости и поиск ренты правительствами в регионе. Поэтому, с одной стороны, «пористые» границы приносят пользу с экономической точки зрения, но с другой — остаются открытыми для преступной деятельности. Решение этой проблемы очевидно: легализация неформальной торговли и открытие границ, а также создание благоприятных условий для ведения бизнеса. Однако это очевидное решение трудно реализовать на практике в силу как слабой и плохо образованной бюрократии в Центральной Азии, так и низкого доверия населения к ней и властям в этих странах. Как отмечает Элла Панеях, по-настоящему важным вопросом является не то, почему люди *не соблюдают* закон, а скорее, почему они *соблюдают* закон и уходят из неформального сектора¹⁵⁶. Более строгий пограничный контроль остановит контрабанду, но в то же время подорвет неформальную торговлю, причем наркодельцы от этого только выиграют, потому что трансграничная торговля товарами меньшей ценности перестанет быть привлекательной.

Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что в будущем проблемы, связанные с наркотрафиком, будут только возрастать, поскольку, с одной стороны, увеличивается влияние наркоторговцев на государство, растет и уровень коррупции, а с другой, в процессе евразийской интеграции для некоторых стран выгодной становится специализация на своих «сравнительных преимуществах», одним из которых и оказывается торговля наркотиками. Афганистан представляет собой печальный пример этого замкнутого круга, как, впрочем, и Центральная Азия.

Торговля людьми и оружием

Другой важной проблемой, связанной с теневой стороной евразийской интеграции, является *торговля людьми*, которая охватывает весь континент. Например, в Центральной Азии в середине 2000-х годов количество женщин и детей, ежегодно вывозимых из Казахстана с целью эксплуатации, оценивалось в 5 тыс., из Кыргызстана — 3–4 тыс., а из Таджикистана — 1–2 тыс.¹⁵⁷.

Центральная Азия (вместе с другими странами СНГ) является не только поставщиком живого товара, но и транзитным регионом для его транспортировки в Западную Европу из Южной Азии, Китая и Афганистана. Торговля людьми связана не только с сексуальной эксплуатацией, но и с принудительным трудом, причем провести четкую границу между торговлей людьми и незаконной эксплуатацией мигрантов крайне сложно. Незаконное усыновление и торговля людьми с целью изъятия органов и тканей для трансплантации также являются важными аспектами данной проблемы. Как и в случае с наркоторговлей, торговля людьми обусловлена, с одной стороны, тяжелыми экономическими условиями и высокой политической нестабильностью, а с другой — ростом взаимных связей в Евразии. Увеличение уровня работоторговли в Центральной Азии, например, прямо связано с ее географическим положением и близостью к главным странами-импортерам в Восточной Азии и на Ближнем Востоке¹⁵⁸.

Еще одной проблемой, которая усугубляется особенностями евразийской интеграции, является нелегальная миграция. Регионы Евразии становятся все более и более взаимозависимыми с точки зрения информационных потоков, торговли и инвестиций, но их рынки труда, как было показано ранее, остаются обособленными друг от друга. Таким образом, учитывая огромную разницу в качестве жизни в разных частях Евразии, неудивительно, что увеличивается масштаб нелегальной миграции. В этом отношении основные проблемы связаны с незаконным импортом рабочей силы в страны ЕС¹⁵⁹, спрос на которую усиливается из-за очень жестких требований европейского трудового законодательства: нелегальные мигранты становятся привлекательной и дешевой альтернативой местной легальной рабочей силе. Во второй половине 2000-х годов Россия стала также одним из основных направлений нелегальных миграционных потоков из стран СНГ. В этом случае большое количество трудовых мигрантов объясняется крайней негибкостью российской бюрократии, с одной стороны, и дефицитом рабочей силы на внутреннем рынке — с другой.

Еще одним вызовом, стоящим перед странами Евразии, является рост *незаконного оборота оружия*. Эта проблема приоб-

рела особую остроту после распада Советского Союза и с тех пор остается серьезной угрозой для безопасности континента и одним из главных факторов нестабильности в отдельных его частях (например, в большой Центральной Азии и на Кавказе). В этом отношении можно выделить два аспекта. С одной стороны, насущной проблемой является незаконная торговля стрелковым оружием в регионах, где сильны сепаратистские движения, слаба государственная власть и отсутствует должный контроль над границами. С другой стороны, в последние 20 лет растет озабоченность в связи с распространением оружия массового поражения и радиоактивных материалов, во-первых, из-за слабого контроля над арсеналами, унаследованными от Советского Союза, а во-вторых, из-за ядерных амбиций таких стран, как Иран, Северная Корея и Пакистан. В этом случае речь идет об угрозе безопасности в глобальном масштабе, скорее всего, выходящем за пределы Евразии.

«Общий рынок микробов»

Отрицательные стороны евразийской интеграции не ограничиваются расширением незаконной деятельности, включая в себя возрождение и укрепление *«общего рынка микробов»*. Пересечение границ людьми создает прекрасные возможности для распространения различных заболеваний. Можно сравнить распространение эпидемий средневековья, когда бубонной чуме в XIV веке потребовалось два с половиной десятка лет, чтобы добраться из Китая в Европу, с молниеносным, стремительным распространением эпидемии птичьего гриппа в 2000-х годах. Очевидно, что это больше является чертой глобализации¹⁶⁰, чем возникающих евразийских связей. Однако в Евразии в силу географической близости стран и сложностей контроля над трансграничным перемещением людей масштабы этой проблемы заметно больше¹⁶¹. В этом случае сдерживание глобального микробного рынка также требует международного сотрудничества, которое, однако, может использоваться и для ограничения экономических связей

между странами и служить оправданием политики протекционизма. Шаги, предпринимаемые в этой связи, могут выглядеть весьма спорными, как, например, запрет на импорт овощей из Европы, временно введенный в России летом 2011 года.

В целом, «теневая сторона» интеграции Евразии остается важной проблемой для региона, ставящей ряд серьезных задач перед странами. В последнее время этим вопросам действительно уделяется много внимания. Однако меры, предпринимаемые государственными органами, часто оказываются неэффективными из-за ложных представлений и отсутствия информации. Зачастую граница между реальными и потенциальными угрозами очень тонкая¹⁶². Хотя все и признают важность этих проблем (по крайней мере, на словах), власти нередко оказываются не в состоянии обеспечить эффективное функционирование своих бюрократических институтов, пораженных широко распространившейся коррупцией, которая как раз и подпитывается незаконной торговой деятельностью.

К тому же остается вопрос о соизмеримости ответов на возникающие угрозы. Типичной реакцией на незаконную трансграничную торговлю, нелегальную миграцию и распространение эпидемий является усиление пограничного контроля. Это неизбежно ограничивает экономические связи в Евразии, что имеет особенно тяжелые последствия на Севере и Юге континента, где велико значение неформальной торговли. Проблема заключается не только в том, что тормозится возможный экономический рост, но и в том, что ограничение связей между евразийскими странами негативно влияет на перспективу решения проблем, связанных с «теневой стороной» регионализации, что в конечном счете отражается на экономическом развитии и усилиях по борьбе с бедностью в таких регионах, как Центральная Азия и Афганистан, и поэтому способствует активизации торговли наркотиками и людьми и росту нелегальной миграции в развитые страны. Возможное решение этих проблем опять же связано с активным международным сотрудничеством, направленным на экономическое развитие, в котором должны участвовать все заинтересованные стороны. Возможно ли такое взаимодействие в Евразии — покажет будущее.

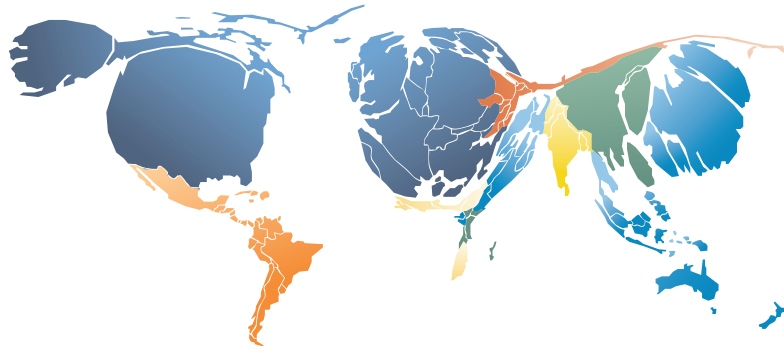
12. От постсоветской к евразийской интеграции

Если евразийская интеграция потенциально важна для всех стран континента, то для России и Центральной Азии этот процесс имеет жизненно важное значение. Это не означает, что постсоветская интеграция является ненужной или нецелесообразной: напротив, она может оказаться важным механизмом обеспечения экономического роста в регионе, поскольку постсоветские страны исторически тесно связаны между собой, а в некоторых сферах, например, в вопросах интеграции рынка труда, эти связи являются более тесными, чем с другими странами в Евразии. Тем не менее, на наш взгляд, *евразийская постсоветская интеграция обязательно должна быть дополнена евразийской континентальной интеграцией*, понимаемой как процесс развития открытого регионализма в Евразии¹⁶³.

Можно выделить три основных фактора, делающих исключительно «постсоветский» формат интеграции недостаточным. Во-первых, он не соответствует процессам регионализации, выходящим за пределы советских границ (например, торговым отношениям России и ЕС и инвестиционной экспансии российского бизнеса в Западную Европу). Во-вторых, он создает проблемы для общего процесса континентальной интеграции (например, из-за отсутствия соединений между транспортными коридорами). В-третьих, он экономически менее выгоден для постсоветских стран. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на картограмму Всемирного банка, показывающую то, что мы назвали «евразийская гантель» (рисунок 15.1), и отражающую экономический вес отдельных стран. Другая карта, взятая из доклада Всемирного банка и Евразийского банка развития, позволяет прийти к тем же самым выводам (рисунок 15.2). Экономическая

Рис. 12.1.
«Евразийская
гантель»

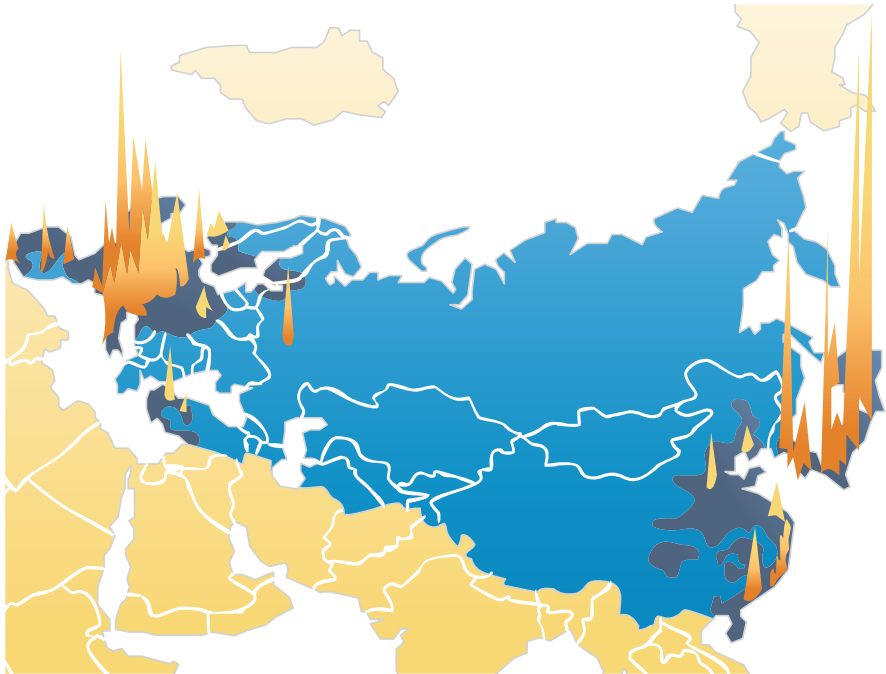
Источник:
Всемирный
банк (2009)

Примечание: Картограмма показывает соотношение между странами по размерам ВВП, сравниваемым на основе обменных курсов валют

Рис. 12.2.
«Горы»
и «равнины»
экономического
развития
в Евразии

Источник:
Всемирный
банк, ЕАБР
(2009)

география Евразии с точки зрения соотношения ВВП резко отличается от физической географии континента. Очевидно, что Северная и Центральная Евразия представляет собой «слабое звено» на экономической карте Евразии. Оно остается таковым, несмотря на быстрый рост в 2000-х годах. Вкратце, Северная и Центральная Евразия — это обширный и экономически малозначимый регион, расположенный между двумя экономическими центрами силы, ЕС и Восточной Азией.

Идея всеобъемлющей континентальной интеграции находит свое отражение в риторике официальных лиц, в частности в России и Казахстане. Евразийский континентальный подход уже давно является неотъемлемой чертой официальной политики Казахстана¹⁶⁴. В своей программной статье, опубликованной 3 октября 2011 года, президент России Владимир Путин очерчивает перспективу, при которой Евразийский экономический союз (созданный на базе существующего Таможенного союза) должен стать эффективным трансконтинентальным звеном, способствующим развитию континентальной экономической интеграции «от Лиссабона до Владивостока» и «от Атлантики до Тихого океана»¹⁶⁵. В мае 2012 года был подписан указ, в котором задачи по интеграции на западном и восточном векторах закрепляются нормативно¹⁶⁶.

Далее мы рассмотрим возникающие для постсоветских стран возможности на «западном» и на «восточном» флангах постсоветского пространства, связанные с соединением постсоветской и евразийской интеграции.

ЕС и постсоветская интеграция: трудное партнерство

Наиболее сложным и проблемным, но в то же время самым многообещающим регионом с точки зрения, рассматриваемой в данной главе, является западная часть СНГ, состоящая из стран, одновременно являющихся восточными соседями ЕС. Здесь, как мы говорили, вот уже полтора десятилетия разворачивается

конкуренция между двумя группами проектов: «расширенного ЕС», включающего институты Европейской политики добрососедства и Восточного партнерства, и постсоветской интеграцией. Это соперничество происходит как на уровне политических решений, так и концептуальных дискуссий, и затрагивает Украину, Молдову и Беларусь, а также страны Кавказа. Дискуссии о соотношении постсоветского и европейского интеграционных векторов как основных ориентиров внешней политики ведутся и в России¹⁶⁷. В принципе конкуренция интеграционных проектов далеко не всегда должна рассматриваться как отрицательное явление — напротив, как и любая конкуренция, она может стать важным фактором улучшения качества интеграционных структур. Однако проблемы «западного фланга» СНГ состоят в том, что конкуренция на этом направлении оказалась связана с несколькими «ловушками», препятствующими эффективному развитию интеграции в регионе.

Во-первых, на постсоветском пространстве и в ЕС существует достаточно глубокое непонимание сути интеграционных проектов друг друга. В Европе характерно восприятие СНГ как продукта российского империализма и инструмента по поддержанию авторитарных режимов. В России господствует представление о гегемонизме ЕС, скрывающего за риторикой о либеральных ценностях и правах человека стремление к контролю над регионом и созданию пояса государств-сателлитов. В обоих случаях подозрения имеют под собой определенные основания. Однако постсоветский проект обладает не только политическим, но и чисто экономическим измерением, связанным с масштабными выгодами для стран-участниц. ЕС же, хотя и далеко не всегда, но все же следует заявленному курсу «политики ценностей»¹⁶⁸. Тем не менее и в Москве, и в Брюсселе господствует упрощенное представление о целях конкурентов и возможных партнеров — отсюда и безудержный «евроскептицизм» значительной части российского политического класса и резко отрицательное отношение к постсоветской интеграции в ЕС: в беседе с одним из авторов этой книги европейский чиновник среднего ранга сравнил постсоветский и европейский проект с железнодорожными путями с различной шириной полотна, которые соединить невозможно.

Вторую проблему можно назвать «*ловушкой интеграционных иллюзий*». Она возникает, когда страны, планирующие вступить в ЕС, отказываются участвовать в каких бы то ни было постсоветских проектах, даже если из них можно извлечь пользу, тогда как членство в ЕС для этих государств нереально в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В результате эффективные интеграционные проекты так и не реализуются, темпы экономического роста замедляются и вступление в ЕС становится еще более проблематичным — Евросоюз, особенно сейчас, в период кризиса, не готов идти на углубленное сотрудничество с экономически слабыми государствами.

Третья ловушка, «*ловушка интеграционных разочарований*», является прямым следствием неопределенных перспектив членства постсоветских стран в ЕС. В отличие от государств Центральной и Восточной Европы, для которых перспектива членства была достаточно четкой и понятной, в «новой Восточной Европе» ситуация является значительно более расплывчатой. В результате лидеры государств этого региона с неохотой следуют рекомендациям Брюсселя в плане улучшения качества институтов и экономической политики — а между тем это негативно сказывается и на перспективах интеграции в регионе СНГ, тесно связанных с модернизацией этих стран. По словам Руслана Гринберга, постсоветские элиты хотят следовать российским «правилам игры», но не хотят поддерживать интеграцию с Россией, и наоборот, готовы поддерживать интеграцию с ЕС, но не хотят или не могут жить в условиях европейских правил прозрачности¹⁶⁹. Парадоксально, что ловушки интеграционных ожиданий и разочарований уживаются и в равной степени влияют на политические решения стран СНГ (показателен пример Украины).

С нашей точки зрения, наиболее важный вопрос заключается в том, что европейская и постсоветская интеграции не должны рассматриваться как взаимоисключающие. Наоборот, в идеальном случае регионализм СНГ может быть подстроен под европейские интеграционные программы и укрепить их экономически. Об этом пишет и Андрей Спартак, указывая на то, что «...интеграция в ТС-ЕЭП и СНГ в целом не должна ставить страны-участницы перед жестким выбором — или ТС-ЕЭП (СНГ), или ЕС — и блокиро-

вать (существенно ограничивать) возможности партнеров в плане перспективы сближения с Евросоюзом»¹⁷⁰. Присутствие же Европейского союза в качестве «внешнего» и «активного» партнера могло бы быть полезным для смягчения постоянных препятствий для постсоветской интеграции: дефицита доверия между постсоветскими странами и проблем, связанных с подавляющей ролью Российской Федерации. Также сотрудничество с Европейским союзом обычно подразумевает значительный уровень проникновения институтов из ЕС (например, сближение стандартов), что могло бы быть полезным и для взаимодействия между самими странами СНГ¹⁷¹.

Этот подход также требует координации Европейской программы добрососедства и системы четырех общих пространств, соединяющих Россию и Евросоюз. К сожалению, шансы на то, что представление о «взаимосвязанных» постсоветской и европейской интеграциях возобладает в среднесрочной перспективе, невелики, что, вероятно, будет представлять серьезную проблему в создании институциональной структуры для экономической интеграции в Евразии. Между тем *сотрудничество между ЕС и странами СНГ и постсоветская интеграция не должны быть взаимоисключающими*. Например, *Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России может быть более эффективным и сильным партнером для ЕС, чем отдельные страны* (но не с точки зрения ЕС, который предпочитает иметь дело с более слабыми партнерами)¹⁷². Здесь необходимо упомянуть Украину — страну, расположенную между ЕС и Таможенным союзом, разрывающуюся между возможностью вступления либо в одно, либо в другое сообщество. Сильным вариантом было бы включение Украины в Таможенный союз с последующим подписанием открытого соглашения о свободной торговле между постсоветским торговым блоком (с населением около 210 млн человек) и Европейским союзом. При этом сценарии Украина достигла бы всех своих целей, обеспечив себе благоприятный режим отношений с Россией и другими партнерами на территории СНГ и не поставив под угрозу свой европейский выбор. Такое соглашение служило бы универсальной основой для сближения законодательств и в конечном итоге введения безвизового режима.

Восточный фланг постсоветского пространства: осторожность и надежды

В восточной части территории СНГ ситуация является прямо противоположной: азиатские интеграционные проекты, как уже было отмечено, намного менее организованы и структурированы, чтобы рассматриваться в качестве «конкурентов» постсоветского регионализма, и не предполагают жесткого «исключительного членства». В Азии постсоветские образования (такие, как СНГ и ЕврАзЭС) представляют собой лишь еще один случай пересекающихся региональных интеграционных группировок. Азия также является регионом, где наблюдается частичное «растворение» советских границ: страны СНГ участвуют в интеграционных группировках за пределами бывшего СССР (например, ШОС или Организации экономического сотрудничества с участием Турции, Ирана и Афганистана), а страны, находящиеся за пределами региона, взаимодействуют с постсоветскими интеграционными объединениями. Это пока в основном относится к СНГ: в 2008 году Афганистан объявил о своем намерении стать членом СНГ, в начале 1990-х годов утверждалось, что подобное членство рассматривает и Монголия, однако во втором случае все закончилось участием Монголии в ряде институтов СНГ в качестве наблюдателя.

Однако имеются две основных проблемы, влияющие на *евразийские перспективы постсоветских объединений на Востоке*. Во-первых, включение новых членов, находящихся за пределами русскоязычного пространства и имеющих свои особенности, может осложнить функционирование постсоветских органов власти и управления из-за серьезных различий. В этом случае добиться консенсуса и эффективно организовать функционирование интеграционной группировки гораздо сложнее. Это особенно пагубно для постсоветских проектов. С этой точки зрения постсоветской интеграции в некотором смысле повезло, что она, за исключением ТС и ЕЭП, добилась лишь ограниченных результатов: пример АТЭС показывает, что очень успешные региональные объединения могут привести к резкому росту числа членов, характеризующихся крайней разнородностью, и как следствие, блокировать

функционирование интеграционного объединения. Европейский союз тоже отчасти страдает от своего успеха, но страны Европы гораздо более однородны, чем государства Азии.

Во-вторых, расширение постсоветского регионализма за пределы территории СНГ не может не предполагать участия, по крайней мере, одного из двух крупных игроков: Китая или Индии. При этом Индия до сих пор занимает довольно осторожную позицию в Центральной Азии, в то время как Китай вызывает серьезную озабоченность среди населения СНГ и региональных элит. Пока дефицит доверия в отношении КНР не будет преодолен (а это — вопрос достаточно далекого будущего), включение этой страны почти в любую быстро развивающуюся экономическую интеграционную группировку представляется маловероятным. В результате попытка России стать акционером Азиатского банка развития была встречена холодно. И наоборот — инициатива Китая создать банк ШОС, в котором были бы представлены страны-члены Шанхайской организации сотрудничества, была заблокирована Россией.

Возникают еще более серьезные проблемы с точки зрения совместимости существующих постсоветских региональных группировок с экономическими связями их членов с внешними партнерами. Например, одна из самых сложных проблем, стоящих перед Таможенным союзом, — решение вопросов, касающихся торговли его центральноазиатских членов с Китаем. В целом, как и в случае с Европой, восприятие разных связей в постсоветской Азии как «конкурирующих» ошибочно: *в оптимальном варианте евразийская интеграция могла бы служить дополнением к постсоветскому экономическому сотрудничеству, усиливая преимущества последнего.* Для этого, однако, постсоветская интеграция не должна носить протекционистский характер, а в модели Таможенного союза имеются существенные элементы протекционизма. Уменьшить уровень защиты рынков поможет вступление России и Казахстана в ВТО: единые тарифы Таможенного союза значительно снизятся с сегодняшнего уровня, составляющего более 10%, до менее 8%. Принятие новой системы технических регламентов ЕЭП, полностью отвечающих требованиям ВТО и частично совместимых с нормами ЕС, также позитивно¹⁷³.

13. Центральная Азия как лаборатория евразийской интеграции

Если на протяжении большей части монографии наше основное внимание уделялось Евразийскому континенту в целом, а предыдущая глава была посвящена более ограниченному по своей географии региону — постсоветскому пространству, то в этой главе мы еще больше сузим масштабы дискуссии, сосредоточив внимание исключительно на Центральной Азии. По сравнению с Евразией в целом, постсоветская Центральная Азия представляет собой сравнительно небольшой регион — 5 государств, 61 млн человек, порядка \$200 млрд номинального ВВП, из которых две трети приходится на Казахстан. Однако географически и геополитически Центральная Азия является очевидным центром Евразии (центром континента и группы трех макрорегионов, рассматриваемых в этой книге).

Среди всех макрорегионов Евразии Центральная Азия в наибольшей степени изолирована от описанной нами во второй главе «паутины глобализации». Страны региона не имеют выхода к морю, и стоимость доступа к международным рынкам для них очень высока¹⁷⁴. В настоящее время Центральная Азия привлекает внимание в основном с двух точек зрения: во-первых, энергоресурсов и соперничества за трубопроводные маршруты и, во-вторых, угроз, связанных с Афганистаном и исламским терроризмом.

Если двадцать лет назад единственным звеном, которое связывало центрально-азиатские государства с глобальным рынком, была Россия, то теперь ситуация другая: кроме трубопроводов Баку — Тбилиси — Джейхан и других альтернативных маршрутов, следует упомянуть новые трубопроводы, идущие в Китай. Два из них (нефтепровод из Казахстана и газопровод из Туркменистана) уже функционируют. Что касается угроз безопасности, Центральная Азия остается регионом нестабильности.

Транспортная и энергетическая инфраструктура, унаследованная центральноазиатскими странами от советского прошлого, делает государства региона во многом зависящими друг от друга (хотя руководство центральноазиатских государств и прилагает титанические усилия для снижения этой зависимости даже в ущерб собственной экономике). До недавнего времени эта взаимозависимость являлась важнейшим поводом для конфликтов в Центральной Азии (например, по вопросам воды и электроэнергии), которые, с одной стороны, способствуют изоляции центральноазиатских стран от глобальных рынков, а с другой — свидетельствуют о необходимости развития регионального сотрудничества, признаваемой всеми наблюдателями¹⁷⁵. Однако географический охват этого сотрудничества опять же не ясен. Должны ли в нем принимать участие Россия, Китай, Турция, Иран? На наш взгляд, попытки построения центральноазиатского региона как «замкнутого» сообщества пяти стран являются малопродуктивными, поскольку Центральная Азия, находящаяся «на перекрестке» Евразии, неизбежно должна быть встроена в евразийский формат интеграционного взаимодействия.

Россия: старая зависимость и новые связи

Россия традиционно является ключевым экономическим, политическим и культурным партнером Центральной Азии, причем зависимость от нее во многих случаях является значительной. Приведем в качестве примера следующий факт: центральноазиатский хлопок на протяжении столетий формировался селекционерами таким образом, чтобы длина волокна точно соответствовала стандарту российских прядильных станков. В результате экспортировать хлопок в другие части мира (например, из Узбекистана) достаточно сложно. В то же время и Россия не может сменить поставщика хлопка без качественного переоснащения своей текстильной промышленности.

Тем не менее 1990-е годы стали периодом снижения роли России в экономиках региона. Это было связано с тремя факторами, влиявшими в разной степени на все государства Центральной Азии.

Во-первых, речь идет о протекционистских барьерах, создававшихся руководствами стран региона. В некоторых государствах подобная политика последовательно проводилась с начала 1990-х годов: Узбекистан, например, ввел государственную монополию на внешнюю торговлю основными товарами. Требования на переход к оплате денежными средствами вместо бартера привели к серьезному спаду торговли в 1990-е годы — период дефицита ликвидности. Казахстан после экономического кризиса 1998 года и обесценивания рубля также ввел протекционистские ограничения на импорт из России.

Во-вторых, слабость российских компаний заставляла их самих ограничивать свою внешнеэкономическую деятельность. В некоторых центральноазиатских странах, таких как Казахстан, им приходилось конкурировать с западными транснациональными компаниями, осуществлявшими масштабные капиталовложения.

И в-третьих, если некоторые центральноазиатские страны (такие как Узбекистан) смогли избежать серьезного экономического спада, то другие (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) столкнулись с резким снижением ВВП в 1990-х годах, что сделало их менее привлекательными партнерами. В то же время попытки России остаться единственным посредником в Центральной Азии и в политической сфере, и в области безопасности также потерпели неудачу, и российское политическое влияние неуклонно снижалось¹⁷⁶.

Ситуация изменилась в 2000-е годы, когда роль России в регионе стабилизировалась и, возможно, опять начала расти. Можно выделить несколько главных аспектов этой динамики: отношения в энергетической сфере, торговлю неэнергетическими товарами, инвестиции и трудовую миграцию. Далее мы рассмотрим все эти сферы с точки зрения изменений формата взаимоотношений России и стран Центральной Азии в 2000-е годы.

Россия смогла укрепить свои отношения в Центральной Азии в энергетической сфере. Начиная с 2004 года российские компании («Газпром», «Лукойл», «Интер РАО ЕЭС», «Роснефть») последовательно осуществляли масштабные инвестиции в экономику Казахстана и отчасти Узбекистана. Причем, если в 1990-х годах Казахстан ориентировался в основном на ТНК промышленно развитых стран, ограничивая таким образом «окно возможностей» для тогда еще неокрепшего российского бизнеса, то в 2000-х годах, с одной стороны, российские компании окрепли и смогли составить серьезную конкуренцию традиционным игрокам. Есть множество случаев, когда российские (и китайские) компании смогли прийти на смену транснациональным корпорациям из развитых стран, вынужденных отказаться от своих активов в Казахстане. Точно так же конфликт между режимом Ислама Каримова в Узбекистане и Западом после подавления восстания в Андижане позволил российским инвесторам получить частичный доступ к привлекательным активам в этой стране.

Взаимодействие России и Центральной Азии в энергетической сфере не ограничивается одними лишь инвестициями. «Газпром» смог подписать контракты почти со всеми центральноазиатскими странами на закупку и транспортировку их нефти и газа в объемах, делающих развитие альтернативных маршрутов экспорта крайне проблематичным. Тем не менее в 2009 году открытие нового трубопровода из Туркменистана в КНР мощностью 30 млрд м³ (в 2012 году должны начаться переговоры о строительстве второй нитки) привело к утрате «Газпромом» своего монопольного положения. Так как нефть и газ являются одним из ключевых вопросов политики российского правительства, любое взаимодействие в этой области обычно имеет очень сильную политическую составляющую и зависит от стратегических интересов центральноазиатских государств и России.

РФ также играет существенную роль и в других отраслях экономики. В основном это касается металлургии и горнодобывающей промышленности (в этих отраслях российские инвесторы установили контроль над крупными активами

в Казахстане и Кыргызстане; в Таджикистане действия российских инвесторов натолкнулись на серьезное противодействие со стороны властей), обрабатывающей промышленности (где российский бизнес в основном использует старые связи, сохранившиеся со времен советской производственной кооперации), автомобильной промышленности и тяжелого машиностроения (*КамАЗ*, *АвтоВАЗ*), сельскохозяйственного машиностроения (*Агромашхолдинг*), транспортного машиностроения (*Трансмашхолдинг*) и «новых» отраслей, таких как пищевая промышленность и особенно услуги связи, где новые российские частные компании, оперирующие вне зависимости от государственной поддержки, играют важную роль в экономике многих стран Центральной Азии¹⁷⁷. Кроме этого, многие машиностроительные компании расширяют свое присутствие в Центральной Азии через подписание долгосрочных соглашений о сотрудничестве с местными предприятиями. Следует отметить, что Центральная Азия остается менее привлекательным регионом для инвестиций из РФ, чем, например, Украина. Тем не менее российские компании используют важное преимущество общей культуры и истории, что явно способствует их экспансии в сферах услуг и производства потребительских товаров. Самые последние изменения в этой области связаны с созданием Таможенного союза. В 2011 году много говорилось о том, что малые и средние предприятия в российских приграничных регионах меняют свою юрисдикцию с российской на казахстанскую по причине более благоприятной системы налогообложения в Казахстане. Таким образом, Таможенный союз активизировал конкуренцию юрисдикций на территории СНГ¹⁷⁸.

В сфере трудовой миграции растущие взаимосвязи Центральной Азии и России стали, похоже, неожиданностью для всех вовлеченных сторон. В начале 1990-х годов миграция на постсоветском пространстве была в основном связана с переездом русскоязычного населения на постоянное место жительства в Россию. В 2000-е же дефицит рабочей силы в быстро растущей российской экономике сделал возможной масштабную временную миграцию, связанную исключительно с эконо-

мическими факторами. Одним из результатов этих изменений стал рост денежных переводов мигрантов из России в страны Центральной Азии — один из ключевых элементов экономического роста для некоторых стран (например, Таджикистана). Большинство миграционных каналов пережили кризис 2008–2009-х годов. Интересно отметить, что регионализация оказалась действительно успешной с точки зрения установления связей между Россией и Центральной Азией как раз там, где политическая мотивация как российского, так и центрально-азиатских правительств, была минимальной.

В целом российское экономическое и политическое присутствие в Центральной Азии представляется довольно стабильным. Маловероятно, что в будущем произойдет какое-либо серьезное изменение ситуации, хотя со временем культурные барьеры между Центральной Азией и Россией будут расти (к сожалению, даже с Казахстаном). Однако в некоторых случаях экономические и политические связи могут затормозить этот процесс социально-культурного отдаления. Хотя распад СССР и привел к определенному снижению роли русского языка, устойчивая трудовая миграция делает знание русского языка важным преимуществом на рынке труда и, следовательно, вновь повышает спрос на него среди жителей Центральной Азии. В любом случае, в обозримом будущем Россия останется ключевым экономическим партнером центральноазиатских государств.

Китай: неформальная торговля и энергетика

В отличие от России, для Китая связи с Центральной Азией стали качественно новым явлением. Тем не менее «новичок» вполне успешно справляется с задачей, превратившись в одного из ведущих экономических партнеров центральноазиатских государств.

Китай — один из основных иностранных инвесторов в Центральной Азии. Особенно это касается энергетической сферы,

где китайское правительство рассматривает регион в качестве важного источника нефти и газа. Например, к 2010 году китайские государственные корпорации (СNРС, SINOPEC и СІТІС) заняли второе место после США среди иностранных инвесторов в нефтегазовой отрасли Казахстана, контролируя *Актобемунайгаз*, *Каражанбасмунай* и *ПетроКазахстан* и значительно опередив Россию (24% добычи против 9%).¹⁷⁹ Китай активно участвует в ряде проектов по строительству трубопроводов в регионе, хотя последние пока значительно менее развиты, чем трубопроводы, соединяющие Центральную Азию и Россию. Тем не менее первые трубопроводы, связывающие Казахстан и Китай («Атасу — Алашанькоу») и Туркменистан и Китай, уже введены в эксплуатацию. Несмотря на то, что в настоящее время роль Центральной Азии в снабжении КНР углеводородами относительно невелика, присутствие богатых нефтью стран непосредственно на западной границе делает их ресурсы стратегической целью китайских инвестиций. Присутствие КНР в энергетическом секторе центральноазиатских стран будет увеличиваться.

Китайское правительство активно развивает региональное сотрудничество с Центральной Азией в ряде других областей. Например, в 2010 году Китайская инвестиционная корпорация проявила интерес к инвестициям в сельское хозяйство Казахстана (в частности, выращивание сои). В 2009 году китайское правительство предоставило Казахстану кредит на сумму \$10 млрд для преодоления последствий глобального кризиса. Похожую политику Китай проводит и в отношении других постсоветских стран: в 2011 году он предоставил кредит в размере \$1 млрд для финансирования трех совместных инвестиционных проектов, осуществляемых китайскими компаниями в Беларуси, для которой КНР сейчас является более «удобным» источником финансирования, чем Россия, «оговаривающая» предоставление кредитов требованиями по проведению структурных реформ. На Украине Китай, как сообщается, проявляет интерес к покупке активов и установлению долгосрочного сотрудничества с компаниями оборонной промышленности¹⁸⁰.

Однако, как и в случае с Россией (где в расширении связей

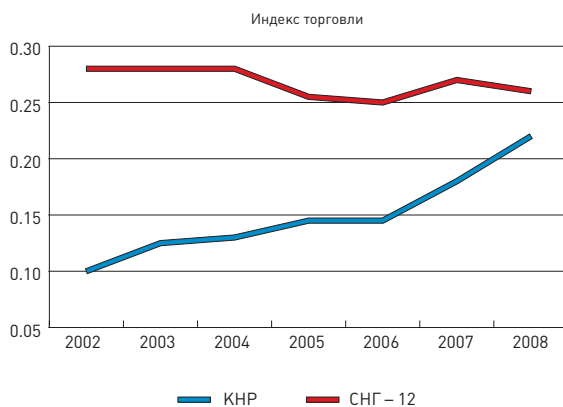
с Центральной Азией неорганизованная и зачастую нелегальная миграция играет более важную роль, чем официальные инвестиции), основным инструментом увеличения китайского присутствия в Центральной Азии являются не крупномасштабные инвестиции и кредитные соглашения, а скорее, рост неорганизованной трансграничной торговли. Китай в настоящее время превратился в ключевого торгового партнера центральноазиатских стран в сфере потребительских товаров, поставляемых в регион через систему базаров. Для некоторых государств объем неофициального импорта китайских потребительских товаров в несколько раз превышает их ВВП. Например, базары Кыргызстана служат в качестве перевалочной базы для китайских товаров, которые затем перепродаются по всей Центральной Азии через обширные неформальные торговые сети, а также реэкспортируются в Россию¹⁸¹. На таких рынках, как Дордой, подавляющее большинство товаров имеет китайское происхождение¹⁸².

Таким образом, и Россия, и Китай связаны с Центральной Азией системой неформальных взаимосвязей. Однако реакция руководства России и КНР на их появление принципиально различна. Российские власти пытаются ограничить миграцию, но не в состоянии сделать это из-за нехватки рабочей силы и неэффективной бюрократической системы. Китайское правительство поощряет трансграничную торговлю. Можно выделить три основных канала роста торговли КНР в Центральной Азии: коммерческая деятельность торговцев из провинции Чжэцзян, мелкая приграничная торговля и деятельность Синьцзянской производственной и строительной корпорации, полувоенной-полугосударственной структуры, оперирующей в Синьцзяне¹⁸³. Таким образом, складывается впечатление, что, хотя неорганизованная торговля между Китаем и Центральной Азией растет в основном в результате деятельности негосударственных игроков, эти неформальные взаимоотношения вполне отвечают стратегии китайского правительства. В целом, однако, в отношении Китая можно сделать тот же вывод, что и в отношении России: экономические связи с КНР являются необходимым компонентом экономического развития Центральной Азии.

Многополярность Центральной Азии

Итак, Центральную Азию сегодня нельзя считать «вотчиной» одного игрока: напротив, в регионе важную роль играют и Китай, и Россия, причем ими список ключевых стран, влияющих на ситуацию в Центральной Азии, не ограничивается. В начале 2000-х годов Центральная Азия привлекала значительное внимание Турции. Первоначально «наступление» этой страны на тюркские республики СНГ оказалось неудачным, но Турция по-прежнему остается важной страной для Центральной Азии, например с точки зрения образования. Она также стала одним из шести крупнейших торговых партнеров центральноазиатских стран, особенно в таких отраслях, как пищевая промышленность, строительство, гостиничный бизнес и финансовые услуги¹⁸⁴. Потенциально Иран и Индия тоже могли бы стать заметными игроками в регионе. Турция, Иран и все центральноазиатские государства являются членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), правда, роль этой структуры является крайне ограниченной. Европейский союз также присутствует в Центральной Азии в экономической сфере (в рамках ТРАСЕКА), а также в большей степени в политической и гуманитарной областях.

Роль отдельных внешних игроков в Центральной Азии со временем изменяется. Например, на рисунке 13.1 приво-

Рис. 13.1.
Показатели
торговой
интеграции

Источник:
Libman and
Vinokurov
(2011)

дятся индексы торговой интеграции Центральной Азии с двумя регионами: Китаем и остальной частью СНГ (Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Грузия, Армения и Азербайджан). Более высокие значения соответствуют большей зависимости Центральной Азии от торговли с теми или иными странами. Можно сделать вывод, что в 2000-х годах Россия и другие государства СНГ по-прежнему остаются доминирующими торговыми партнерами для центральноазиатского региона, однако их роль со временем остается в лучшем случае стабильной, а далее даже несколько снижается. Роль же Китая, напротив, постоянно усиливается. Правда, описанная ситуация характерна именно для торговли; в других областях Россия и страны СНГ по-прежнему играют ключевую роль (например, если речь идет о миграции)¹⁸⁵.

Многополярность взаимодействия в Центральной Азии, в сочетании с отсутствием выхода к морю и высокой взаимозависимостью государств региона, позволяет сделать два главных вывода. Во-первых, Центральная Азия «обречена» на сотрудничество с другими частями Евразии в целях экономического развития и, особенно, обеспечения доступа к мировым рынкам. Во-вторых, речь идет не о поиске единственного покровителя или партнера, а о реализации разнообразных соглашений в отдельных сферах с различным спектром участников, в том числе и достаточно широких коалиций стран Центральной Азии и других ключевых евразийских государств.

К примеру, что касается миграции, в настоящее время форматы ЕврАзЭС и СНГ представляются вполне адекватными. Однако в торговых отношениях Китай — естественный и необходимый партнер — как и Россия. Что касается транспортных проектов, многосторонние форматы необходимы для продвижения строительства множества транспортных коридоров: сосуществование ЦЮАФТТ, ЦАРЭС, ТРАСЕКА и ЕврАзЭС — хороший пример подобной структуры. Очевидно, что в некоторых случаях это может привести к избыточности транспортных сетей (как, например, в случае с упомянутым трубопроводом Баку — Джейхан, который в конечном итоге оказался экономически нецелесообразным). Однако,

во-первых, многообразие транспортных артерий является одним из способов защиты бизнеса от хищнического поведения правительств¹⁸⁶. Во-вторых, что более важно, свободная конкуренция может стать способом выявления оптимальных вариантов сотрудничества¹⁸⁷.

Таким образом, *Центральная Азия является естественным узлом возникающей евразийской интеграции и представляет собой ее «в миниатюре»*, так как необходимость в гибком сотрудничестве между различными партнерами, реагирующими на рост экономических связей на микроуровне, является основным элементом евразийской континентальной интеграции. Кроме того, в процесс центральноазиатского сотрудничества вовлечены все евразийские игроки, что дает право считать его своеобразной *«лабораторией» евразийской интеграции*, где проходит проверку множество форматов сотрудничества с участием очень разнородных партнеров.

Препятствия: «Евразия в миниатюре»

К сожалению, Центральная Азия является «Евразией в миниатюре» и с точки зрения препятствий, тормозящих интеграцию. Три основные проблемы — разнородность политических режимов и трудности в сотрудничестве между недемократическими странами, интеграция больших государств с различными экономическими целями и чрезмерная централизация, мешающая субрегиональному сотрудничеству — негативно влияют на перспективу регионализма в Центральной Азии. Происходящие события, на первый взгляд, свидетельствуют о том, что уровень взаимозависимости центральноазиатских государств со временем действительно снижается — во многом как результат целенаправленной государственной политики¹⁸⁸.

Возможно, самым известным примером в этом отношении являются конфликты относительно сезонных изменений в использовании водных ресурсов и электроэнергии, что вызывает противоречия в подходах к использованию возможностей

трансграничных рек. Проблема усугубляется катастрофическими последствиями высыхания Аральского моря и зимними наводнениями, вызванными чрезмерным поступлением воды, что приводит к серьезным наводнениям в странах, расположенных в нижнем течении, и к летним засухам и острой нехватке электроэнергии — в странах в верхнем течении.

Эта проблема является основной причиной конфликта между центральноазиатскими странами, расположенными в верхнем течении (Кыргызстан и Таджикистан), которые используют энергетический потенциал рек, и странами в нижнем течении (Казахстан, Туркменистан и Узбекистан), которым нужна речная вода для сельскохозяйственных целей. Сельское хозяйство — крупнейший потребитель воды, поэтому то, как она используется в странах в верхнем течении, влияет не только на сельхозпроизводителей в странах в нижнем течении, но и на всю экономику этих стран, так как сельское хозяйство в Центральной Азии имеет исключительно важное социальное и экономическое значение. Способность сельского хозяйства обеспечить потребности населения Центральной Азии напрямую зависит от эффективности и продуктивности использования орошаемых земель, так как большая часть населения (от 43% в Казахстане до 75% в Таджикистане) живет в сельской местности. Однако вода необходима не только для сельского хозяйства, но и для производства электроэнергии — впрочем, проекты Таджикистана и Кыргызстана в этой области нередко воспринимаются соседями как угроза своей национальной безопасности.

О высокой степени «связанности» инфраструктуры региона свидетельствуют недавние конфликты вокруг транснациональных железных дорог. Весной и летом 2010 года Узбекистан систематически блокировал железнодорожные поставки в Таджикистан, используя в качестве инструмента давления основную железнодорожную магистраль, идущую в Таджикистан через Узбекистан. В общей сложности блокада коснулась почти полутора тысяч вагонов, в том числе с оборудованием для Сангтудинской ГЭС. Доступ к воде также может использоваться как средство политического и экономическо-

го давления. Например, в мае 2010 года, когда Казахстан закрыл свои границы с Кыргызстаном во время политического переворота в Бишкеке, Кыргызстан немедленно отреагировал приостановлением подачи воды для сельскохозяйственных целей в Жамбылскую область Казахстана, зависящую от орошаемого земледелия.

Сходная проблема наблюдается и в области трансграничной торговли электроэнергией. В последние десятилетия РСФСР и КазССР эффективно регулировали трансграничные потоки электроэнергии, используя развитую инфраструктуру и сравнительное преимущество Казахстана как поставщика дешевого электричества, выработанного с помощью экибастузского угля. В то время как экибастузская электроэнергия экспортировалась в соседние российские регионы, западные части Казахстана снабжались российским электричеством. Строительство в 2006–2007 годах энергетической линии «Северный Казахстан — Актюбинская область» мощностью 500 кВт и протяженностью 500 км привело к сокращению взаимных поставок электроэнергии в пользу самообеспечения. Перетоки электроэнергии между РФ и РК в настоящее время в четыре раза меньше уровня 1980-х годов¹⁸⁹.

Узбекистан представляет собой еще один яркий пример преобладания соображений «энергетической безопасности» в ее узком понимании над логикой экономической целесообразности. 1 декабря 2009 года эта страна вышла из Единой энергетической системы Центральной Азии (ЕЭС ЦА). Этот односторонний шаг, по-видимому, планировался в течение двух лет, во время которых создавалась единая энергосистема Узбекистана. Так как государство находится в центре региона, от этого решения пострадали все центральноазиатские страны, в особенности Таджикистан, который в последние 70 лет получал значительную часть необходимой электроэнергии как раз из соседнего Узбекистана (в осенне-зимний период дефицит электроэнергии составляет около 2 млрд кВт·ч, который восполняется импортом 0.6 млрд кВт·ч из Узбекистана и 1.2 млрд кВт·ч электроэнергии из Туркменистана, поступающей через Узбекистан). В то же время Таджикистан экспорти-

рует сравнимые объемы электроэнергии в южный Узбекистан в весенне-летний период совместно со странами с орошаемым земледелием, расположенными вниз по течению. Одним из возможных решений, активно рассматриваемых в настоящее время, является строительство высоковольтной линии, соединяющей города Худжанд (Таджикистан), Датка (Кыргызстан) и Алматы (Казахстан) в обход Узбекистана. Однако эта линия будет длиннее, чем существующая, и на ее строительство понадобится несколько лет. Таким образом, выход Узбекистана из ЕЭС ЦА привел к необходимости крупных капиталовложений и снижению экономической эффективности. Узбекистан также пострадает от своего собственного решения, так как потребность страны в электроэнергии в пиковые периоды потребления больше не будет покрываться ежедневными трансграничными поставками в рамках единой региональной энергосистемы. Эффективное международное регулирование водных ресурсов в Центральной Азии теперь выглядит еще более отдаленной перспективой.

Однако трансграничные конфликты не ограничиваются конфликтами вокруг воды и электроэнергии. Существует серьезная проблема маркировки границ: например, в Ферганской долине границы трех стран (Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана) пересекаются и создают значительные препятствия для трансграничного движения. Узбекистан ввел строгие визовые ограничения для граждан всех других стран СНГ, причем зачастую пограничники используют огнестрельное оружие в борьбе с нарушителями. В результате режим трансграничного перемещения в Ферганской долине сегодня является наиболее ограничительным за последние пятьсот лет¹⁹⁰. Центральноазиатские государства предприняли меры для установления контроля за неорганизованной торговлей в приграничных регионах: например, в 2008–2009 годах Узбекистан проводил кампанию по «укреплению границы» в Ферганской долине, которая включала создание полноценной пограничной полосы с бетонными стенами и траншеями. Вдоль границы с Таджикистаном Узбекистан установил минные поля — причем на таджикской территории. Даже самые

обычные события, такие как пересечение коровой границы между Узбекистаном и Таджикистаном в феврале 2010 года или границы между Узбекистаном и Кыргызстаном месяцем ранее, могут стать причиной серьезного конфликта с активным участием СМИ.

Центральная Азия также является примером проблем, которые возникают при интеграции относительно больших и сильно централизованных стран. Это в особенности касается двух ключевых стран региона — Казахстана и Узбекистана. Как уже было сказано, Узбекистан не демонстрирует большого желания участвовать в каком бы то ни было формате трансграничного сотрудничества. Кроме того, две ключевые страны в Центральной Азии представляют собой очень разные модели экономического развития: либеральные рыночные реформы в Казахстане и жесткий государственный контроль в Узбекистане¹⁹¹. В результате, в зависимости от глобальной конъюнктуры и развития экономического цикла, Узбекистан и Казахстан попеременно вырываются в лидеры: Узбекистан более устойчив в кризисные периоды (например, «узбекское чудо» 1990 годов или хорошее экономическое положение во время кризиса 2008–2010 годов), в то время как экономика Казахстана переживает более острый спад во время мировых кризисов и быстрый подъем во время мирового экономического роста. Таким образом, какая-нибудь из этих стран всегда будет находиться в «оборонительном» положении, что также тормозит региональное сотрудничество.

Уровень субрегионального сотрудничества в Центральной Азии, даже в регионах, которые «естественным образом» предназначены для него (таких как Ферганская долина, Южный Казахстан или Кыргызстан), крайне низок. Более того, именно регионы, где трансграничное сотрудничество могло бы дать большой экономический эффект, являются регионами со спорными границами и крупными этническими меньшинствами, что заставляет государства крайне осторожно относиться к любым идеям, связанным с децентрализацией и приграничным сотрудничеством. Фактически, даже относительно «безобидные» реформы часто становятся при-

чиной снижения региональной интеграции в Центральной Азии. Например, в 1993 году Узбекистан стал использовать латинский алфавит вместо кириллицы для письменного узбекского языка. Однако узбекские меньшинства в Кыргызстане и Таджикистане до сих пор используют кириллицу, так как кыргызский и таджикский письменные языки основаны на кириллице. Поэтому узбек из Кыргызстана испытывает серьезные трудности, обучаясь в узбекских вузах или работая там, где необходим письменный язык¹⁹².

Наконец, будучи лишь одним из многочисленных векторов политики Китая, России и ЕС, Центральная Азия страдает от недостатка внимания со стороны этих стран, что мешает поиску эффективных решений региональных противоречий. В любом случае, остается неясным, удастся ли Центральной Азии справиться с вызовами регионального взаимодействия и, таким образом, стать активным участником континентальной интеграции в Евразии. Подчеркнем, что регион является «лабораторией» евразийской интеграции. Получится в Центральной Азии — скорее всего, получится и на всем континенте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги. Нашей главной целью была попытка зафиксировать и осмыслить ряд фундаментальных изменений, происходящих в настоящее время в структуре экономических связей на евразийском континенте. Если сорок лет назад Евразия была разделена между конкурирующими обособленными политическими блоками, часто оторванными от глобальной экономики, то теперь паутина связей между Европой, Северной и Центральной Евразией и Южной и Юго-Восточной Азией становится плотнее с каждым годом. Особенно это заметно в области инвестиций и торговли как энергоресурсами, так и другими товарами. В этой сфере Евразия стала не только более интегрированной, но и более многополярной, чем несколько десятилетий назад: китайские и российские транснациональные компании в настоящее время являются серьезными игроками на континенте. Меньшая степень интеграции наблюдается в области миграции: миграционные потоки за пределами интегрированных рынков труда Европейского союза и СНГ остаются ограниченными. Так как евразийские связи сильно зависят от развития общей инфраструктуры, в этой области в последнее время наблюдается большая активность как на межправительственном, так и на государственном и частном уровнях. Наконец, экономический рост и индустриализация в Евразии, а также пористые границы привели к существенным «теневым» последствиям евразийской интеграции — экологическим проблемам, торговле наркотиками и людьми и распространению болезней — каждое из которых требует укрепления международного сотрудничества.

Сотрудничество и контакты между правительствами евразийских государств хотя и резко увеличились за последние десятилетия, но все еще носят ограниченный характер и, ве-

роятнее всего, останутся таковыми в обозримом будущем. Это связано не только с естественной неоднородностью интересов и предпочтений на таком огромном континенте, но и со специфическими факторами, присущими Евразии: преобладанием недемократических режимов, масштабной экономической и политической разнородностью и проблемой интеграции крупных государств. Таким образом, было бы наивно ожидать появления какой-нибудь формы «общеевразийской коалиции», имеющей единые институты, правила и нормы по образцу ЕС. Скорее следует ожидать, что евразийская интеграция будет развиваться как сеть локализованных и пересекающихся проектов и сообществ, направленных на решение отдельных вопросов, а в идеале основывающихся не только на межгосударственном, но и на субнациональном взаимодействии. Ясно, что и в этом случае имеются существенные трудности (в частности, из-за высокого уровня централизации во многих евразийских странах), однако это направление сотрудничества имеет хорошие перспективы.

Ситуация в Евразии, подчеркнем еще раз, развивается по пути, прямо противоположному тому, что в очередной раз предлагается специалистами, ратующими за создание альтернативы Западу на основе некоего «третьего пути». Движущей силой евразийской континентальной интеграции, причем не в первый раз в истории континента, стала предпринимательская инициатива, а взаимодействие в основном осуществляется на микроуровне. При этом рыночные механизмы задействованы даже больше, чем, например, в Европейском союзе. Идея функциональных, конкурирующих и пересекающихся интеграционных проектов материализуется в «миске спагетти» из евразийских двусторонних и многосторонних соглашений.

Конечно, ситуация далеко не всегда следует описанной логике, но все же основу евразийской континентальной интеграции составляет именно интеграция снизу. При этом континентальная интеграция снизу не является феноменом последних десятилетий. Напротив, она представляет собой развитие логики евразийской интеграции, реализовывавшейся в рамках предшествовавших волн евразийского обмена.

Авторы этой книги признают, что во многих аспектах представленная картина евразийской интеграции является неполной. В частности, Южная Азия и исламский мир должны были бы дополнить общую картину евразийской континентальной интеграции. Этим регионам мы уделили недостаточно внимания. На выбор предмета повлияла наша собственная научная специализация и компетенция. Мы надеемся, что другие исследователи с более глубокими знаниями этих регионов смогут выполнить и эту задачу. С другой стороны, несмотря на то, что евразийская интеграция потенциально исключительно важна для всех стран континента, она имеет особое значение для России и Центральной Азии. Эти страны в особенности выигрывают от сочетания двух евразийских интеграций — «евразийской постсоветской» и «евразийской континентальной». В этом мы убеждены.

Следует откровенно признать проблемы и препятствия, стоящие на этом пути. В настоящее время различные процессы регионализма в Евразии имеют довольно обособленный характер и конкурируют между собой в приграничных регионах как с позиций их реального содержания, так и с точки зрения их восприятия политиками. Это отчетливо видно на примере западной части СНГ (и восточной части ЕС). Одно из основных положений этой книги заключается в том, что с нормативной точки зрения такое восприятие ошибочно. Здоровая, конструктивная конкуренция между региональными союзами необходима. Более того, во многих случаях интеграционные проекты могут дополнять друг друга. Например, эффективная модель постсоветского регионализма не препятствует интеграции его участников с ЕС — напротив, она могла бы стать инструментом, расширяющим возможности для такого сотрудничества. Так, проблема Украины, на наш взгляд, поддается оптимальному решению именно в треугольнике ЕС — Украина — ТС, а не в двусторонних форматах.

Точно так же Центральная Азия «обречена» на сотрудничество и с Россией, и с Китаем, а не на поиск единственного партнера, как это происходило в прошлом и позапрошлом веке еще со времен «Большой игры» России и Великобритании.

Перед тем, как мы закончим, позвольте нам сформулировать в сжатой форме основные положения этой книги, уже приведенные нами во введении.

Основные выводы

- Процессы интеграции в отдельных макрорегионах Евразии все больше дополняются континентальной интеграцией, охватывающей отдельные регионы.
- Континентальная интеграция в основном связана с «интеграцией снизу», так как межправительственное сотрудничество отстает от развития экономических связей.
- Нет нужды во всеобъемлющей «евразийской» интеграционной структуре: сотрудничество государств в Евразии должно строиться по принципу пересекающихся по своему членству «клубов», ориентированных на решение конкретных задач.
- Евразийская интеграция могла бы стать ключевой силой экономического развития на континенте за счет интеграции: в области торговли энергоресурсами и другими товарами; в транспортной сфере; потоков капитала и рабочей силы; туризма; борьбы с торговлей наркотиками и эпидемиологическими угрозами.
- Ключевую роль в континентальной интеграции в Евразии играют проекты общей инфраструктуры, создающие возможности для перемещения товаров, услуг и рабочей силы.
- Одной из ключевых предпосылок евразийской интеграции является понимание того, что региональные проекты сотрудничества должны носить не взаимоисключающий, а взаимодополняющий характер. Этот принцип очень важно применить и по отношению к интеграции на постсоветском пространстве.

Как однажды остроумно отметил генетик и эволюционный биолог Дж. Б. С. Холдейн, «теории имеют четыре стадии признания: 1) это никчемная бессмыслица; 2) это интересная, но извращенная точка зрения; 3) это правда, но не имеет никакого значения; 4) я всегда это говорил»¹⁹³. По нашему мнению, концепция евразийской континентальной интеграции в настоящее время энергично переходит от второй к третьей стадии. Если в 1990-х годах евразийская интеграция не рассматривалась в качестве предмета для серьезного анализа, то в настоящее время эта тема находит определенное понимание и уже не сталкивается с полным неприятием. Однако до четвертой стадии общего признания, которая достигается, когда концепция регулярно упоминается в университетских учебниках, еще далеко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. список литературы под фамилиями авторов, в том числе монографии и статьи на английском языке.

² Понятие «суперконтинент» в геологии обозначает землю, основанную на более чем одной континентальной коре (Пангея, Гондвана, современная Евразия). Применение этого термина к Евразии в политико-экономическом смысле принадлежит Йоханнесу Линну (Linn & Tiomkin 2006).

³ Libman & Vinokurov (2012a); Vinokurov & Libman (2012).

⁴ Примером такой оговорки является работа: Зевин (2011).

⁵ Тренин (2002, 2011); Малашенко (2011б); Tsygankov (2012).

⁶ Buzan & Waever (2003); Nygren (2008); Винокуров и Либман (2010); Михайленко (2011).

⁷ Трубецкой (1925).

⁸ См. обсуждение этой темы в: Чудодеев (2009); Кузнецов (2010а); Орлик (2010).

⁹ Критика евразийства с точки зрения географии приводится, например, в: Каганский (2004).

¹⁰ В работе: Евзеров (2001) приводится критика многих евразийских концепций с этой точки зрения и указывается на приоритетность именно постсоветской интеграции (при признании, впрочем, возможностей для взаимодействия с внерегиональными игроками).

¹¹ См., например, Янов (1992); Лурье (1994).

¹² Морозов (2011) приводит замечательный обзор этой полемики, а также убедительно показывает, что само восприятие противоречий между евразийцами и «атлантистами» как двух главных направлений в российских исследованиях международных отношений указывает на серьезные проблемы этой дисциплины.

¹³ ВЦИОМ (2001).

¹⁴ Малашенко (2011а).

¹⁵ Bugajski (2008).

¹⁶ Рябчук (2001).

¹⁷ Freeman (2011).

¹⁸ Быков (2004, 2009); Чернышев (2010); Спартак (2011). Надо подчеркнуть, что выводы приведенных исследований частично достаточно сильно отличаются как друг от друга, так и от настоящей работы.

¹⁹ Linn & Tiomkin (2006, 2007); Линн (2006).

²⁰ Kaiser (2001; 2012).

²¹ Как отмечает А. Малашенко, «Казахстан, пожалуй, единственная страна, где евразийская идея имеет глубокий и, так сказать, рациональный смысл» (Малашенко, 2012. С. 6).

²² Отметим, что официальная версия евразийства не является единственной существующей или существовавшей в Казахстане. Достаточно упомянуть Олжаса Сулейменова, который, в свою очередь, не попадает ни в одну из групп, упомянутых в этом разделе.

²³ Нысанбаев и Курманбаев (1999).

²⁴ Тренин (2006).

- ²⁵ Fidrmuc & Fidrmuc (2003); De Sousa & Lamotte (2007).
- ²⁶ http://rinsider.club-feroviar.ro/en/afiseaza_stire.php?id=5859.
- ²⁷ Обсуждение турецкой внешней политики как «евразийской» приводится в: Корнилов и Сулейманов (2010).
- ²⁸ Gilson (2002, 2005); Soederbaum, Stalgren & van Langenhove (2005); Camroux (2010).
- ²⁹ Gunn (2003). Если Джеффри Ганн больше касается культурного и цивилизационного аспекта, то мы фокусируемся на экономической стороне.
- ³⁰ Chase-Dunn & Anderson (2005); Frank & Gills (1993).
- ³¹ O'Rourke & Williamson (2002).
- ³² Foltz (1999).
- ³³ Abu-Lughod (1989).
- ³⁴ Frank (1998).
- ³⁵ Kotkin (2007).
- ³⁶ Chaudhuri (1985).
- ³⁷ McNeill (1976).
- ³⁸ Abu-Lughod (1989).
- ³⁹ Findlay & O'Rourke (2007).
- ⁴⁰ Abu-Lughod (1989).
- ⁴¹ Gunn (2003).
- ⁴² van Leur (1955).
- ⁴³ Frank (1998).
- ⁴⁴ Frank (1998).
- ⁴⁵ Abu-Lughod (1989).
- ⁴⁶ Бродель ссылается на оценки Поля Байроша. «Его» Азия не включает Россию и Японию. Если мы включим эти страны в регион, к которому они принадлежат географически, доля Азии превысит 80%.
- ⁴⁷ Guillou (1974).
- ⁴⁸ Powell & Stringham (2009).
- ⁴⁹ Rauch & Trindade (2002).
- ⁵⁰ Turchin (2007).
- ⁵¹ Chaudhuri (1985); Кертин (1984); Harris (2009).
- ⁵² Hourani (1951/1995): 61.
- ⁵³ Дискуссия в данном абзаце и ниже основана на выводах: Kurmanalieva & Vinokurov (2011).
- ⁵⁴ Foxley (2010).
- ⁵⁵ По данным Евростата.
- ⁵⁶ Yeung (1999).
- ⁵⁷ Sethi (2009).
- ⁵⁸ Bulatov (1998).
- ⁵⁹ Беляева и Эскиндаров (1998); Эскиндаров (1999); Храброва (2000).
- ⁶⁰ Богданов и Суханов (2004).
- ⁶¹ СКОЛКОВО (2008).
- ⁶² Vahtra (2005).

- ⁶³ Борисов (2005).
- ⁶⁴ Кузнецов (2006).
- ⁶⁵ Kuznetsov (2010); Кузнецов (2011).
- ⁶⁶ Golovnin, Libman, Ushkalova & Yakusheva (2011).
- ⁶⁷ Gao (2005).
- ⁶⁸ Dobson & Yue (1997); Breslin (2004, 2004a).
- ⁶⁹ Kolstad & Wiig (2009).
- ⁷⁰ Jenkins, Dussel & Moreira (2008).
- ⁷¹ Collinson & Rugman (2008).
- ⁷² Broadman (2007).
- ⁷³ Vinokurov (2008).
- ⁷⁴ Libman & Vinokurov (2012a).
- ⁷⁵ Evers & Kaiser (2000).
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Bhattacharyay (2010).
- ⁷⁸ Косикова (2008).
- ⁷⁹ Dragneva & De Kort (2007).
- ⁸⁰ Aris (2011).
- ⁸¹ Анализ ШОС в этой книге строится на основе работы: Либман (2006).
- ⁸² Iwashita (2004); Hilpert, Möller, Wacker & Will (2005); Laumulin (2006).
- ⁸³ NewsInfo. 2006. 16 июня.
- ⁸⁴ Molchanov (2009).
- ⁸⁵ Mansfield, Milner & Rosendorff (2002); Mansfield, Milner & Pevehouse (2008); впрочем, существует и противоположная точка зрения, изложенная в: Remmer (1998); Garriga (2009).
- ⁸⁶ Более подробно региональная интеграция с этой точки зрения рассматривается в: Allison (2007; 2008; 2010); Kagan (2008); Collins (2009); Tolstrup (2009); Burnell and Schlumberger (2010); Bader and Kaestner (2010); Kaestner (2010); Ambrosio (2008; 2010); Cameron and Orenstein (2012).
- ⁸⁷ Либман (2009а).
- ⁸⁸ Быков (2009).
- ⁸⁹ Олкотт (2005).
- ⁹⁰ Young (2000); эта работа стала отправной точкой обширной эмпирической литературы с сильно различающимися результатами.
- ⁹¹ Либман и Хейфец (2011).
- ⁹² Mack (1975).
- ⁹³ Rueland (2002); Gilson (2002; 2005).
- ⁹⁴ Qoraboyev (2010).
- ⁹⁵ Soederbaum & Taylor (2008).
- ⁹⁶ Holslag (2010).
- ⁹⁷ Савкович (2006).
- ⁹⁸ Pinnick (2005).
- ⁹⁹ Varabanov (2003).
- ¹⁰⁰ См. Троекурова (2010), Гулидов (2012).

- ¹⁰¹ Davies (2000).
- ¹⁰² Holslag (2010).
- ¹⁰³ Breslin (2000).
- ¹⁰⁴ Винокуров (2007).
- ¹⁰⁵ Функционирование ОЧЭС обсуждается, например, в: Вардомский (2009с); Шевченко и Алексеева (2010).
- ¹⁰⁶ Libman (2011).
- ¹⁰⁷ Рыжова (2009).
- ¹⁰⁸ Семенов (2011); Карлусов и Кудин (2002); впрочем, речь идет о мифе, глубоко укоренном и в сознании региональных элит и населения (Бляхер 2004).
- ¹⁰⁹ Минакир (2009); Шинковский (2004).
- ¹¹⁰ Malesky (2008).
- ¹¹¹ Хейфец и Либман (2011).
- ¹¹² Alesina, Spolaore & Wacziarg (2000).
- ¹¹³ Casella & Weingast (1995).
- ¹¹⁴ Friedman (1977).
- ¹¹⁵ Обзор литературы приводится в работе: Либман (2009б).
- ¹¹⁶ Kaminski, Kholmatov, Mitra & Gael (2010).
- ¹¹⁷ Назарбаев (2011).
- ¹¹⁸ Следующие три главы базируются на цикле отраслевых отчетов Евразийского банка развития, которые посвящены трансграничному сотрудничеству в соответствующих секторах и отраслях. Кроме этого, мы исходим из работ: Винокуров (2008), Винокуров (ред.) (2009) и Абсаметова, Винокуров и Джадралиев (2010).
- ¹¹⁹ Винокуров и др. (2009).
- ¹²⁰ UNCTAD (2009).
- ¹²¹ Подробнее о нефизических барьерах см.: Винокуров (ред.) (2009).
- ¹²² Детали см. в соответствующем обзоре ЕАБР (Джадралиев и др., 2009).
- ¹²³ Самым свежим примером является соглашение, подписанное Пакистаном, Афганистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном 4 августа 2008 года, которое предусматривает строительство к 2014 году ретрансляционной линии «Центральная Азия — Южная Азия 1000» (CASA-1000), соединяющей центральноазиатские страны, расположенные в верхнем течении, с их южноазиатскими соседями.
- ¹²⁴ Винокуров (2010).
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Libman & Vinokurov (2012a); Абсаметова, Винокуров и Джадралиев (2010).
- ¹²⁷ <http://it.tut.by/news/88162.html>.
- ¹²⁸ МТС (2010), официальный сайт компании «Мобильные ТелеСистемы»: www.mts.ru.
- ¹²⁹ Кепман (2010).
- ¹³⁰ ChinaMobile (2010), официальный сайт: www.10086.cn/en/mainland/index.html.
- ¹³¹ Turkcell (2010), официальный сайт: www.turkcell.com.tr/en.
- ¹³² Altimo (2010), официальный сайт: www.altimo.ru.
- ¹³³ Богапов (2009).
- ¹³⁴ <http://www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2010/03/25/384283>.
- ¹³⁵ Шмелев (2006).

- ¹³⁶ Резервирование (также «дублирование») линий: Линии трафика в телекоммуникационных сетях, которые состоят из узлов, соединенных между собой каналами, и имеют сложную топологию, базируются на кратчайших (главных) путях. Резервирование улучшает надежность сети. В случае аварии трафик направляется на параллельные пути.
- ¹³⁷ Коник (2010).
- ¹³⁸ Ростелеком (2010), официальный сайт: www.rt.ru.
- ¹³⁹ Букин (2008).
- ¹⁴⁰ Moldabekov E, Moldabekov M & Vinokurov (2010).
- ¹⁴¹ См.: <http://www.argumenti.ru/politics/2010/03/53576/>.
- ¹⁴² См.: <http://www.profit.kz/news/005554/>.
- ¹⁴³ См.: <http://yaniv.net.ua/publ/1-1-0-2>.
- ¹⁴⁴ Куаншалиев (2008).
- ¹⁴⁵ Shen (2009).
- ¹⁴⁶ Программа «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» (Millennium Ecosystem Assessment) (2005).
- ¹⁴⁷ ЕАБР (2008).
- ¹⁴⁸ Программы Университета штата Орегон по использованию водных ресурсов: <http://osulibrary.oregonstate.edu/digitalcollections/tfdd/>.
- ¹⁴⁹ Cornell (2006).
- ¹⁵⁰ Cornell & Swanstroem (2006).
- ¹⁵¹ Fenopetov (2006).
- ¹⁵² Townsend (2006).
- ¹⁵³ Marat (2006).
- ¹⁵⁴ Lewis (2010).
- ¹⁵⁵ Фурман и Абасов (2001).
- ¹⁵⁶ Панеях (2008).
- ¹⁵⁷ Mattar (2005).
- ¹⁵⁸ Ibid.
- ¹⁵⁹ Salt (2000).
- ¹⁶⁰ Oppong (2009).
- ¹⁶¹ Coker, Atun & McKee (2004).
- ¹⁶² Jackson (2005).
- ¹⁶³ См. также обсуждение в: Косикова (2010в).
- ¹⁶⁴ См., в частности, Назарбаев (2011).
- ¹⁶⁵ Путин (2011).
- ¹⁶⁶ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». Доступен на <http://www.rg.ru/2012/05/09/vn-polit-dok.html>.
- ¹⁶⁷ Tsygankov (2003).
- ¹⁶⁸ Boerzel & van Huellen (2011).
- ¹⁶⁹ Grinberg (2005).
- ¹⁷⁰ Спартак (2011).
- ¹⁷¹ Чернышев (2010).

- ¹⁷² О неизбежности в новых условиях перехода к формату переговоров ТС — ЕС указывается, например, в работе: Оболенский (2011). Кузнецов (2010в) полагает, что взаимодействие между постсоветскими интеграционными группировками и ЕС на уровне региональных организаций в целом возможно, прежде всего, в сфере энергетики.
- ¹⁷³ О перспективах ТС и ШОС в контексте российско-китайского сотрудничества см. Мозиас (2011).
- ¹⁷⁴ Raballand (2005); Всемирный банк (2009).
- ¹⁷⁵ Green (2001); Bartlett (2001); Gleason (2001); Geyikdagi (2005).
- ¹⁷⁶ Allison (2004); Johnson (2004); Spechler & Spechler (2010).
- ¹⁷⁷ Хейфец (2011а)
- ¹⁷⁸ Интересно отметить, что угроза изменения юрисдикции уже используется во внутренних переговорах в российской экономике: например, при обсуждении возможного повышения социального налога в сентябре 2011 года исполнительный вице-президент Российской ассоциации промышленников и предпринимателей Федор Прокопов заявил, что, кроме всего прочего, это может привести к уходу компаний из России в Казахстан, см.: http://infox.ru/business/finances/2011/09/19/Snizhyeniye_socialny.phtml. По состоянию на весну 2012 года уже наблюдаются «первые ласточки» конкуренции юрисдикций. Они касаются в основном предприятий сферы IT и торговли, особенно торговых предприятий, специализирующихся на импорте из Китая. Впрочем, реальный масштаб перетока предприятий пока очень незначителен. В научной литературе данная тема пока обсуждается только в: Хейфец (2011б).
- ¹⁷⁹ Кузьмин (2010).
- ¹⁸⁰ Коммерсантъ. 2010. 4 сентября.
- ¹⁸¹ Неформальная торговля между Китаем и Центральной Азией исследуется Kaminski & Raballand (2009) и Kaminski & Mitra (2010).
- ¹⁸² Попов (2011).
- ¹⁸³ Raballand & Andresy (2007).
- ¹⁸⁴ Kutlay & Dogan (2011).
- ¹⁸⁵ О проблемах, возникающих с точки зрения роста китайского присутствия в Центральной Азии, см. Ларуэль и Пейрус (2010).
- ¹⁸⁶ Janeba (2000).
- ¹⁸⁷ Либман (2004).
- ¹⁸⁸ Libman & Vinokurov (2011).
- ¹⁸⁹ Подробнее см.: Винокуров (2008); Libman & Vinokurov (2012а).
- ¹⁹⁰ Дубнов (2011).
- ¹⁹¹ Alan & Vanerji (2000).
- ¹⁹² Дубнов (2011).
- ¹⁹³ http://en.wikipedia.org/wiki/J._B._S._Haldane.

ПРИЛОЖЕНИЕ

	Населе- ние, млн чел.	ВВП, \$ млрд США	ВВП на душу населения, в \$	ВВП на душу населения по паритету покупательной способности
<i>Европа</i>	534.9	18863.6		
<i>Европейский союз</i>	500.5	17582.8		
Австрия	8.4	419.2	49809.2	41822.0
Бельгия	11.0	513.4	46878.4	37736.9
Болгария	7.4	53.5	7201.9	13597.4
Кипр	0.8	24.9	30570.7	29074.1
Чехия	10.5	215.3	20444.0	27062.2
Дания	5.6	333.2	59928.1	37151.5
Эстония	1.3	22.2	16583.4	20379.8
Финляндия	5.4	266.6	49349.5	36236.0
Франция	63.1	2776.3	44008.2	35156.5
Германия	81.8	3577.0	43741.6	37896.9
Греция	11.2	303.1	27073.4	26293.9
Венгрия	10.0	140.3	14050.0	19591.4
Исландия	0.3	14.0	43088.2	38060.8
Ирландия	4.6	217.7	47512.8	39638.6
Италия	60.6	2198.7	36266.9	30464.4
Латвия	2.2	28.3	12671.3	15662.4
Литва	3.3	42.7	13075.4	18856.2
Люксембург	0.5	58.4	113533.0	80119.1
Нидерланды	16.7	840.4	50355.5	42183.0
Польша	37.9	513.8	13539.8	20334.2

Табл. 1.
Основные ма-
кроэкономиче-
ские показатели
стран и реги-
онов Евразии,
2011 г.

Источник: МВФ,
расчеты авторов

Португалия	10.7	238.9	22413.5	23361.3
Румыния	21.4	189.8	8862.9	12476.5
Словакия	5.4	96.1	17643.5	23303.9
Словения	2.0	49.6	24533.1	28641.6
Испания	46.2	1493.5	32360.1	30625.7
Швеция	9.5	538.2	56956.3	40393.6
Великобритания	62.6	2417.6	38592.1	36089.6
<i>Страны, не входящие в ЕС</i>	34.4	1280.7		
Албания	3.2	12.8	3992.5	7741.4
Босния и Герцеговина	3.9	18.0	4618.1	8133.0
Хорватия (член ЕС с 2013 года)	4.4	63.8	14457.0	18191.7
Косово		6.5		
Македония	2.1	10.3	5015.8	10366.8
Черногория	0.6	4.5	7316.7	11545.5
Норвегия	5.0	483.7	97254.6	53470.7
Сербия	7.4	45.1	6080.5	10642.0
Швейцария	7.8	636.1	81160.6	43369.7
<i>Северная и Центральная Евразия (СНГ)</i>	277.8	2412.1		
Армения	3.3	10.1	3032.8	5384.1
Азербайджан	9.1	62.3	6832.3	10201.6
Беларусь	9.4	55.5	5881.5	15028.3
Грузия	4.5	14.3	3210.3	5491.1
Молдова	3.6	7.0	1969.0	3373.3
Россия	142.4	1850.4	12993.4	16736.0
Украина	45.6	165.0	3621.2	7233.2

<i>Центральная Азия</i>	64.4	261.9		
Казахстан	16.7	178.3	10694.0	13001.4
Кыргызстан	5.5	5.9	1070.0	2372.4
Таджикистан	7.8	6.5	831.0	2066.6
Туркменистан	5.5	25.7	4658.4	7846.4
Узбекистан	28.8	45.4	1572.5	3302.1
<i>Восточная Азия</i>	1558.1	15002.5		
Китай	1348.1	7298.1	5413.6	8382.0
Гонконг	7.1	243.3	34048.9	49137.5
Япония	127.8	5869.5	45920.3	34739.7
Корея	49.0	1116.2	22777.9	31713.7
Монголия	2.8	8.5	3042.2	4743.7
Тайвань	23.2	466.8	20100.5	37719.6
<i>Юго-Восточная Азия</i>	512.2	2235.8		
Бруней	0.4	15.5	36583.8	49384.4
Камбоджа	15.1	12.9	851.5	2215.7
Индонезия	241.0	845.7	3508.6	4666.0
Лаос	6.6	7.9	1203.6	2658.9
Малайзия	28.7	278.7	9699.7	15567.9
Папуа-Новая Гвинея	6.7	12.7	1900.3	2532.2
Филиппины	95.9	213.1	2223.4	4072.9
Сингапур	5.3	259.8	49270.9	59711.2
Таиланд	23.2	466.8	20100.5	37719.6
Вьетнам	89.3	122.7	1374.0	3358.7
<i>Южная Азия</i>	1629.7	2097.1		
Афганистан	31.1	18.2	584.9	956.4

Бангладеш	166.7	113.0	678.0	1693.0
Бутан	0.7	1.5	2121.2	6112.0
Индия	1206.9	1676.1	1388.8	3693.5
Непал	28.5	18.6	652.9	1328.0
Пакистан	175.3	210.6	1201.1	2786.9
Шри-Ланка	20.5	59.1	2877.0	5673.7
<i>Западная Азия</i>	268.8	3107.0		
Бахрейн	1.1	26.1	23132.3	27556.2
Иран	75.9	482.4	6359.8	13053.4
Ирак	32.8	115.4	3512.9	3885.6
Израиль	7.6	242.9	31985.7	30975.1
Иордания	6.3	29.2	4674.7	5899.7
Кувейт	3.7	176.7	47982.4	41690.6
Ливан	4.0	39.0	9862.4	15522.8
Оман	3.1	71.9	23315.5	26519.4
Катар	1.8	173.8	98329.5	102943.3
Саудовская Аравия	28.2	577.6	20504.4	24237.4
Сирия	Н.св.	Н.св.	Н.св.	Н.св.
Турция	74.0	778.1	10521.8	14517.4
Объединенные Арабские Эмираты	5.4	360.1	67008.0	48157.8
Йемен	25.1	33.7	1340.0	2306.7
<i>Евразия в целом:</i>	4786.0	43732.5		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Abu-Lughod, J. L. (1989) *Before European Hegemony. The World System A. D. 1250–1350*. New York, Oxford: Oxford University Press.

ADB (2011) *Asia in 2050. Realizing the Asian Century*. Available at: www.emergingmarketsforum.org/wp-content/uploads/2011/08/Overview-0503E.pdf.

Alan, A., and Banerji, A. (2000) Uzbekistan and Kazakhstan: A Tale of Two Transition Paths. *World Bank Policy Research Working Paper*, No. 2472.

Alesina, A., Spolaore, E., and Wacziarg R. (2000) Economic Integration and Political Disintegration. *American Economic Review*. Vol. 90.

Allison, R. (2004) Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia. *International Affairs*, 80.

Allison, R. (2007) Blockaden und Anreize: Autoritarismus und regionale Kooperation. *Osteuropa*. Bd.58. S. 257–275.

Allison, R. (2008): Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia. *Central Asian Survey*. Vol.27. P. 185–202.

Allison, R. (2010) Virtual Regionalism and Protective Integration in Central Asia. *Eurasian Perspectives: In Search for Alternatives*. Kolkata: Shipra Publications. P. 29–48.

Ambrosio, T. (2008) Catching the Shanghai Spirit: How the Shanghai Cooperation Organization Promotes the Authoritarian Norms in Central Asia. *Europe-Asia Studies* 60 (8): 1321–1344.

Ambrosio, T. (2010) Constructing a Framework of Authoritarian Diffusion: Concepts, Dynamics, and Future Research. *International Studies Perspective*, 11, 375–92.

Andreff, V. (2002) The New Multinational Corporations from Transition Countries. *Economic Systems*, 26 (4): 371–379.

Andreff, V. (2003) The Newly Emerging TNCs from Economies in Transition: A Comparison with Third World Outward FDI. *Transnational Corporations*, 12 (2).

Aris, S. (2011) *Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organization*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.

Bader, J., and Kaestner, A. (2010) Mehr Autokratie wagen? Russland und China als Konkurrenten westlicher Demokratiefoerderer. *Internationale Politik*, Jg. 65, Nr. 3, S. 32–36.

- Bailes, A. J. K., Dunay, P., Guang, P., Troitsky M. (2007) The Shanghai Cooperation Organization. *SIPRI Policy Paper*, No. 17.
- Baldwin, R. (2006) Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade. *World Economy*, 29 (11): 1451–1518.
- Barabanov, O. (2003) Greater Altai: A Proposed Alliance of the Regions Bordering Central Asia and Siberia. *Russian Regional Perspectives Journal*, 1 (2).
- Bartlett, D. L. (2001) Economic Development in the Newly Independent States: The Case for Regionalism, *European Journal of Development Research*, 13, 135–153.
- Bellabona, P., and Spigarelli, F. (2007) Moving from Open Door to Go Global: China Goes on the World Stage. *International Journal of Chinese Culture and Management*, 1 (1).
- Bhattacharyay, B. N. (2010) Institutions for Asian Connectivity. *ADB Working Paper*, No. 220.
- Bienen, M. J., Burger, M. J., van Oort, F. G. (2010) The Geography of Chinese and Indian Greenfield Investments in Europe. *Eurasian Geography and Economics*, 51 (2): 254–273.
- Blatter, J. K. (2001) Debordering the World of States: Towards a Multi-Level System in Europe and a Multi-Polity System in North America? Insights from Border Regions. *European Journal of International Relations*. Vol. 7. No. 2.
- Boerzel, T. A., van Huellen, V. (2011) Good Governance and Bad Neighbors? The Limits of the Transformative Power of Europe. *KFG Working Paper*, No. 35.
- Braude, F. (1992) *The Perspective of the World*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Breslin, S. (2004) *Foreign Direct Investment in China: What the Figures Don't Tell Us*. Mimeo.
- Breslin, S. (2004a) Greater China and the Political Economy of Regionalization. *East Asia*, 21 (1).
- Breslin, S. (2000) Decentralization, Globalization and China's Partial Re-engagement with the Global Economy. *New Political Economy*, 5 (2): 205–226.
- Brienen, M. J., Burger, M. J., and van Oort, F. G. (2010) The Geography of Chinese and Indian Greenfield Investments in Europe. *Eurasian Geography and Economics*, 51 (2).
- Broadman, H. G. (2007) *Africa's Silk Road: China's and India's New Economic Frontier*. World Bank.
- Broadman, H. G. (ed., 2005) *From Disintegration to Reintegration: Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade*. World Bank.

- Buckley, P. J., Clegg, L. J., Cross, A. R., Liu, X., Voss, H., and Zheng, P. (2007) The Determinants of Chinese Outward Foreign Direct Investment. *Journal of International Business Studies*, 38 (4): 499–518.
- Bugajski, J. (2008) *Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions*. CSIS.
- Bulatov, A. S. (1998) Russian Direct Investments Abroad: Main Motivation in the Post-Soviet Period. *Transnational Corporations*, 7 (1).
- Burnell, P., and Schlumberger, O. (2010) Promoting Democracy – Promoting Autocracy? International Politics and National Political Regimes. *Contemporary Politics*, 16, 1–15.
- Buzan, B. and Waeber, O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Byrd, W., and Raiser M. (2006) Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region. *World Bank Working Paper*, No. 75.
- Caiser, T. (2007) The Clash of Integration Processes? The Shadow Effect of the Enlarged EU on its Eastern Neighbours. *The CIS, the EU and Russia: Challenges of Integration*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
- Cameron, D. R., Orenstein, M. (2012) Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its Near Abroad. *Post-Soviet Affairs*, Vol. 28. No. 1. P. 1–44.
- Camroux, D. (2010) Interregionalism or Merely a Fourth-Level Game? An Examination of the EU-ASEAN Relationship. *East Asia*, 27:57.
- CAREC (2009) *Implementation of the Transport and trade Facilitation Strategy – Transport Sector Progress report* (January 2008–October 2009). 8th Ministerial Conference on Central Asia regional Economic Cooperation, October 2009, Ulaanbaator, Mongolia.
- Casella, A., Weingast, B. R. (1995) Elements of a Theory of Jurisdictional Change. *Politics and Institutions in an Integrated Europe*. Springer.
- Chase-Dunn, C., Anderson, E. N. (eds., 2005) *The Historical Evolution of World-Systems*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
- Chaudhuri, K. N. (1985) *Trade and Civilization in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750*. Cambridge University Press.
- Cheng, L. K., and Zihui, Ma (2007) *China's Outward FDI: Past and Future*. Mimeo.
- Cheung, Y. W., de Haan, J., Qian, X., Yu, S. (2012a) China's Investments in Africa. *The Evolving Role of China in the Global Economy*. 2010 CESifo Venice Summer Institute Conference Volume.
- Cheung, Y. W., de Haan, J., Qian, X., Yu, S. (2012b) China's Outward Direct Investment in Africa. *Review of International Economics* 20 (2): 201–220.

- Cheung, Y. W., Qian, X. (2009) Empirics of China's Outward Direct Investment. *Pacific Economic Review* 14 (3).
- Chung, C. P. China and the Institutionalization of the Shanghai Cooperation Organization. *Problems of Post-Communism*. Vol. 53. No. 5. P. 3–14.
- Clark, S. E. (2002) *Spatial Concepts and Cross Border Governance Strategies: Comparing North American and Northern Europe Experience*. Mimeo.
- Coker, R. J., Atun, R. A., and McKee, M. (2004) Healthcare System Frailties and Public Health Control of Communicable Disease on the European Union's New Eastern Borders. *Lancet*, 363 (9418).
- Collins, K. (2009) Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes. The Case of Central Asia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 61. P. 249–281.
- Collinson, S., and Rugman, A. M. (2008) The Regional Nature of Japanese Multinational Business. *Journal of International Business Studies*, 39:215–230.
- Cornell, S. E. (2006) The Narcotics Threat in Greater Central Asia: From Crime-Terror Nexus to State Infiltration. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4 (1).
- Cornell, S. E., and Swanstroem, N. L. P. (2006) The Eurasian Drug Trade: A Challenge to Regional Security. *Problems of Post-Communism*, 53 (4).
- Curtin, Philip D. (1984) *Cross-Cultural Trade in World History*. Cambridge University Press.
- D'Anieri, P. (1997) International Cooperation among Unequal Partners: The Emergence of Bilateralism in the Former Soviet Union. *International Politics*, 34: 417–448.
- Davies, I. (2000) Regional Co-operation in Northeast Asia: The Tumen River Area Development Program, 1990–2000: In Search of a Model for Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. *North Pacific Policy*, Papers № 4.
- De Melo, Panagariya, A., and Rodrik, D. (1993) The New Regionalism: A Country Perspective. *New Dimensions in Regional Integration*, Cambridge: Cambridge University Press. ch.6. pp.159–193.
- De Sousa, J., Lamotte, O. (2007) Does Political Disintegration Lead to Trade Disintegration: Evidence from Transition Countries. *Economics of Transition*. Vol. 15. No. 4.
- Dobson, W., and Yue, C. S. (eds., 1997) *Multinationals and East Asian Integration*. Ottawa: IDRC/ISEAS.
- Dragneva, R., and De Kort, J. (2007) The Legal Regime for Free Trade in the Commonwealth of Independent States. *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 56. No. 2.

Elenkov, D. (1995) Russian Aerospace MNCs in Global Competition. *Columbia Journal of World Business*, 30 (2).

Emerson, M., Vinokurov, E. (2009) Optimisation of Central Asian and Eurasian Trans-Continental Land Transport Corridors. *EUCAM Working Paper*, no. 7. CEPS: Brussels. Available at: www.ceps.eu/book/optimisation-central-aisan-and-eurasian-trans-continental-land-transport-corridors.

European Commission (2007) Extension of the Major trans-European Transport Axes to the Neighbouring Countries – Guidelines for transport in Europe and neighbouring regions. *COM*, 32.

European Commission (2008) *TEN-T – Trans-European Transport Projects – Implementation of the Priority Projects Progress Report*, May 2008.

Evers, H.-D., and Kaiser, M. (2000) Two Continents, One Area: Eurasia. *Bielefeld Sociology of Development Research Center Working Paper*, No. 328.

Fenopetov, V. (2006) The Drug Crime Threat to Countries Located on the ‘Silk Road’. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4 (1).

Fidrmuc, J., and Fidrmuc, J. (2003) Disintegration and Trade. *Review of International Economics*, 11, 5: 811–826.

Filippov, S. (2010) Russian Companies The Rise of New Multinationals. *International Journal of Emerging Markets*, Vol. 5. No. 3–4.

Filippov, S., and Saebi, T. (2008) Europeanization Strategy of Chinese Companies: Its Perils and Promises. *UNU-WIDER Working Paper*, No. 55.

Findlay, R., O’Rourke, K. H. (2007) *Power and Plenty: Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton: Princeton University Press.

Foltz, R. C. (1999) *Religions on the Silk Road: Overland Trade and Cultural Exchange from Antiquity to the Fifteenth Century*. NY: St. Martin’s Press.

Foxley, A. (2010) *Regional Trade Blocs. The Way to the Future?* Carnegie Endowment for International Peace.

Frank, A. G., Gills, B. K. (eds, 1993.) *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London: Routledge.

Frank, A. G. (1992) The Centrality of Central Asia. *Studies in History*, 8 (1): 43–97.

Frank, A. G. (1998) *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Frankel, J. A., Stein, E., and Wei, S.-J. (1998) Continental Trading Blocs: Are They Natural or Supernatural? *The Regionalization of the World Economy*. U Chicago Press.

- Fратиани, M., and Marchionne, F. (2009) The Limits to Integration. *MoFIR Working Paper*, no. 20.
- Freeman, C. W. (2011) The Challenges of Asia. *The Washington Note*, Feb. 21.
- Friedman, D. A. (1977) Theory of the Size and Shape of Nations. *Journal of Political Economy*. Vol. 85.
- Gao, T. (2005) Foreign Direct Investments from Developing Asia: Some Distinctive Features. *Economics Letters* 86: 29–35.
- Garcia-Herrero, A., and Santabarbara, D. (2007) Does China have an Impact on Foreign Direct Investments to Latin America? *China Economic Review*, 18 (3).
- Garriga, A. C. (2009) Regime Type and Bilateral Treaty Formalization: Do Too Many Cooks Spoil the Soup? *Journal of Conflict Resolution*. 2009. Vol. 53. No. 5. P. 698–726.
- Geyikdagi, N. V. (2005) Regional Integration in Central Asia. *Journal of Asia Pacific Business*, 6, 61–75.
- Gilson, J. (2002) Defining Inter-Regionalism: The Asia-Europe Meeting. *SEAS Electronic Working Paper*, No. 1, Vol. 1.
- Gilson, J. (2005) New Interregionalism? The EU and East Asia. *European Integration*, 27 (3), 307–326.
- Gleason, A. (2010) Eurasia: What Is It? Is It? *Journal of Eurasian Studies*, 1 (1), 26–32.
- Gleason, G. (2001) Inter-State Cooperation in Central Asia: from the CIS to the Shanghai Forum. *Europe-Asia Studies*, 53, 1077–1095.
- Gleason, G. (2003) The Centrality of Central Eurasia. *Central Eurasian Studies Review*, 2 (1), 2–6.
- Golovnin, M., Libman A., Ushkalova D., and Yakusheva A. (2011) *Is the USSR Dead? Experience from the Global Financial and Economic Crisis 1997–1999*. Mimeo.
- Gomez, D. M., Ortega G. J., and Torgler B. (2011) Measuring Globalization: A Hierarchical Network Approach. *CREMA Working Paper*, No. 11.
- Green, D. J. (2001) Regional Co-operation Policies in Central Asia. *Journal of International Development*, 13, 1151–1164.
- Grinberg, R. (2005) *Russia in the Post-Soviet Space: Search for Rational Behaviour and Prospects of Economic Integration*. UNECE Spring Seminar on “Financing for Development in the ECE Region: Promoting Growth in Low-income Transition Economies”, Geneva.
- Guillou, A. (1974) *La Civilisation Byzantine*. Arthaud.

- Gunn, G. (2003) *First Globalization. The Eurasian Exchange 1500–1800*. Rowman and Littlefield.
- Hanson, P. (2010) *Russia's Inward and Outward Foreign Direct Investment: Insights into the Economy*. Eurasian Geography and Economics. Vol. 51. No. 5.
- Harris, R. (2009) The Institutional Dynamics of Early Modern Eurasian Trade: The Commenda and the Corporation. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 71 (3), 606–622.
- He, B. (2004) East Asian Ideas of Regionalism: A Normative Critique. *Australian Journal of International Affairs*, 58 (1):105–125.
- Heinrich, A. (2003) Globale Einflüsse und die Corporate Governance des russischen Erdöl- und Erdgassektors. *Arbeitspapiere der Forschungsstelle Osteuropa Bremen*, 46.
- Hellman, J., Jones, G., and Kaufmann, D. (2000) *Are Foreign Investors and Multinationals Engaging in Corrupt Practices in Transition Economies?* Transition, May-June-July.
- Hilpert, H. G., Möller, K., Wacker, G., Will, G. (2005) China 2020: Perspektiven für das internationale Auftreten der Volksrepublik. *SWP Studies*, 32, Okt.
- Hoffmann, E. (2010) Eurasia between Cultural Studies and Marketing. *Journal of Eurasian Studies*, 1 (2), 119–126.
- Holslag, J. (2010) China's Road to Influence. *Asian Survey*, 50 (4), 641–662.
- Hourani, G. F. (1951/1995) *Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times*. Princeton University Press, p. 61.
- ITU (2010) *Measuring the Information Society*. Geneva, Switzerland. International.
- Iwashita, A. (2004): The Shanghai Cooperation Organization and Its Implications for Eurasian Security: A New Dimension of Partnership after the Cold War Period. *Slavic Eurasian Studies*, No. 2.
- Jackson, N. J. (2005) The Trafficking of Narcotics, Arms and Humans in Post-Soviet Central Asia: (Mis) Perceptions, Policies and Realities. *Central Asian Survey*, 24 (1).
- Janeba, E. (2000) Tax Competition when Governments Lack Commitment: Excessive Capacity as a Countervailing Threat. *American Economic Review*, 90, 1508–1519.
- Jenkins, R., Peters, E. D., and Moreira, M. M. (2008) The Impact of China on Latin America and the Caribbean. *World Development*, 36 (2).
- Johnson, L. (2001) *Russia and Central Asia. Central Asian Security: The New International Context*. London: Royal Institute of International Affairs.

- Junisbai, B. (2010) A Tale of Two Kazakhstans: Source of Political Cleavage and Conflict in the Post-Soviet Period. *Europe-Asia Studies*, Vol. 62. No. 2.
- Kaestner, A. (2010) Russia: Supporting Non-Democratic Tendencies in the Post-Soviet Space? *DIE Briefing Paper*, No. 2/2010.
- Kagan, R. (2008) *The Return of History and the End of Dreams*. New York: Knopf.
- Kaiser, M. (2012) *Eurasia in the Making – Revival of the Silk Road*. Bielefeld. Transcript Verlag, 2012.
- Kaiser, M. (2001) *Eurasien: Neo-imperialischer Diskurs oder gesellschaftliche Realitaet?* Bielefeld Sociology of Development Research Center.
- Kalotay, K., and Sulstarova, A. (2010) Modelling Russian Outward FDI. *Journal of International Management*, Vol. 16.
- Kaminski, B. and Mitra, S. (2010) *Skeins of Silk: Borderless Bazaars and Border Trade in Central Asia*. Washington: World Bank.
- Kaminski, B. and Raballand, G. (2009) Entrepot for Chinese Consumer Goods in Central Asia: The Puzzle of Re-Export through Kyrgyz Bazaars. *Eurasian Geography and Economics*, 50 (5), 581–590.
- Kaminski, B., Kholmatov, M., Mitra, S., and Raballand, G. (2010): “Asiaregio”: An Institutional Model to Deepen Integration in Central Asia’s Border Regions. *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2 (3), 347–360.
- Karhunen, P., and Ledyeva, S. (2011) *Corruption, Democracy, and Location Decisions of Foreign Firms Across Russia*. Mimeo.
- Prajakti, K., and Varadzhakov, S. (2011) *The Customs Union between Russia, Kazakhstan and Belarus: First Step Towards the Revival of the Silk Road*. Mimeo.
- Kavalski, E. (2011) Coming to Terms with the Complexity of External Agency in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, 2, 21–29.
- Kimura, F. (1998) Japanese Multinationals and Regional Integration in Asia. *Asia & Europe: Beyond Competing Regionalism*. Brighton: Sussex University Press.
- Kolstad, I., and Wiig, A. (2009) What Determines Chinese Outward FDI? *CMI Working Paper*, No. 3.
- Kolsto, P. (2011) Beyond Russia, Becoming Local: Trajectories of Adaptation to the Fall of the Soviet Union among Ethnic Russians in the Former Soviet Republics. *Journal of Eurasian Studies*, 2, 153–163.
- Kotkin, S. (2007) Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space. *Kritika*, 8 (3), 487–531.
- Krugman, P. (1991) The Move Towards Free Trade Zones. *Policy Implications of Trade and Currency Zones*. Wyoming: Federal Reserve Bank of Kansas City.

- Kurmanalieva, E., and Vinokurov, E. (2011) Spaghetti, Noodles, and Lapsha in Eurasia: Results of Gravity Regression for Eurasian Supercontinent. *EDB Eurasian Integration Yearbook 2011*. Almaty: EDB.
- Kutlay, M., and Dogan S. (2011) Turkey and Central Asia: Modern Economic Linkages along the Silk Road. *Revue Analyse Financiere*, Q1 2011.
- Kuznetsov, A. (2010) *Industrial and Geographical Diversification of Russian Foreign Direct Investments*. Turku School of Economics, Pan-European Institute, Electronic Publication No. 7.
- Laruelle, M. (2008) *Russian Eurasianism. An Ideology of Empire*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Laumulin, M. (2005) The Shanghai Cooperation Organization as “Geopolitical Bluff”? A View from Astana. *IFRI Working Paper*, July.
- Lewis, D. (2010) High Times on the Silk Road: The Central Asian Paradox. *World Policy Journal*, 27 (1).
- Lewis, M. W., and Wigen, K. E. (1997) *The Myth of Continents: A Critique of Meta-Geography*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Li, P. P. (2007) Toward an integrated theory of multinational evolution: The evidence of Chinese multinational enterprises as latecomers. *Journal of International Management*, 13.
- Libman, A., and Ushkalova, D. (2009) Post-Soviet Countries in Global and Regional Institutional Competition: The Case of Kazakhstan. *MPRA Working Paper*, No. 12595.
- Libman, A. (2007) Regionalization and Regionalism in the Post-Soviet Space: Current Status and Implications for Institutional Development. *Europe-Asia Studies*, 59, 3, 401–430.
- Libman, A. (2007) Institutional Competition in the Post-Soviet Space. *MPRA Working Paper*, No. 10936.
- Libman, A. (2011) Russian Federalism and Post-Soviet Integration: Divergence of Development Paths. *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 8.
- Libman, A., and Vinokurov, E. (2011) Is It Really Different? The Patterns of Regionalisation in the Post-Soviet Central Asia. *Post-Communist Economies*, 23,4, 469–492.
- Libman, A., and Vinokurov, E. (2012a) *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration*. Basingtoke: Palgrave MacMillan.
- Libman, A., and Vinokurov, E. (2012b) Post-Soviet Integration and the Interaction of Functional Bureaucracies. *Review of International Political Economy*, forthcoming.

- Libman, A., and Vinokurov, E. (2012c) Regional Integration and Economic Convergence in the Post-Soviet Space: Experience of the Decade of Growth. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 50, No. 1.
- Linn, J. and Tiomkin, D. (2007) Economic Integration of Eurasia: Opportunities and Challenges of Global Significance. *Europe After Enlargement*. New York: Cambridge University Press.
- Linn, J. F. and Tiomkin, D. (2006) The New Impetus towards Economic Integration Between Europe and Asia. *Asia Europe Journal*, 4 (1): 31–41.
- Liu, X., Buck, T., and Shu, C. (2005) Chinese Economic Development, the Next Stage: Outward FDI? *International Business Review*, 14: 97–115.
- Llorka-Vivero, R., Martinez-Serrano, J. A., Gil-Pareja, S. (2008) *Continental Bias in Trade*. Mimeo.
- Low, L., Ramstetter, E. D., and Wai-Chung, Yeung H. (1996) Accounting for Outward Direct Investment from Hong Kong and Singapore: Who Controls What? *NBER Working Paper*, No. 5858.
- Mack, A. (1975) Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict. *World Politics*, 27 (2):157–200.
- Maddison, A. (2003) *Contours of the World Economy, 1–2030 AD*. Oxford: Oxford University Press.
- Malesky, E. J. (2008) Straight Ahead on Red: How Foreign Direct Investment Empowers Subnational Leaders. *Journal of Politics*, 70 (1), 97–119.
- Mansfield, E. D., Milner, H. V., Pevehouse, J. C. (2008) Democracy, Veto Players and the Depth of Regional Integration. *World Economy*, Vol. 31, No.1, pp. 67–96.
- Mansfield, E. D., Milner, H. V., Rosendorff P. B. (2002) Why Democracies Cooperate More: Electoral Control and International Trade Agreements. *International Organization*, Vol. 56, pp. 477–513.
- Marat, E. (2006) Impact of Drug Trade and Organized Crime on State Functioning in Kyrgyzstan and Tajikistan. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4 (1).
- Mattar, M. Y. (2005) State Responsibilities in Combating Trafficking in Persons in Central Asia. *International and Comparative Law Review*, Vol. 27.
- Mayes, D. G., and Korhonen, V. (2007) The CIS – Does the Regional Hegemon Facilitate Monetary Cooperation. *BOFIT Discussion Paper*, No. 17.
- McNeill, W. H. (1976) *Plagues and Peoples*. Garden City, New Jersey: Anchor Books.
- Millennium Ecosystem Assessment (2005) *Ecosystems and Human Well-being: Synthesis*. Washington: Island Press.

- Molchanov, M. (2006) Russia's Partnership with China: Oil Politics and Security. *Global Perspectives on Oil and Security*. Halifax: Centre for Foreign Policy Studies.
- Molchanov, M. (2009) *Regionalization from Above: Russia's Asia „Vector“ and the State-Led Regionalism in Eurasia*. Mimeo.
- Molchanov, M., and Yevdokimov, Y. (2005) The European Union versus Russia: Evaluating Attractiveness of Inter-State Cooperation in the Post-Soviet Space. *International Research on Global Affairs*. Athens: Athens Institute for Education and Research.
- Moldabekov, E., Moldabekov, M., Vinokurov, E. (2010) Economic Cooperation in the CIS Space Industry. *EDB Industry Report*, no.8. Almaty: EDB.
- Notling, N., Swanstroem, N. (2008) The Shanghai Cooperation Organization, Trade, and the Roles of Iran, India and Pakistan. *Central Asian Survey*, Vol. 26. No. 3, pp. 429–444.
- Nygren, B. (2008) *The Rebuilding of Greater Russia: Putin's Foreign Policy Towards the CIS Countries*. Abingdon: Routledge.
- O'Rourke, K. H., and Williamson, J. G. (2002) When Did Globalization Begin? *European Review of Economic History*, 6: 23–50.
- Olcott, M. B., Aslund, A., Garnett, S. (1999) *Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.
- Oppong, J. R. (2009) *Communicable Diseases, Globalization of. International Encyclopedia of Human Geography*.
- Peng, D. (2000) Ethnic Chinese Business Networks and the Asia-Pacific Economic Integration. *African and Asian Studies*, Vol. 35, No. 2.
- Peng, D. (2002) Invisible Linkages: A Regional Perspective of East Asian Political Economy. *International Studies Quarterly*, 46, pp. 423–447.
- Perkmann, M. (2003) Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Co-Operation. *European Urban and Regional Studies*, Vol. 10, No. 2.
- Pinnick, K. (2005) The Greater Altai Initiative: Cross-Border Cooperation on Russia's Southern Periphery. *Regional and Federal Studies*, 15 (3), 379–399.
- Pomeranz, K. (2000) *The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the World Economy*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- Powell, B., Stringham E. P. (2009) Public Choice and the Economic Analysis of Anarchy: A Survey. *Public Choice*, Vol. 140, No. 3–4.
- Qoraboyev, I. (2010) From Central Asian Regional Integration to Eurasian Integration Space? The Changing Dynamics of Post-Soviet Regionalism. *EDB Eurasian Integration Yearbook*, pp. 206–232.

- Raballand, G., Andresy, A. (2007) Why Should Trade Between Central Asia and China Continue to Expand? *Asia Europe Journal*, 5 (2): 235–252.
- Raballand, G., Kunth, A., Richard, A. (2005) Central Asia's Transport Burden and Its Impact on Trade. *Economic Systems*, 29: 6–11.
- Rauch, J. E., and Trindade, V. (2002) Ethnic Chinese Networks in International Trade. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 84. No. 1.
- Remmer, K. L. (1998) Does Democracy Promote Interstate Cooperation? Lessons from the Mercosur Region. *International Studies Quarterly*, Vol. 42. No. 1, pp. 25–51.
- Rueland, J. (2002) *Inter- and Transregionalism: Remarks on the State of the Art of a New Research Agenda*. Mimeo.
- Rugman, A. (2005) *The Regional Multinationals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ryabchuk, M. (2001) In Bed with an Elephant: Cultural Wars and Rival Identities in Contemporary Ukraine. *Reuters Foundation Paper*, No.159.
- Salt, J. (2000) Trafficking and Human Smuggling: A European Perspective. *International Migration*, No.1.
- Sangmoon, K., Shin, E. H. (2002) A Longitudinal Analysis of Globalization and Regionalization in International Trade: A Social Network Approach. *Social Forces*, Vol. 81, No. 2.
- Sethi, D. (2009) Are Multinational Enterprises from Emerging Markets Global, Local or Regional? *European Management Journal*, Vol. 27.
- Shen, J. (2009) COMPASS/Beidou-China's GNSS. Rome, Italy. June 11.
- Shlapentokh, D. (2007) Dugin, Eurasianism, and Central Asia. *Communist and Post-Communist Studies*, 40 (2): 143–156.
- Skolkovo (2009) Global Expansion of Emerging Multinationals: Post-Crisis Adjustment. *SKOLKOVO Monthly Briefing*, No.5.
- Skolkovo (2009a) Operational Challenges facing Emerging Multinationals from Russia and China. *SKOLKOVO Monthly Briefing*, No. 6.
- Soederbaum, F., Taylor, I. (2008) *Afro-Regions: The Dynamics of Cross-Border Micro-Regionalism in Africa*. Uppsala: Nordic Africa Institute.
- Soederbaum, F., Stalgren, P., and van Langenhove, L. (2005) The EU as a Global Actor and the Dynamics of Interregionalism: A Comparative Analysis. *Journal of European Integration*, 27 (3).
- Spechler, M. C., and Spechler, D. R. (2010) Is Russia Succeeding in Central Asia. *Orbis*, 54, 615–629.

- Sushko, O. (2004) The Dark Side of Integration: Ambitions of Domination in Russia's Backyard. *Washington Quarterly*, 27 (2): 119–131.
- Tachiki, D. (2005) Between Foreign Direct Investments and Regionalism: The Role of Japanese Production Networks. *Remapping East Asia: The Construction of a Region*. Ithaca: Cornell University Press.
- Tolentino, P. E. (2008) The Determinants of the Outward Foreign Direct Investment of China and India: Whither the Home Country. *UNU-MERIT Working Paper*, No. 49.
- Tolstrup, J. (2009) Studying a Negative External Actor: Russia's Management of Stability and Instability in the 'Near Abroad'. *Democratization*, Vol. 16, No. 5.
- Townsend, J. (2006) The Logistics of Opiate Trafficking in Tajikistan, Kyrgyzstan and Kazakhstan. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4 (1).
- Trenin, D. (2002) *The End of Eurasia: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.
- Trenin, D. (2011) *Post-Imperium: A Eurasian Story*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.
- Tsygankov, A. (2006) If Not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy. *Europe-Asia Studies*, Vol. 58, No. 7.
- Tsygankov, A. (2003) Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-Up. *Communist and Post-Communist Studies*, 36 (1), pp. 101–127.
- Tsygankov, A. (2012) The Heartland No More: Russia's Weakness and Eurasia's Meltdown. *Journal of Eurasian Studies*, 3 (1): 1–9.
- Turchin, P. (2007) Modeling Periodic Waves of Integration in the Afro-Eurasian World-System. *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*. New York: Routledge.
- Uffelmann, D. (2011) Post-Russian Eurasia and the proto-Eurasian Usage of the Runet in Kazakhstan: A Plea for a Cyberlinguistic Turn in Area Studies. *Journal of Eurasian Studies*, 2 (2): 172–183.
- UNCTAD (2009) *Review of Maritime Transport*. New York: UNCTAD.
- UNDP (2006) Beyond Scarcity: Power, Poverty and the Global Water Crisis. *Human Development Report*.
- UNECA (2006) *Assessing Regional Integration in Africa II. Rationalizing Regional Economic Communities*. Addis Ababa: UN Economic Commission for Africa.
- UNESCAP (1996) *Trans-Asian Railway Route Requirements: Feasibility Study on Connecting the Rail Networks of China, Kazakhstan, Mongolia, the Russian Federation and the Korean Peninsula*. New York.: UNESCAP.

- UNESCAP (2007) Regional Shipping and Port Development. *Container Traffic Forecast*. New York: UNESCAP.
- UNO (1993) *Transnational Corporations from Developing Countries: Impact on Their Home Countries*. New York.: UNO.
- Urata, S., Sasuya, J. (2007) An Analysis of the Restrictions on Foreign Direct Investment in Free Trade Agreements. *RIETI Discussion Paper*, 07-E-018.
- Vahtra, P. (2005) Russian Investments in the CIS – Scope, Motivation and Leverage. Turku School of Economics and Business Administration. *Pan-European Institute*, No. 9.
- van Leur, J. C. (1955) *Indonesian Trade and Society: Essays in Asian Social and Economic History*. The Hague and Bandung: W. van Hoeve.
- Vaubel, R. (2008) *A History of Thought on Institutional Competition*.
- Viner, J. (1950) *The Customs Union Issue*. Carnegie Endowment for International Peace, pp. 41–55.
- Vinokurov, E., Libman, A. (2012) *Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism*. Basingtoko: Palgrave MacMillan.
- von Hagen, M. (2004) Empires, Borderlands, and Diasporas: Eurasianism as an Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era. *American Historical Review*, 109/2: 445–68.
- Wallander, C. A. (2007) Russian Transimperialism and Its Implications. *Washington Quarterly*, Vol. 30, No. 2, pp. 107–122.
- Wallerstein, I. (1980) *The Modern World-System*. Volume 2. New York: Academic Press.
- World Bank (2009) *World Development Report 2009. Reshaping Economic Geography*. IBRD: Washington.
- World Bank (2011) *Migration and Remittances Factbook 2011*. Washington: World Bank.
- World Bank, Eurasian Development Bank (2009) *Central Asia in 3-D*. Available at www.eabr.org/eng/publications.
- Wu, Shih-Ying (2006) Corruption and Cross-Border Investment by Multinational Firms. *Journal of Comparative Economics*, 34 (4): 893–856.
- Yeung, Henry Wai-Chung (1999) *The Internationalization of Ethnic Chinese Business Firms from Southeast Asia: Strategies, Processes and Comparative Advantages*.
- Young, A. (2000) The Razor's Edge: Distortions and Incremental Reform in the People's Republic of China. *Quarterly Journal of Economics*, 115 (4): 1091–135.

Zanden, J. L. (2007) *Economic Growth in a Period of Political Fragmentation: Western Europe 900–1300*. Mimeo.

Абсаметова А., Винокуров Е., Джадралиев М. (2010) Интеграционные процессы в телекоммуникационном секторе СНГ. *Отраслевой обзор ЕАБР* №9. Доступен на http://www.eabr.org/general/upload/docs/publication/analyticalreports/full_version_9_rus.pdf.

Александров Ю. (2006) Стратегия развития для Востока России (Останется ли Дальний Восток российским?). *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность*, №3.

Ариф М. (2007) Региональная интеграция: Альтернативы для российского Дальнего Востока. *Пространственная экономика*, №3.

Беляева И., Эскиндаров М. (1998) *Капитал финансово-промышленных корпоративных структур: теория и практика*. Москва: Финансовая академия при правительстве Российской Федерации.

Бляхер Л. (2004) Политические мифы Дальнего Востока. *ПОЛИС*, №5.

Богапов Г. (2009) «Киевстар» и Beeline: Слияние. Доступно на: <http://itnews.com.ua/analitics/226.html>.

Богданов А., Сухаров С. (2004) СНГ: вторая Россия. *Ежемесячный обзор рынка Альфа-Банка*, ноябрь.

Борисов А. (2005) Российский бизнес за рубежом. *Международная жизнь*, №2.

Букин М. (2008) Космические связи. *PC Week*, №21.

Буторина О. (2005) Понятие региональной интеграции: новые подходы. *Космополис*, №3.

Быков А. (2004) Россия и евразийская интеграция в условиях глобализации. *Проблемы прогнозирования*, №4.

Быков А. (2009) *Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации*. Москва: Алетея.

Вардомский Л. (2008а) Приграничное сотрудничество на «новых» и «старых» границах России. *Евразийская экономическая интеграция*, №1.

Вардомский Л. (2009а) Размышления об ОЧЭС и роли в ней России. *Мир перемен*, №1.

Вардомский Л. (2009б) Российское порубежье в условиях глобализации. Москва: ЛИБРОКОМ.

Вардомский Л. (2008б) Россия в мировых процессах регионализации. *Россия и современный мир*, №3.

Вардомский Л. (2009с) Россия и постсоветская регионализация. *Россия и современный мир*, №3.

Винокуров Е. (2007) *Экономическая специализация Калининградской области*. Калининград: Терра Балтика. Доступно на http://www.vinokurov.info/assets/files/Kaliningrad_rus_2007.pdf.

Винокуров Е. (2008) Общие электроэнергетические рынки СНГ. *Отраслевой обзор ЕАБР* №3. Алматы: ЕАБР. Доступно на http://www.eabr.org/general/upload/docs/publication/analyticalreports/EABR_III_obzor_rus.pdf.

Винокуров Е. (2010) От постсоветской к евразийской интеграции. *Евразийская экономическая интеграция*, №3 (8), август, 3–4. Доступно на http://www.eabr.org/general/upload/docs/publication/magazine/no4_2011/n4_2011_1.pdf.

Винокуров Е. (ред.) (2009) *Система индикаторов евразийской интеграции*. Алматы: ЕАБР. Доступно на http://www.eabr.org/r/research/analytics/centre/projects/siei/index.php?id_4=19.

Винокуров Е., Либман А. (2010) Тренды региональной интеграции на постсоветском пространстве: результаты количественного анализа. *Вопросы экономики*, №7.

ВЦИОМ (2001) *Россия: западный путь для евразийской цивилизации*. Доступно на: www.levada.ru/press/.

Глинкина С., Орлик И. (2012) Евразийская идея на постсоветском пространстве. *Новая и новейшая история*, №2.

Гринберг Р. (2012) *Свобода и справедливость: Российские соблазны ложного выбора*. Москва: Магистр.

Гулидов Р. (2012) Проект «Туманган»: Вымысел или реальность? *Пространственная экономика*, №1.

Гумилев Л. (2001) *Этногенез и биосфера земли*. Санкт-Петербург: Кристалл.

Джадралиев М., Винокуров Е., Щербанин Ю. (2009) Евразийские транспортные коридоры. *Отраслевой обзор* №5. ЕАБР: Алматы. Доступно на http://www.eabr.org/general/upload/docs/publication/analyticalreports/Full_report_5_2009.pdf.

Дубнов А. (2011) Долина без грез. *Московские новости*, 19 июля.

ЕАБР (2008) Водно-энергетический комплекс Центральной Азии: проблемы использования и развития. *Отраслевой обзор ЕАБР* №2. ЕАБР: Алматы. Доступно на: www.eabr.org/publications/.

Евзеров Р. (2001) Глобализация и евразийский выбор. *Свободная мысль*, №10.

Глинкина С., Зевин Л. (ред.) (2011) *Евразия в поисках идентичности*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Замятин Д. (2010) Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития. *Общественные науки и современность*, № 4.

Зевин Л. (2011) Евразийское экономическое пространство: перспективы консолидации. *Общество и экономика*, № 2.

Зевин Л. (2012) Регион СНГ в постоднопольном мире: проблемы организации экономического пространства. *Мир перемен*, № 1.

Каганский В. (2004) «Евразийская» концепция пространства России. *Цивилизации*, № 6.

Казанцев А. (2008) *Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия*. Москва: Фонд «Наследие Евразии».

Карлусов В., Кудин А. (2002) Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: Историко-экономический анализ. *Проблемы Дальнего Востока*, № 3.

Кепман М. (2010) *МегаФон покоряет СНГ*. Доступно на: http://telnews.ru/Mihail_Kerman/c36434.

Коник Л. (2010) *Магистральные сенсации*. Доступно на: <http://www.com-news.ru/node/49637>.

Корнилов А., Сулейманов А. (2010) Евразийская дипломатия Анкары. *Международная жизнь*, № 4.

Косикова Л. (2008b) Проблемы консолидации стран Содружества вокруг России в условиях внутренней неоднородности региона СНГ. *Российский экономический журнал*, № 5–6.

Косикова Л. (2012) Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России. *Россия и современный мир*, № 1.

Косикова Л. (2010c) На всех парусах (Какой должна быть стратегия России в отношении государств СНГ?). *Прямые инвестиции*, № 2.

Косикова Л. (2010a) Регион СНГ во внешнеэкономической стратегии России. *Россия и современный мир*, № 4.

Косикова Л. (2010b) Экономическая политика России в постсоветском регионе (ретроанализ, оценка итогов, предложения). *Российский экономический журнал*, №№ 2–3.

Косикова Л. (2008a) *Интеграционные проекты России на постсоветского пространстве: идеи и практика*. Москва: ИЭ РАН.

Кротов М. (2011) Евразийская идея и перспективы СНГ. *Свободная мысль*, № 10.

Куаншалиева Д. (2008) *Первый спутник комом*. Доступно на: <http://www.centr-asia.ru/newsA.php?st=1218175980>.

Кузнецов А. (2012) Транснациональные корпорации стран БРИКС. *Мировая экономика и международные отношения*, № 3.

Кузнецов А. (2011) Эволюция российских ТНК: От региональных компаний к глобальным. *Вестник Государственной регистрационной палаты при Министерстве юстиции Российской Федерации*, № 4.

Кузнецов А. (2010с) Возможно ли и каким путем достичь компатибельности или комплементарности региональных и субрегиональных экономических институтов Евроатлантического региона? *Проблемы экономической безопасности Евроатлантического региона*. Москва: ИМЭМО.

Кузнецов А. (2010а) Многоликий Янус: (Нео) евразийство в России. *Звезда*, № 6.

Кузнецов А. (2010b) *Влияние российской инвестиционной экспансии на образ России в Европе*. Москва: ИМЭМО.

Кузнецов А. (2006) Два вектора экспансии российских ТНК — Евросоюз и СНГ. *Мировая экономика и международные отношения*, № 2.

Кузьмин Н. (2010) Их паровоз вперед летит. *Эксперт-Казахстан*, № 8, март.

Курманалиева Э., Винокуров Е. (2011) Международные потоки капитала в странах СНГ. *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 11, ноябрь.

Ларуэль М., Пейрус С. (2010) Дружба поневоле. *Россия в глобальной политике*, № 2.

Либман А. (2004) Об экспансии российских бизнес-структур в постсоветских государствах. *Панорама Содружества*, № 9.

Либман А. (2006) Взаимодействие стран СНГ с азиатскими интеграционными группировками. *MPRA Working Paper*, No. 16620.

Либман А. (2009а) Интеграционные процессы в евразийском пространстве: особенности современного этапа. *Россия и новые государства Евразии*, № 4.

Либман А. (2010а) Оптимальное пространство евразийской интеграции. *Россия и новые государства Евразии*, № 4.

Либман А. (2010b) Интеграция крупных государств и потенциал экономического взаимодействия в Евразии. *Россия и современный мир*, № 4.

Либман А., Хейфец Б. (2011) *Модели региональной интеграции*. Москва: Экономика.

Либман А., Хейфец Б. (2006) *Экспансия российского капитала в страны СНГ*. Москва: Экономика.

Либман А. (2011) Политические барьеры для экономической интеграции постсоветских стран. *Журнал новой экономической ассоциации*, № 11, ноябрь.

Либман А. (2009b) Модели экономической интеграции — мировой и постсоветский опыт. *MPRA Working Paper*, No.19434.

Линн Й. (2006) Либеральное евразийство. *Коммерсантъ*, №220, 24 ноября

Липартелиани Г.О. (2012) Проблемы становления и основные противоречия. *Власть*, № 5.

Лурье Я. (1994) Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева. *Звезда*, № 10.

Малашенко А. (2011b) Заметки пространстве, именуемом постсоветским, и о том, что там делает Россия. *Дружба народов*, № 9.

Малашенко А. (2012) Казахстан ждут непростые времена. *Брифинг Московского Центра Карнеги*, т. 14, выпуск 1.

Малашенко А. (2011a) Северный Кавказ: Зарубежный субъект Российской Федерации. *Брифинг Московского Центра Карнеги*, т.13, выпуск 3.

Миллер А. (2001) Тема Центральной Европы: история, современный дискурс и место в них России. *Новое литературное обозрение*, № 52.

Минакир П. (2009) Россия–Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы. *Пространственная экономика*, № 3.

Михайленко А. (2011) Тенденции постсоветской интеграции. *Свободная мысль*, № 12.

Михеев В. (2005) Интеграционное пространство Восточной Азии и Россия. *Пространственная экономика*, № 2.

Мозиас П. (2011) Экономическое взаимодействие России и Китая: от двустороннего формата к региональному. *Мировая экономика и международные отношения*, № 11.

Морозов В. (2011) Вездесущая идентичность: российская политическая наука перед лицом западной гегемонии. *Общественные науки и современность*, № 3.

Морозов В. (2005) *О коварстве Запада и его разоблачителях: российская внешнеполитическая мысль и самоизоляция России.*

Мочульский А. (2010) Об особенностях политики Китая в вопросах экономического сотрудничества в ШОС. *Мировая экономика и международные отношения*, № 10.

Назарбаев Н. (2011) От идеи к истории будущего. *Известия*, 25 октября.

Нысанбаев А., Курманбаев Е. (1999) Евразийская идея Чокана Валиханова. *Евразийское сообщество*, № 26.

- Оболенский В. (2011) Россия в Таможенном союзе и ВТО: Новое в торговой политике. *Мировая экономика и международные отношения*, № 12.
- Олейник А. (2007) Эрозия демократии в России и на Западе в свете гипотезы о негативной конвергенции. *Общественные отношения и современность*, № 2.
- Олкотт М. (2005) *Второй шанс Центральной Азии*. Москва: Московский Центр Карнеги.
- Орлик И. (2010) Евразийство: от зарождения до наших дней. *Новая и новейшая история*, № 1.
- Панарин А. (2000) Искушение глобализмом. Москва: Алгоритм.
- Панеях Э. (2008) Экономика и государство: подходы социальных наук. *Polit.ru*.
- Попов И. (2011) Республика «Дордой». *Forbes*, № 7.
- Путин В. (2011). Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. *Известия*, 3 октября.
- Рыжова Н. (2009) Влияние приграничной торговли на экономическое состояние Китая и России // *Вопросы экономики*, № 6.
- Рыжова Н. (2011) Инвестиционная компонента модели корпоративной интеграции Китая и России. *Пространственная экономика*, № 3.
- Савкович Е. (2006) Проекты экономической интеграции Китая и Казахстана. *Агентство политических новостей — Казахстан*, 28 августа
- Семенов А. (2011) Обоснованы ли страхи? *Свободная мысль*, № 5.
- Сколково (2008) *Российский бизнес за рубежом: динамика развития*. Препринт Московской школы управления «Сколково».
- Спартак А. (2011) Евразийская перспектива постсоветской интеграции. *Журнал Новой экономической ассоциации*, №11, ноябрь.
- СПЕКА (2008) Тринадцатая сессия Проектной рабочей группы. Презентация АО «Казтранссервис». Доступно на: http://www.unecsc.org/trans/main/specs/docs/13th_presentation08_r.pdf.
- Тренин Д. (2006) *Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад»*. Москва.: Европа.
- Троекурова И. (2010) Взаимовыгодное экономическое сотрудничество стран СВА в рамках Расширенной Туманганской инициативы. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, № 2.
- Трубецкой Н. (1925) Мы и другие. *Евразийский временник*, № 4.
- Фельдман Д. (2005) Взаимоотношения элит стран СНГ. *ПОЛИС*, № 4.

- Фроленков В. (2008) Взаимодействие КНР и центрально-азиатских стран-членов ШОС в энергетической сфере. *Проблемы Дальнего Востока*, № 2.
- Фроленков В. (2007) Коллективное экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: Начальный период становления. *Проблемы Дальнего Востока*, № 2.
- Фурман Д. (1996) О будущем постсоветского пространства. *Свободная мысль*. № 6.
- Фурман Д. (2003) Укрепляют друг друга. Священный союз президентов СНГ. *Московские новости*, 30 сентября.
- Фурман Д., Абасов А. (2001) *Азербайджанская революция. Азербайджан и Россия: общества и государства*. Москва: Права человека.
- Хейфец Б. (2010) Зарубежные инвестиции российского бизнеса: итоги 2009 года, тенденции и перспективы. *Вестник Государственной регистрационной палаты при Министерстве юстиции Российской Федерации*, № 1.
- Хейфец Б. (2011b) Конкуренция за иностранные инвестиции в Таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России. *Россия и современный мир*, № 4.
- Хейфец Б. (2011c) На сломе тренда: итоги зарубежных прямых инвестиций российского бизнеса в 2010. *Вестник Государственной регистрационной палаты при Министерстве юстиции Российской Федерации*, № 1.
- Хейфец Б. (2011a) *Российский бизнес в странах ЕвразЭС: Модернизационный аспект*. Москва: Экономика.
- Храброва И. (2000) *Корпоративное управление: вопросы интеграции*. Москва: Альпина.
- Цветков В. (2010) Постсоветское экономическое пространство: Современное состояние и перспективы развития. *Пространственная экономика*, № 3.
- Чернышов С. (2010) На пути к единой Евразии. *Россия в глобальной политике*, № 3.
- Чудодеев Ю. (2009) Еще раз о евразийской идентичности России. *Азия и Африка сегодня*, № 2.
- Шевченко И., Алексеева Е. (2010) Регионализация и ее формирование на Юге Европы. *Региональная экономика: Теория и практика*, № 9.
- Шинковский М. (2004) Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока. *ПОЛИС*, № 5.
- Шмелев И. (2006) Магистральный ресурс России. *Открытые системы*. Доступно на: <http://www.ospr.ru/nets/2006/09/2054866/>.
- Эскинадаров М. (1999) *Развитие корпоративных отношений в современной экономике*. Москва: Республика.
- Янов А. (1992) Учение Льва Гумилева. *Свободная мысль*, № 17.

СОКРАЩЕНИЯ

АБР — Азиатский банк развития

АРПУ — средний доход в расчете на одного абонента (от англ. Average Revenue per User, ARPU)

АСЕАН — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (от англ. Association of South East Asian Nations, ASEAN)

АСЕМ — Форум «Азия — Европа» (от англ. Asia-Europe Meeting, ASEM)

АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион

АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество

АЦДЕ — Ассоциация центральных депозитариев Евразии

ВБ — Всемирный банк

ВВП — валовый внутренний продукт

ВОЛС — волоконно-оптическая линия связи

ВОТ — Всемирная организация туризма

ВТО — Всемирная торговая организация

ВФБ — Всемирная федерация бирж

ГВБ — Группа Всемирного банка

ГЛОНАСС — глобальная навигационная спутниковая система

ГУАМ — Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова

ДКБ — Договор о коллективной безопасности

ДФЭ — двадцатифутовый эквивалент (англ. twenty-foot equivalent unit, TEU) — условная единица измерения количественной стороны транспортных потоков, пропускной способности контейнерных терминалов или вместимости грузовых транспортных средств

ЕАБР — Евразийский банк развития

ЕАС — Евразийский экономический союз

ЕБРР — Европейский банк реконструкции и развития

ЕврАзЭС — Евразийское экономическое сообщество

ЕврАзЭС-3 — три самых крупных стран ЕврАзЭС: Россия, Казахстан и Беларусь

ЕврАзЭС-5 — пять стран-членов ЕврАзЭС: Россия, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь и Таджикистан

ЕИБ — Европейский инвестиционный банк

ЕС — Европейский союз

ЕТС — Евразийская торговая система

ЕФТА — Европейская зона свободной торговли

ЕЦА — Европа и Центральная Азия

ЕЭЗ — Европейская экономическая зона

ЕЭК — Евразийская экономическая комиссия

ЕЭК ООН — Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций

ЕЭП — Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана и России

ИБР — Исламский банк развития

ИКТ — информационно-коммуникационные технологии

ИШП — Инициатива «Шелковый путь»

ЗСТА — Зона свободной торговли Америк (англ. Free Trade Area of the Americas, ФТАА)

К-кольцо — Каспийское кольцо

КНР — Китайская Народная Республика

КСБР — Коллективные силы быстрого развертывания Организации Договора о коллективной безопасности

ЛАФТА — Латиноамериканская ассоциация свободной торговли

МАБ СНГ — Международная ассоциация бирж стран Содружества независимых государств

МАГИ — Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций

МАР — Международная ассоциация развития

МБРР — Международный банк реконструкции и развития

МВФ — Международный валютный фонд

ММВБ — Московская межбанковская валютная биржа

МОКЦБ — Международная организация комиссий по ценным бумагам

МПА СНГ — Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств

МСЭ – Международный союз электросвязи
МТК – международный транспортный коридор
МТС – Мобильные ТелеСистемы
МФК – Международная финансовая корпорация
МФИ – международные финансовые институты
НАФТА – Североамериканская зона свободной торговли (от англ. North American Free Trade Agreement, NAFTA)
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности
ООН – Организация Объединенных Наций
ОПЕК – Организация стран-экспортеров нефти (от англ. Organization of the Petroleum Exporting Countries, ОПЕК)
ОЧЭС – Организация Черноморского экономического сотрудничества
ОЭП – общее экономическое пространство
ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ – прямые иностранные инвестиции
ПРООН – Программа развития Организации Объединенных Наций
ПФТС – Первая фондовая торговая система Украины
РАТС ШОС – Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества
РЖД – Российские железные дороги
РКИК ООН – Рамочная конвенция ООН по изменению климата
РНБ – режим наибольшего благоприятствования (режим наиболее благоприятствуемой нации)
РСС – Региональное содружество в области связи
РТИ – Расширенная туманганская инициатива
РТС – Российская торговая система
РФ – Российская Федерация
РФЦА – Региональный финансовый центр Алматы
СГРБ – Союзное государство России и Беларуси
СДР – специальные права заимствования (от англ. special drawing rights, SDR)

СИБ – Инвестиционный банк стран Северной Европы или Северный инвестиционный банк (англ. Nordic Investment Bank, NIB)

СИЕИ ЕАБР – Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР

СНГ – Содружество Независимых Государств

СССПЗ – Совет по сотрудничеству стран Персидского залива

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ССТ – соглашение о свободной торговле

СП – совместное предприятие

СПЕКА – Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии

СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР

СЭВ – Совет экономической взаимопомощи

ТАЕ ВОЛС – Трансазиатско-европейская волоконно-оптическая линия связи

ТЕИС – Транснациональная Евразийская информационная супермагистраль

ТНК – транснациональная корпорация

ТРАСЕКА – Транспортный коридор «Европа – Кавказ – Азия» (англ. Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia)

Транссиб – Транссибирская железнодорожная магистраль

ТС – Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России

УСМС – универсальная система мобильной связи

ФУР – финансовое учреждение развития (организация по финансированию развития)

ЦА-4 – четыре центральноазиатских государства: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан

ЦАЛ – цифровая абонентская линия

ЦАРЭС – Программа центральноазиатского регионального экономического сотрудничества

ЦВЕ – Центральная и Восточная Европа

ЦЕССТ – Центрально-европейское соглашение о свободной торговле

ЦОД – центр обработки данных

ЦЮАФТТ – Центрально-южноазиатский форум по транспорту и торговле

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества

ЭСКАТО — Экономическая и социальная комиссия ООН по странам Азии и Тихого океана

ЮААРС — Южно-азиатская ассоциация регионального сотрудничества (англ. South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC)

ЮНКТАД — Конференция ООН по торговле и развитию (от англ. United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD)

CDMA — множественный доступ с кодовым разделением каналов (англ. CodeDivisionMultipleAccess)

ЕБИТДА — прибыль до вычета амортизации, процентов и налогов (англ. Earnings Before Interest, Taxes, Depreciation and Amortization,)

HSDPA — высокоскоростная пакетная передача данных от базовой станции к мобильному телефону (англ. High-Speed Downlink Packet Access)

KASE — Казахская фондовая биржа

OWA — открытая беспроводная архитектура (англ. Open Wireless Architecture)

VSAT — малая наземная станция спутниковой связи (англ. Very Small Aperture Terminal)

Wi-Fi — беспроводная передача данных с высокой точностью (англ. Wireless Fidelity)

WiMAX — технология широкополосного беспроводного доступа в Интернет (англ. Worldwide Interoperability for Microwave Access)

3 G, 3.5G — третье поколение сетей мобильной связи (от англ. third generation)

4 G — четвертое поколение сетей мобильной связи

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

АБР (Азиатский банк развития) 60, 65, 67, 78, 100, 111, 131, 148
автомобильный 90, 97, 136, 153
АвтоВАЗ 153
Агромашхолдинг 153
Азербайджан 101, 147, 167
Азия, см. также **Евразия**, **Азиатский банк развития** 7, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 20, 23, 34, 35, 42, 43, 45, 47, 50, 53, 55, 57, 60, 61, 65, 67, 68, 75, 91, 92, 94, 97, 100, 111, 116, 117, 118, 119, 147, 148
    Центральная Азия 6, 9, 14, 27, 29, 31, 39, 40, 41, 47, 49, 58, 62, 65, 67, 70, 75, 79, 93, 94, 95, 96, 100, 101, 103, 120, 121, 122, 127, 128, 131, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 167
    Восточная Азия 6, 9, 24, 25, 26, 28, 42, 43, 50, 55, 58, 59, 60, 61, 74, 89, 95, 110, 138, 143
    Западная Азия 26, 62, 113
АСЕМ (Форум «Азия – Европа») 74, 75
Америка 30, 31, 32, 33
    Латинская Америка 39, 40, 41, 52, 99, 126
    Северная Америка 23, 39, 40, 41, 47, 48, 96, 97
    Южная Америка 42, 103, 104
Армения 72, 85, 103, 108, 115, 118, 158, 176
АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) 28, 43, 58, 60, 74
атипичная пневмония (птичий грипп) 139
Азиатско-Тихоокеанский регион 94, 104
Афганистан 65, 66, 103, 108, 110, 118, 133, 135, 137, 138, 140, 147
Африка 24, 34, 37, 42, 53, 56, 77, 104, 116, 118
    Северная Африка 26, 27

Б

Беларусь 13, 27, 47, 51, 56, 58, 67, 83, 84, 109, 116, 144, 146, 158, 176
Балтийские страны 27, 28, 110
Большой Алтай 79, 81, 82, 88
Бразилия 55, 136

В

Всемирный банк 57, 65, 111, 131, 141
ВВП (внутренний валовой продукт) 6, 26, 35, 36, 37, 142, 143, 149, 151, 156, 175
Великобритания 41, 42, 43, 167, 176
Венесуэла 55
вестернизация 20, 22
Византийская империя 31, 32, 38, 40
ВОЛС (волоконно-оптическая линия связи) 117, 118, 120
ВТО (Всемирная торговая организация) 59, 66, 69, 148
ВымпелКом (VimpelCom) 114, 115, 116, 123
Вышеградская группа 75
Вьетнам 88, 111, 116, 123, 177

Г

газ 24, 43, 48, 106, 108, 128, 152, 155
Газпром 152
Германия 10, 16, 56, 96, 118, 175
гидроэнергетика 130, 131
Глобализация 23, 24, 25, 40, 56, 139, 149
ГЛОНАСС (глобальная навигационная спутниковая система) 121, 122
Гонец 121, 122
Гонконг 45, 50, 54, 57, 121, 177
Грузия 27, 85, 94, 116, 118, 158, 176

ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова) 61, 94
Гумилев, Лев 16, 17, 20

Д

Давутоглу, Ахмет 27
демократия, демократический 68, 136
Достоевский, Федор 15, 91
Достык (пограничный переход) 94, 95
Дугин, Александр 15

Е

ЕАБР (Евразийский банк развития) 9, 11, 13, 114, 131, 141
евразийство 7, 12, 15, 16, 17, 20, 21, 27, 29
евразийский обмен 11, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 38, 39, 40, 58, 67, 111, 113, 128, 130, 166
российские евразийцы, см. также Трубецкой Н., Гумилев Л. 16, 17, 20
Евразия 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 23, 25, 28, 29, 32, 33, 34, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 56, 59, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 73, 76, 77, 78, 85, 89, 90, 92, 103, 110, 112, 113, 114, 116, 122, 124, 125, 133, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 146, 149, 150, 158, 159, 164, 165, 166, 167, 168
Центральная и Северная Евразия 22, 23, 26, 27, 28, 31, 39, 40, 51, 52, 53, 54, 57, 61, 72, 73, 81, 87, 91, 93, 95, 99, 103, 109, 110, 114, 119, 123, 143, 165
ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество) 13, 48, 61, 75, 76, 96, 99, 101, 147, 158
Европа 6, 7, 9, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 41, 42, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 61, 62, 64, 65, 67, 69, 73, 74, 75, 83, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 102, 104, 110, 116, 117, 118, 119, 120, 139, 144, 148, 165, 175
Восточная Европа 24, 41, 43, 49, 52, 53, 56, 62, 75, 79, 84, 100, 106, 128, 133, 141, 145
Западная Европа 35, 51, 91, 97, 107, 138

Еврорегион 79, 82, 83, 84, 89
ЕС (Европейский союз) 9, 26, 48, 50, 56, 59, 61, 65, 67, 83, 106, 146, 157, 165, 166, 175
ЕЭК (Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций) 65, 66
ЕАС (Евразийский союз) 13
ЕЭП (Единое экономическое пространство) 58, 145, 147, 148

Ж

железные дороги 82, 91, 92, 93, 97, 98, 102, 160
колея 97, 98, 99

З

зона свободной торговли 63, 64, 65, 75

И

ИБР (Исламский банк развития) 65, 131
Иванов, Сергей 121
импорт 45, 48, 87, 136, 138, 140, 151, 156, 161
Индия 16, 27, 31, 34, 36, 41, 50, 57, 67, 71, 88, 91, 92, 93, 95, 96, 100, 102, 103, 108, 113, 120, 121, 123, 128, 129, 148, 157
инфраструктура 8, 11, 38, 60, 64, 65, 67, 77, 80, 81, 87, 90, 93, 98, 100, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 114, 125, 128, 150, 160, 161
интеграция 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 50, 51, 56, 57, 58, 59, 62, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 113, 114, 121, 124, 133, 137, 138, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 158, 159, 163, 164, 165, 166, 167, 168
экономическая интеграция 9, 10, 22, 58, 74, 112, 143, 146
евразийская интеграция 8, 9, 10, 11, 12, 27, 29, 69, 71, 77, 78, 108, 133, 137, 138, 139, 141, 148, 159, 164, 165, 166, 167, 168
постсоветская интеграция 22, 62, 70, 141, 143, 144, 145, 146, 148

региональная интеграция, см. также
регионализм и регионализация 8, 9, 62, 69,
75, 88, 90, 106, 112, 164

«теневая» интеграция 133

ИНТЕР РАО 109, 152

интеррегионализм 28

инвестиции 41, 45, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55,
56, 58, 64, 67, 69, 78, 90, 101, 102, 109, 114, 151,
152, 153, 155, 156

прямые 49, 51

взаимные 41, 114

Иран 66, 67, 78, 91, 93, 103, 108, 118, 128, 138,
150, 157,

К

Кавказ 14, 17, 27, 65, 93, 134, 144

Казахстан 13, 19, 20, 21, 28, 50, 56, 58, 64, 65, 67,
72, 75, 78, 79, 80, 82, 86, 88, 89, 90, 94, 99, 102, 116,
118, 120, 121, 122, 129, 135, 136, 137, 143, 146, 148,
149, 151, 152, 153, 154, 155, 160, 161, 162, 163

Казсат-1 122

КамАЗ 153

Камбоджа 111, 116

Канада 41, 42, 105, 106, 129

Каримов, Ислам 152

КАСА-1000 (проект) 110

Каспийское море 127, 130

Китай 20, 28, 30, 31, 34, 41, 45, 47, 48, 49, 63,
64, 65, 67, 68, 73, 74, 78, 79, 80, 82, 87, 91, 92,
95, 99, 100, 102, 103, 109, 110, 111, 113, 118,
120, 122, 126, 127, 129, 130, 148, 149, 150, 154,
155, 156, 157, 158

Китай – ЕС 26, 45, 47, 50, 56, 94, 95, 103, 122

**КНР (Китайская Народная Республика),
см. Китай** 24, 45, 49, 50, 54, 56, 57, 64, 65, 70,
122, 148, 152, 155, 156

Корея 28, 71, 74, 78, 81, 82, 87, 88, 92, 95, 99,
115, 121, 126, 127, 139

Кыргызстан (Кыргызская Республика) 67,
75, 86, 108, 115, 118, 127, 134, 135, 136, 137,
151, 153, 156, 160, 161, 162, 163, 164

Л

ЛУКОЙЛ 52, 152

М

макрорегионы 26, 27, 28, 45, 56, 59, 70, 71, 73,
79, 94, 103, 149, 168

МВФ (Международный валютный фонд)
26, 44, 65

МегаФон 114, 115, 116

Мексика 105, 106, 136

МЕРКОСУР 104

миграция 23, 41, 56, 57, 61, 77, 84, 87, 124, 133,
138, 140, 151, 153, 154, 156, 158, 165

модернизация 19, 20, 21, 82, 102, 120, 145

Молдова 14, 27, 84, 85, 94, 98, 109, 116, 158

Монголия 28, 65, 79, 80, 81, 92, 94, 99, 118,
126, 147

МПА (Межпарламентская Ассамблея

ЕврАзЭС) 13

МСЭ (Международный союз электросвязи)
113

МТС (Мобильные ТелеСистемы) 114, 115,
123

Н

Назарбаев, Нурсултан 13, 19, 20, 90

НАФТА 105, 106

недемократическая страна 68, 69, 159, 166

нефть, см. также **трубопровод** 24, 43, 48, 55,
73, 96, 127, 128, 152, 155

нефтепровод 149

Нордпул 104, 106, 107

О

Общий рынок 32, 75, 106, 109, 139

общий электроэнергетический рынок 108

общий микробный рынок 32, 139

**ОДКБ (Организация Договора о
Коллективной Безопасности)** 61

ООН (Организация Объединенных Наций)
42, 45, 60, 65, 66, 67, 77, 94, 111, 134

П

Пакистан 41, 57, 71, 93, 103, 108, 110, 115, 118, 129, 135, 139

Персидский залив 29, 31, 57

ПИИ (прямые иностранные инвестиции)
смотри инвестиции 50, 51, 53, 54, 55

пограничный

контроль 89, 135, 137, 140

переход 94, 97, 98, 99

политические системы 68, 69

постсоветское пространство, см. также

Северная и Центральная Евразия, СНГ, ЕврАзЭС 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 19, 22, 28, 43, 50, 51, 52, 59, 61, 62, 68, 70, 72, 86, 102, 103, 123, 144, 147, 149, 153, 168

Программа арктического мониторинга и оценки 129

ПРООН (Программа развития ООН) 65, 77, 78, 81

Путин, Владимир 62, 143

Р

РАО ЕЭС 110, 152

РАТС ШОС (Региональная антитеррористическая структура ШОС) 63,
Расширенная туманганская инициатива (РТИ) 60, 79, 81

регионализация 8, 55, 89, 140, 141, 154

регионализм, см. также **региональная интеграция** 8, 10, 61, 72, 76, 77, 145, 147, 148, 159, 167

революция 86, 136

Римская империя 30, 31, 39

Роснефть 152

Россия 7, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 27, 28, 47, 48, 50, 51, 52, 55, 56, 58, 61, 63, 64, 67, 69, 70, 71, 72, 76, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 93, 94, 99, 100, 101, 103, 108, 109, 110, 114, 115, 118, 119, 120, 121, 126, 127, 129, 130, 135, 136, 138, 140, 141, 143, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 164, 167

РФ (Российская Федерация), смотри Россия 51, 146, 152, 153, 161

С

СГРБ (Союзное государство России и Беларуси) 61

Северная и Центральная Евразия, см. также **постсоветское пространство, СНГ** 9, 22, 23, 26, 27, 28, 31, 39, 51, 52, 57, 61, 81, 87, 93, 95, 99, 103, 109, 114, 119, 123

Сибирь 47, 91, 102, 108

СИЕИ (Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР) 9

Сколково 53

СНГ (Содружество Независимых Государств) 7, 9, 12, 13, 15, 20, 22, 24, 25, 26, 27, 42, 43, 46, 47, 48, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 61, 70, 73, 84, 86, 92, 95, 103, 104, 108, 110, 113, 114, 115, 116, 117, 134, 135, 138, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 153, 157, 158, 162, 165, 167
совместное предприятие 116

Соединенные Штаты Америки (США) 13, 14, 16, 21, 24, 26, 35, 41, 42, 45, 48, 51, 55, 63, 73, 105, 106, 117, 118, 129, 155

Госдепартамент США 14

Агентство США по международному развитию (USAID) 14

сотрудничество 7, 19, 21, 54, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 73, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 100, 103, 108, 111, 120, 122, 124, 125, 126, 130, 131, 132, 133, 139, 140, 145, 146, 147, 148, 150, 153, 155, 158, 159, 163, 165, 166, 167

трансграничное сотрудничество 77, 88, 124, 130, 133, 163

межправительственное сотрудничество 7, 77
спутниковые системы 121, 122

Средиземное море 39, 93, 117

СССР (Союз Советских Социалистических Республик) 12, 13, 15, 22, 28, 31, 41, 42, 43, 49, 57, 103, 147, 154

ССТ (соглашение о свободной торговле) 57, 58, 59, 60

СУАР (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) 65, 79, 80, 97, 156

СЭВ (Совет экономической взаимопомощи) 24

Т

Таджикистан 65, 66, 72, 75, 86, 103, 108, 115, 118, 134, 135, 137, 151, 151, 153, 154, 160, 161, 162, 163, 164

Таиланд 60, 111, 177

Таможенный союз 143, 146, 148, 153

тариф 91, 96, 99, 108, 148

ТАТ (Трансатлантический телефонный кабель) 118

ТАЕ (Трансазиатско-Европейская волоконно-оптическая линия связи),

см. также **ВОЛС** 118

телекоммуникации 11, 31, 112, 114, 123

сети 19, 21, 25, 29, 32, 38, 39, 40, 47, 49, 58, 59, 61, 66, 90, 91, 93, 101, 102, 103, 107, 118, 119, 120, 136, 156, 158, 166

магистральные линии 117, 119

ТНК (транснациональная корпорация) 49, 50, 54, 55, 152

торговля

взаимная торговля 30, 41, 80

лодьюми 124, 137, 138, 140

наркотиками 8, 124, 133, 134, 136, 137, 138, 140, 165, 168

оружием 124, 139

свободная торговля 28, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 75, 84

соглашение о свободной торговле 57, 58, 59, 60

трансграничные реки (реки, протекающие по территории нескольких государств) 126, 127, 160

транснациональные компании 51, 53, 54, 55, 69, 113, 123, 151, 165

Трансмашхолдинг 153

транспорт

автомобильный 97, 136

железнодорожный 66, 91, 93, 94, 97

транспортные коридоры 65, 67, 90, 91, 93, 96, 99, 100, 141, 158

Трансиб (Транссибирская железная дорога) 93, 96, 102

ТРАСЕКА (Транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия) 65, 67, 94, 100, 157, 158

Трубецкой, Николай 15

трубопровод 24, 47, 81, 149, 152, 155, 158

Турция 27, 56, 58, 67, 71, 85, 89, 93, 102, 110, 116, 118, 128, 135, 147, 150, 157, 178

У

Узбекистан 51, 56, 64, 65, 66, 72, 75, 78, 108, 111, 115, 118, 135, 150, 151, 152, 160, 161, 162, 163, 164, 177

Украина 14, 17, 27, 47, 50, 53, 56, 72, 83, 84, 85, 86, 94, 100, 109, 115, 116, 118, 121, 121, 144, 145, 146, 153, 155, 158, 167, 176

Ф

Финляндия 84, 85, 93, 129, 130, 175

Франция 16, 86, 120, 175

Х

Хоргос 79, 80, 81

Ц

ЦАРЭС (Программа центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества) 60, 65, 66, 100, 158

Ч

Черное море 127

Ш

Шелковый путь 29, 31, 77, 78, 79, 118

ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) 48, 62, 63, 64, 65, 66, 70, 147, 148

Э

экологические вопросы (проблемы) 124, 125, 126, 130, 131, 133, 165

экономический рост 48, 52, 87, 103, 104, 124, 125, 133, 140, 141, 145, 154, 163

экспорт 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 91, 92, 93, 105, 108, 109, 110, 152

электричество 105, 108, 161

ОЭР (общий электроэнергетический рынок) 103, 104, 107, 108, 110

ЭСКАТО (Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана) 65, 66

Я

Япония 16, 20, 28, 34, 35, 36, 37, 41, 45, 71, 74, 82, 87, 88, 91, 119, 127, 177

ЦЕНТР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРАЗИЙСКОГО БАНКА РАЗВИТИЯ

Углубление процессов региональной экономической интеграции на евразийском пространстве, начало которому положили создание Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) Беларуси, Казахстана и России, нуждается в адекватном аналитическом сопровождении. С этой целью в 2011 году был создан Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР).

На Центр возложена организация исследовательской работы, подготовки докладов и рекомендаций правительствам государств-участников ЕАБР по проблематике региональной экономической интеграции.

К приоритетам исследований ЦИИ относятся:

- торгово-экономическая и корпоративная интеграция, в том числе оценка экономических эффектов ТС и ЕЭП, вопросы гармонизации законодательства, деятельности корпоративных субъектов на постсоветском пространстве, формирование «евразийских ТНК»;
- мероприятия, этапы и сроки формирования Евразийского экономического союза;
- валютно-финансовая интеграция, включая интеграцию фондовых рынков и банковскую экспансию, а также проблематику введения единой и расчетной валют в регионе;
- теоретическое осмысление евразийской интеграции на основе разработанных мировым научным сообществом теорий региональной интеграции; продвижение идей евразийской интеграции — издание линейки аналитических публикаций (журналы, альманахи, обзоры, отчеты и доклады).

Контакты ЦИИ ЕАБР:

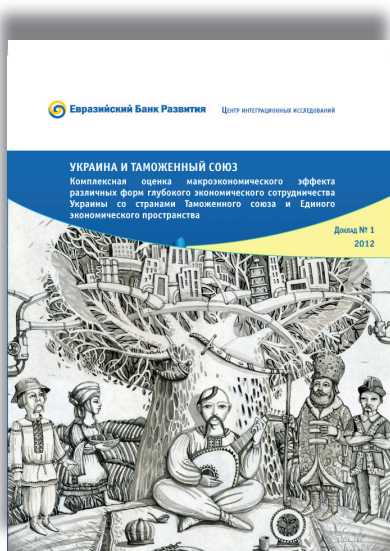
191014, Россия, Санкт-Петербург, ул. Парадная, д. 7

Тел. +7 (812) 320 44 41 (доб. 2413)

E-mail: centre@eabr.org

www.eabr.org/r/research/analytics/centre/about/index.php

ПУБЛИКАЦИИ ЦИИ ЕАБР В 2012 ГОДУ

Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС

Авторы доклада указывают, что развитие наиболее крупных экономик постсоветского пространства (России, Украины, Беларуси, Казахстана) связано со структурными изменениями, а потенциал значительного экономического роста, основанного на сырьевом экспорте и морально устаревшей обрабатывающей промышленности, близок к исчерпанию. В представленном исследовании впервые за последние 20 лет сформирован межотраслевой прогнозно-аналитический комплекс моделей для четырех ведущих стран региона. Достоинством работы является проведение межотраслевого анализа в единой методологии. Такой подход не только позволил смоделировать совместную экономическую динамику и структурные изменения, но и получить обоснованные оценки возможных сценариев интеграции на постсоветском пространстве.

На русском и английском языках.

www.eabr.org/r/research/analytics/centre/projects/ukraine/

Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы

Данная работа представляет собой обзор литературы по экономической и политической интеграции на постсоветском пространстве. Работа обобщает как международные исследования в области региональной интеграции на территории бывшего Советского Союза, так и русскоязычные материалы по этой теме, рассматривая научные работы и издания в сфере экономики, политологии, международных отношений и

политэкономии, юриспруденции и анализа отдельных стран. Выделены характерные особенности, а также рассмотрены различия между российскими и международными исследованиями, посвященными постсоветскому пространству и Центральной Азии

На русском и английском языках.

www.eabr.org/r/research/analytics/centre/projects/CIS_CentralAsia/

Оценка экономического эффекта и институционально-правовых последствий соглашений Единого экономического пространства в области трудовой миграции

В докладе представлен анализ двух соглашений, вступивших в силу 1 января 2012 г. в рамках ЕЭП России, Беларуси и Казахстана: «Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей» и «Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции

из третьих государств». В докладе содержится анализ экономического эффекта принятых соглашений, их влияния на интенсивность трудовых миграционных процессов, на рынок и производительность труда, на развитие хозяйственной деятельности в регионе и укрепление региональных экономических связей. Значительное внимание в работе уделяется оценке последствий принятия соглашений для миграционных потоков из Центральной Азии.

www.eabr.org/r/research/analytics/centre/projects/labour_migration

Интеграционный барометр ЕАБР 2012

Данная работа представляет собой результаты комплексного исследования интеграционных ориентаций населения стран постсоветского пространства, основанного на мониторинговом изучении общественного мнения по вопросам постсоветской интеграции: налаживанию межгосударственных экономических и кооперационных связей, социальных и бизнес-контактов, культурному взаимодействию. В работе показана подробная картина предпочтений граждан стран региона СНГ по различным

аспектам интеграции и кооперации в регионе, в том числе в контексте динамики, основных закономерностей и прогнозов развития интеграционных процессов на уровне общественного сознания граждан стран региона, а также оценок населением степени «интегрированности» евразийского пространства.

На русском и английском языках.

http://eabr.org/r/research/analytics/centre/projects/integration_barometer/

Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ

Мониторинг взаимных инвестиций СНГ, разработанный ИМЭМО РАН и Центром интеграционных исследований ЕАБР, имеет широкую потенциальную сферу применения. Он обеспечит аналитическое сопровождение работы над адекватной стратегией углубления интеграции на постсоветском пространстве для государственных и надгосударственных органов. Собранная эмпирическая база данных, а также решенные методологические

задачи способствуют прогрессу научного знания о ТНК, в особенности из развивающихся и постсоциалистических стран.

http://eabr.org/r/research/analytics/centre/projects/invest_monitoring/

Евразийская экономическая интеграция. Научно-аналитический журнал

«Евразийская экономическая интеграция» – ежеквартальный научно-аналитический журнал, выпускаемый Евразийским банком развития. В редакционную коллегию и редакционный совет журнала входят известные ученые и практики, авторитетные специалисты в области региональной интеграции. «Евразийская экономическая интеграция» публикует научно-аналитические статьи, рецензии книг по интеграционной проблематике,

интервью, а также ежеквартальную хронику региональной интеграции. Фокусируясь в большей степени на экономической проблематике, журнал публикует материалы, посвященные широкому кругу актуальных вопросов евразийской интеграции. Это теория интеграции, в том числе применительно к процессам на постсоветском пространстве; экономическая интеграция (торговля, инвестиции, финансовые институты); институциональная интеграция; другие вопросы сотрудничества на постсоветском пространстве; мировой опыт региональной интеграции.

<http://eabr.org/r/research/publication/eei/>

ОБ АВТОРАХ

Евгений Винокуров — д.э. н. (ИМЭМО РАН), Ph.D. (Гренобльский университет), директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития. Руководитель проекта «Система индикаторов евразийской интеграции», главный редактор альманаха *EDB Eurasian Integration Yearbook* и журнала «Евразийская экономическая интеграция». Автор четырех индивидуальных и 11 коллективных монографий, включая «Теорию анклавов» и *The CIS, the EU, and Russia: Challenges of Integration*. Опубликовал 80 статей, в том числе в таких ведущих изданиях, как *Journal of Common Market Studies* и «Вопросы экономики». Исследовательские интересы: экономическое развитие и интеграция.

Александр Либман — младший профессор международной политической экономики Франкфуртской школы финансов и менеджмента и старший научный сотрудник Института экономики РАН. Доктор экономических наук (ИЭ РАН), PhD in Economics (Мангеймский университет). Ассоциированный научный сотрудник Восточно-Китайского педагогического университета. Исследовательские интересы: политическая экономика региональной интеграции и федерализма, политическая экономика недемократических систем, эмпирическая экономика общественного сектора. Публикации в журналах *Journal of Common Market Studies*, *Journal of Comparative Economics*, *Review of International Political Economy*, *Empirical Economics*, *Europe-Asia Studies*, *Post-Communist Economies*, а также в других изданиях

евразийский континент

«Винокуров и Либман собрали и обработали гигантский объем информации по евразийской экономической интеграции. Их книга на высоком научном уровне и в доступной форме раскрывает тему, лежащую в основе глобальной экономической и политической трансформации в XXI веке».

Йоханнес Линн, Брукингский институт

ев континент